

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, доцент
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильиных
(Челябинск, Россия)

**Заведующий рубрикой экономики
и управления**

кандидат экономических наук, доцент
Сергей Александрович Головихин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 10.06.2014 г.

Формат 70×108^{1/16}

Усл. п. л. 8,75. Тираж 500 экз.

Заказ № 2204.

Издание подготовлено к печати
и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

СОЦИУМ**Н.В. Егорышева**

Методологические основы
политолого-социологического
исследования проблем
взаимодействия полиции
с гражданским обществом
и населением .....

Публикация
отозвана 19.01.2023

7

А.В. Царёва

Ролевые игры живого действия:
определение исследовательского
подхода .....

14

Б.С. Павлов, Н.Б. Костина

Влияние межпоколенческих
отношений в семье на трудовые
практики подростков: опыт
эмпирического исследования .....

21

О.В. Власова

Образовательная деятельность
молодёжных субкультурных
общностей северного города .....

29

ВЛАСТЬ**С.Г. Зырянов**

Новый способ легитимации
власти губернаторов в России:
особенности и проблемы .....

35

А.В. Шуклин

Соотношение политических стратегий
современной России и российского
цивилизационного типа.....

41

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

- С.В. Борисов* – доктор философских наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Ю.Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- А.В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В.Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О.Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А.Ю. Сунгуров* – д. полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Н.Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор,
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С.В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А.Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

- О.В. Артемова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л.М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л.М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- Е.А. Неживенко* – доктор экономических наук,
доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Т.Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С.С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С.С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д.В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

**А.Л. Лазутина, Д.В. Леушкин,
Т.Л. Полусмак, А.Л. Симонов,
А.А. Фоменков**

К вопросу о связи между трудовой и политической мотивацией в современной России 46

В.В. Шишков

Британская империя как национально-институциональная имперская система и её стратегии по отношению к перифериям 52

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ю.Г. Ершов

Правовой нигилизм: причины и последствия 58

А.Н. Савченко, А.Б. Сергеев

Мотивированность апелляционного решения в уголовном судопроизводстве как критерий качества деятельности судебной власти 64

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

В.Н. Лавров, А.Д. Понемасов

Экономические основы трудовой теории стоимости: логико-гносеологический анализ..... 69

Е.А. Неживенко

Индикаторы достойного труда в контексте российской практики оценки 74

М.Я. Ходоровский, А.В. Иванов

Оценка эффективности функционирования и устойчивости развития регионов Российской Федерации 81

Н.Ю. Коротина

Апробация методики анализа финансового состояния муниципальных бюджетов 89

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Адрес в Интернете

<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная
**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

О.В. Артёмова, М.С. Зубков

Экономическая устойчивость
промышленного предприятия:
методика оценки 96

КУЛЬТУРА

В.Н. Усов

Актуальные проблемы
метафилософии 103

В.В. Баркова

Размышления о темпоральных и
дотемпоральных состояниях бытия 108

А.А. Дыдров

Проблема конструирования образа
тела сверхчеловека (на основе
философских идей Ф. Ницше) 114

ИСТОРИЯ

А.А. Пасс

Советская промысловая кооперация
1950-х гг.: историография проблемы 120

Г.А. Ивакин

Дореволюционная историография
черносотенного движения в России ... 128

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

С.В. Борисов

О «жизни» и «смерти» идей
(размышления по поводу статьи
В.О. Лобовикова «Диалектический
материализм в цифровом формате») ... 135

Founded by
The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

Published by
Chelyabinsk branch of
the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprova
(Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Ph.D., Professor
E.V. Grunt
(Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and management

Cand. Sc. (Economics), Assistant Professor
S.A. Golovihin
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Dr. Sc. (History), Professor
S.S. Zagrebin
(Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Dr. Sc. (History), Assistant Professor
D.V. Timofeev
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Ph.D., Professor
A.V. Pavlov
(Tyumen, Russia)

Executive editor

Cand. Science (Philosophy)
A.A. Bobrik
(Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service for
Mass Media and Communications.

Passed for printing on 10.06.2014.

Format 70x108¹/₁₆

Reference sheet area 8,75. Issues – 500.

Order № 2204.

This edition has been designed and printed at
454080, Chelyabinsk,
Sverdlovskiy prospekt, 60.

SOCIUM

N.V. Egorysheva

Retracted 19.01.2023

Methodological bases of political
and sociological analysis of
problems concerning police interaction
with civil society and population 7

A.V. Tsareva

Role-playing game of real
performance: defining the
research approach 14

B.S. Pavlov, N.B. Kostina

Influence of intergenerational relations
in the family on working practice of
teenagers: experience of empiric
research 21

O.V. Vlasova

Educational activities of the youth
subcultural communities of
a northern city 29

POWER

S.G. Zyrianov

A new way of legitimating governors'
power in Russia: peculiarities and
problems 35

A.V. Shuklin

Correlation between political
strategies of modern Russia
and Russian civilized type 41

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* – Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
Yu.G. Ershov – Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer – Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* – Dr. Sc. (Political Science), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Ponedelkov – Dr. Sc. (Political Science), Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova – Dr. Sc. (Political Science), Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons – Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov – Ph.D. in Political Science, Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- E.V. Grunt* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
N.B. Kostina – Dr.Sc. (Sociology), Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza, doctor, professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban – Candidate of Legal Sciences
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* – Dr. Sc. (Economics), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova – Dr. Sc. (Economics)
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev – Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
E.A. Nezhivenko – Dr. Sc. (Economics), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics), Assistant
Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* – Dr. Sc. (History), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies), Assistant
Professor
(Chelyabinsk, Russia)
History
S.V. Nechaeva – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov – Dr. Sc. (History), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev – Dr. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**A.L. Lazutina, D.V. Leushkin,
T.L. Polusmak, A.L. Simonov,
A.A. Fomenkov**

On the correlation between working
and political motivation in modern
Russia 46

V.V. Shishkov

The British Empire as a national
institutional imperial system and its
strategies regarded peripheries 52

STATE AND LAW

Yu.G. Ershov

Legal nihilism: causes and
consequences 58

A.N. Savchenko, A.B. Sergeev

Motivation of the decision of
appeal in criminal procedure as a
criterion of quality of judicial power
activity 64

ECONOMICS AND MANAGEMENT

V.N. Lavrov, A.D. Ponemasov

Economic bases of labour theory
of value: logic and gnoseological
analysis 69

E.A. Nezhivenko

Indicators of decent work in the
context of Russian practice of
evaluation 74

M.Ya. Khodorovskiy, A.V. Ivanov

Evaluating effectiveness of functioning
and development stability of regions
of the Russian Federation 81

N.Yu. Korotina

Practical approval of the methodology
of diagnosing the finance of the
municipal budgets 89

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS****Scientific journal
«SOCIMUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIMUM AND POWER» journal is included in **the list of leading reviewed scientific journals and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science:

philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIMUM AND POWER» scientific journal are located at page 140

Please send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price
**Subscription index
in Russia
46536**

O.V. Artyomova, M.S. Zubkov

Economic stability of the industrial enterprise: assessment technique 96

CULTURE**V.N. Usov**

Actual problems of meta-philosophy 103

V.V. Barkova

Reflecting upon temporal and pre-temporal state of being 108

A.A. Dydrov

The problem of the image construction of an «Overman» body (on the concepts of Nietzsche's philosophy) 114

HISTORY**A.A. Pass**

Soviet co-operative enterprises of the 1950s: historiography of the problem 120

G.A. Ivakin

Pre-revolutionary historiography of the «Black Hundred» movement in Russia 128

DISCUSSIONS AND DEBATES**S.V. Borisov**

On "life" and "death" of ideas (reflecting upon the article V.O. Lobovikov "Dialectical materialism in digital format") 135

УДК 31+351

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТОЛОГО- СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ С ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ И НАСЕЛЕНИЕМ

Егорышева Нина Владимировна,

Уфимский юридический институт
МВД России,
кафедра социально-гуманитарных
дисциплин,
кандидат политических наук, доцент,
г. Уфа, Россия.

E-mail: nina_egorysheva@mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается необходимость системного, комплексного, межпредметного подхода к изучению проблем взаимодействия полиции с гражданским обществом и населением в преодолении преступности и обеспечении правопорядка. Раскрываются возможности политолого-социологического анализа этой проблемы, характеризуются методологические основы этого анализа.

Ключевые понятия:

гражданское общество,
органы полиции,
социальное взаимодействие,
общественная правоохранительная
деятельность,
общественные объединения
правоохранительной направленности.

Реформа органов внутренних дел и принятие в связи с этим нового законодательства, регулирующего общественные отношения в правоохранительной сфере (Федеральный закон «О полиции», вступивший в силу 1 января 2011 года), направлены на существенное повышение эффективности деятельности нового правоохранительного института – полиции. Данная эффективность предполагает социально одобряемый уровень общественной безопасности и правопорядка на всех уровнях организации социума, высокую удовлетворённость населения работой правоохранительных органов и доверие им, что и является характеристиками правового государства.

Добиться требуемой сегодня эффективности функционирования полиции, как свидетельствует отечественный исторический и современный зарубежный опыт, возможно только на основе тесного взаимодействия правоохранительных структур государства с гражданским обществом и широкими слоями населения.

Это, в свою очередь, требует всестороннего научного, в том числе политолого-социологического анализа этого опыта, социально-политических, правовых и духовно-нравственных условий его реализации в современной России, изучения эффективности традиционно имеющихся и складывающихся вновь форм сотрудничества полиции и общественности.

Немаловажно знать специфику взаимодействия правоохранительных структур, включая органы полиции, как самой крупной из этих структур, с гражданским обществом; специфику, обусловленную особенностями самой правоохранительной деятельности, своеобразием менталитета, правовой и нравственной культуры россиян, их отношением к правоохранительным органам и их представителям; специфику формирующегося в стране гражданского общества.

Как в советское время, так и сейчас проблеме повышения эффективности работы правоохранительных органов с населением, общественными организациями, СМИ уделяется внимание исследователей преимущественно из среды юристов. Социологи и политологи обратили внимание на эту проблему сравнительно недавно.

Вместе с тем системного, комплексного исследования этой проблемы пока ещё нет, а оно необходимо не только для наиболее полного представления складывающейся практики такого взаимодействия и существующих здесь проблем, сколько для совер-

шенствования и развития законодательства, регулирующего и стимулирующего эту практику. В ходе этих исследований важно определить потенциал данного взаимодействия, который мог быть направлен на достижение высокого уровня правопорядка в обществе.

Поставив вопрос о необходимости системного и комплексного анализа проблемы, что предполагает её изучение на межпредметном уровне, остановимся на методологических основах исследования проблем взаимодействия полиции с гражданским обществом и населением.

Следует подчеркнуть, что исследования этой проблемы в методологическом плане должны опираться на теоретические и методологические положения таких наук, как философия, политология, социология, юриспруденция, этика.

Так, например, природа социального взаимодействия полиции с институтами гражданского общества и населением с методологической точки зрения может быть понята сквозь призму философской категории «взаимодействие», отражающей процессы воздействия друг на друга различных объектов, изменение их состояния, а также порождение одним объектом другого [7, с. 81]. Ф. Энгельс относил взаимодействие к имманентным свойствам материального мира, подчеркивая, что «взаимодействие – вот первое, что выступает пред нами, когда мы раскрываем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания» [8, с. 558]. А также в категории «взаимодействие» он видел возможности диалектического пути познания, отмечая, что диалектика «рассматривает вещи и понятия в их взаимосвязи, во взаимоотношениях друг с другом, в их взаимодействии и в обусловленном этим взаимодействием изменении...» [9, с. 633].

Применительно к полиции, гражданскому обществу и населению потенциал их взаимодействия можно коротко раскрыть следующими тезисами.

Во-первых, подобное взаимодействие способствует не только более успешному решению полицией своих профессиональных задач (раскрытие, предотвращение, профилактика преступлений, розыск лиц, совершивших преступные деяния или ставших их свидетелями и жертвами, и др.), но и будет способствовать становлению правового государства через развитие форм

сотрудничества граждан и правоохранителей, через повышение уровня поддержки и готовности граждан к подобному сотрудничеству, через рост доверия полиции со стороны населения, через рост уровня правовой культуры и социальной активности населения, через повышение уровня нормативного (правопослушного и нравственного) поведения.

Во-вторых, тесное и продуктивное взаимодействие полиции с гражданским обществом и населением закономерно отразится на изменениях в структуре, динамике и масштабе преступности, что приведёт в конечном счёте к достижению её социально терпимого уровня, к минимизации наиболее социально опасных форм, существенному снижению массовости проявления.

Не вызывает сомнения, что сотрудничество полиции и населения отразится, прежде всего, на росте эффективности профилактики преступности и противоправного поведения в целом, что особенно важно, и в этом сегодня заключатся большой резерв эффективности правоохраны.

В-третьих, сотрудничество полиции, гражданского общества и населения позволит сделать работу правоохранителей более информационно открытой, конечно же, в рамках, определяемых законом, позволит усовершенствовать механизм обратной связи в управлении полицией, то есть повысит роль общественного мнения и социального аудита работы полиции и ее сотрудников*.

Кроме того, тесное взаимодействие правоохранительных органов с гражданским обществом связано с развитием самого гражданского общества через самоорганизацию населения посредством объединений правоохранительной направленности.

Немаловажную методологическую роль в исследовании взаимодействия полиции, гражданского общества и населения играют основания изучения субъектов подобного взаимодействия.

Одним из таких субъектов является гражданское общество. Поэтому важное здесь значение имеют методологические работы классиков общественно-политической мысли, современных отечественных и зарубежных исследователей, посвящённые сущности гражданского общества, его теоретически-идеальному и современному состояниям, особенностям и проблемам взаимодействия с государством и его раз-

* Закон РФ от 05.03.1992 г. «О безопасности» [Текст] // Сборник законов Российской Федерации. – М.: Славянский дом книги, 1999. Ст.2 и 8.

личными структурами, включая правоохранительные органы и полицию в том числе.

В силу того, что категория «гражданское общество» является ключевой в социально-политических науках, имеется обширная литература, посвящённая данному феномену. Не останавливаясь подробно на многообразии всех присутствующих интерпретаций и дефинициях, подчеркнём, что гражданское общество представляет собой сферу непосредственных государством и независимых от него, но взаимодействующих с ним, многообразных взаимосвязей и взаимоотношений между свободными и равноправными людьми и самостоятельными социальными институтами; в этом обществе преобладают не вертикальные, а горизонтальные отношения.

Согласно традиции, идущей от А. де Токвиля, неотъемлемым элементом гражданского общества являются многочисленные общественные ассоциации, объединения и союзы [6, с. 57].

Вместе с тем, исследуя общественные формирования правоохранительной направленности деятельности, необходимо иметь в виду то, что эти формирования, объединения и организации по их месту в структуре гражданского общества имеют особенности. Дело в том, что в современных политологических интерпретациях гражданского общества общественные объединения граждан рассматриваются преимущественно в качестве независимых или мало зависимых от государства, либо противостоящих ему, возникающих и развивающихся вне рамок государства.

Общественные же объединения правоохранительной направленности в силу специфики правоохранительной деятельности и выполняемых этими объединениями функций, хотя и формируются на добровольной основе, не могут существовать вне рамок правового поля, очерченного законами государства, вне сотрудничества с правоохранительными органами. В противном случае сами эти общественные объединения могут оказаться за рамками закона.

Так, в Законе Российской Федерации «О безопасности» при определении статуса общественных объединений и организаций правоохранительной направленности подчёркивается, что «государство обеспечивает правовую и социальную защиту гражданам, общественным и иным орга-

низациям и объединениям, оказывающим содействие в обеспечении безопасности в соответствии с законом», и далее: «создание органов обеспечения безопасности не установленных законом Российской Федерации не допускаются»*.

Ниже речь будет идти о правовых основах взаимодействия полиции с общественными объединениями правоохранительной направленности деятельности, здесь же отметим, что в методологическом плане это взаимодействие и его субъекты должны исследоваться под углом зрения концепций правового и социального государства. Отметим в этой связи два методологически важных, на наш взгляд, положения этих концепций.

Первое – правовое государство предполагает всеобщность права, его распространение в равной мере и на отдельного гражданина, и на государство в целом. Поэтому гражданское общество в правовом государстве существует, функционирует и развивается в правовом поле. Второе – политическая власть и право в правовом государстве являются легитимированными обществом. Тогда они будут уважаться, приниматься и исполняться. Когда государство и право не легитимированы обществом, их требования не исполняются. А в подобных обстоятельствах взаимодействие общества и полиции будет неполноценно и не приобретет широкого распространения.

Игнорирование закона не может повлечь за собой конструктивного взаимодействия субъектов по обеспечению этого закона.

Важной методологической основой для понимания содержания и особенностей взаимодействия полиции с гражданским обществом и населением в решении одной из важнейших и первостепенных задач преодоления и профилактики преступности являются теоретические положения политической науки о социальном и политическом участии (Р. Инглехарт), о гражданской культуре (Г. Алмонд, С. Верба), социальной и политико-правовой активности личности и социальных групп в поддержке государства и доверии к нему (Р. Далтон, Л. Пай, Н. Смелзер, Ю. Хабермас).

Социальное и политическое участие рассматривается как неотъемлемое свойство политической, социальной и любой другой управляющей или самоуправляемой деятельности людей. Это свойство служит средством выражения и достижения интересов личности, социальной группы, общности [3, с. 305], а

* Закон РФ от 05.03.1992 г. «О безопасности» [Текст] // Сборник законов Российской Федерации. – М.: Славянский дом книги, 1999. с. 489–490.

также выражает степень участия членов социальной группы, социальной организации в определении и реализации их целей [5, с. 385].

В данном случае интересы определяют цель минимизации преступности и преодоления её наиболее социально опасных форм посредством участия гражданского общества и населения в общественной правоохранительной деятельности, под которой исследователи понимают «деятельность правоохранительной направленности негосударственных и общественных организаций, добровольных формирований граждан и отдельных лиц, связанную с выполнением гражданского долга и реализацией конституционных прав и осуществляемую с помощью мер юридической и нравственной ответственности в соответствии с установленными законом порядком и процедурами» [1, с. 34].

В советский период отечественной истории, когда институт общественной охраны правопорядка был широко развит, к общественной охране правопорядка относили осуществляемую в различных формах деятельность общественных организаций, трудовых коллективов и отдельных граждан, направленную на предотвращение и пресечение правонарушений [10, с. 205].

Тезис Г. Алмонда о том, что для устойчивого развития демократических обществ необходимо, чтобы граждане были вовлечены в политику не на словах, а на деле, чтобы их участие в политической жизни было основано на информированности, результатах анализа и понимания причин, по которым такое участие необходимо [11, с. 16], можно с полным основанием отнести в качестве характеристики участия граждан в общественной правоохранительной деятельности, осуществляемой в сотрудничестве с полицией. В основе подобного сотрудничества должна лежать соответствующая правовая и нравственная культура. Необходим также целый ряд других социальных детерминант (условий и факторов) такого сотрудничества.

Изучение форм, интенсивности, масштабов, мотивов, а главное – результатов участия институтов гражданского общества и различных категорий населения в общественной правоохранительной деятельности посредством взаимодействия с органами полиции, даст возможность полнее раскрыть содержание и особенности правоприменения и правоохраны в обществе, выявить роль и силу действия ряда социальных факторов,

влияющих на криминогенную обстановку и эффективность работы полиции и других правоохранительных структур. А в совокупности с использованием нравственных и правовых ориентаций и ценностей, а также правовой культуры, анализ реального участия граждан в общественной правоохранительной деятельности позволит установить роль конкретного человека, социальной группы, института гражданского общества в обеспечении правопорядка в обществе и в развитии его нравственной и правовой сфер, а также самого гражданского общества.

Общественная правоохранительная деятельность осуществляется на основе тесного взаимодействия с правоохранительными органами, обеспечивается и определяется нравственными и правовыми нормами и процедурами. Данный вид участия осуществляется на общественных началах и не связан с выполнением сугубо профессиональных функций.

Развивающаяся в последние десятилетия общественная правоохранительная деятельность способствовала возрождению хорошо зарекомендовавших себя ранее, в советский период отечественной истории, и появлению новых форм самоорганизации граждан и их участия в охране правопорядка.

Учитывая данное обстоятельство, в Федеральном законе «О полиции» из шести принципов, которые положены в основу деятельности нового правоохранительного института – полиции, четыре принципа предполагают взаимодействие полиции с гражданским обществом и населением.

Вместе с тем Федеральный закон «О полиции» регламентирует процесс взаимодействия со стороны одного субъекта – полиции, и не затрагивает других субъектов – институты гражданского общества и население. Поэтому был необходим закон, регулирующий участие граждан в охране общественного порядка на федеральном уровне. Например, Закон Республики Башкортостан от 28 июля 1997 года «Об общественных органах правоохранительного характера в Республике Башкортостан»; Закон г. Москвы от 28 марта 2001 года «Об участии жителей города Москвы в охране общественного порядка»; Закон Чувашской Республики от 25 ноября 2003 года «О народных дружинах» и другие.

Этот недостаток наконец-то был в большинстве своём преодолен принятием 2 апреля 2014 года Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка»*.

* Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Российская газета. 2014. 4 апреля.

В данном законе определены три субъекта взаимодействия с полицией со стороны общественности – это внештатные сотрудники полиции, общественные объединения правоохранительной направленности и народные дружины.

К внештатным сотрудникам полиции закон относит граждан, привлекаемых с их согласия полицией к внештатному сотрудничеству. Под общественными объединениями правоохранительной направленности понимаются не имеющие членства общественные объединения, сформированные по инициативе граждан для участия в охране общественного порядка. А народные дружины – это основанные на членстве общественные объединения, участвующее в охране общественного порядка во взаимодействии с органами внутренних дел (полицией) и иными правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления.

К изучению проблем взаимодействия полиции с гражданским обществом и населением в методологическом плане следует подходить, опираясь на принципы исторического и сравнительного подходов. Так, первый позволяет рассмотреть данную проблему в определённой временной перспективе, а второй – сопоставить имеющуюся отечественную и зарубежную практику подобного взаимодействия с выделением общего и особенного в его содержании и формах.

При осуществлении анализа субъектов рассматриваемого взаимодействия с позиций социологической науки несомненное методологическое значение имеет использование структурно-функционального подхода, позволяющего исследовать механизм взаимодействия полиции с гражданским обществом и населением как целостный процесс, описать его структуру, функции, раскрыть детерминирующие его условия.

Применительно зрелости этих условий помимо возможностей социологического подхода, позволяющего проводить анализ, опираясь на социологическую эмпирику, существенная роль принадлежит положениям политической науки о трёх измерениях политической и правовой культуры Р. Инглехарта, в качестве которых им были предложены «удовлетворенность», «доверие», «поддержка» [12, р. 45]. При этом, говоря, например, о доверии граждан к правоохранительным органам как необходимом условии и показателе эффективности взаимодействия между ними, с методологической точки зрения следует иметь в виду положение политической науки о различии между дове-

рием к демократическим и к государственным, авторитарным институтам, к которым относятся и правоохранительные структуры [13, р. 298–322].

Исследования, ежегодно проводимые с участием автора социологической лабораторией Восточной экономико-юридической гуманитарной академии в Республике Башкортостан (объём выборочной совокупности – 1200 единиц), во многом коррелируясь с результатами других исследователей, свидетельствуют о том, что далеко не все социальные условия, необходимые для эффективного взаимодействия полиции с гражданским обществом и населением, сформировались и действуют благоприятно, что закономерно отражается на содержании, интенсивности и результатах подобного взаимодействия, которое ещё не стало столь широко распространённым и результативным, как это имело место в советский период отечественной истории или имеет место в целом ряде современных зарубежных государств.

Так, социологический опрос, проведённый в Республике Башкортостан осенью 2013 года, показал, что органы внутренних дел пользовались доверием у 31,2% респондентов (в 2012 г. – у 40,8% опрошенных). Недоверие выразили в 2013 г. – 50,1%, а в 2012 г. – 40,1% респондентов.

Это недоверие основано на неудовлетворённости состоянием правопорядка в республике (31,4%, т.е. каждый третий опрошенный – не удовлетворён), на неудовлетворённости результатами работы полиции – 30,5%, состоянием профилактики преступлений – 38,7%, системой противодействия и профилактики наркотизации населения – 21,0%.

На таком уровне доверия и удовлетворённости результатами работы органов полиции создать эффективный механизм социального взаимодействия с гражданским обществом невозможно. Так, например, исследования, проведённые в 2012–2013 годах, показали, что среди опрошенных в регионе готовность оказать содействие полиции в 2012 г. выразили 31,8%, а в 2013 г. – 22,3%. В 2012–2013 годах сами респонденты оценивали уровень взаимодействия населения республики с полицией преимущественно как средний: соответственно 33,4% и 24,0%, и как низкий – соответственно 43,4% и 43,7%.

Нереализованность потенциала взаимодействия полиции с гражданским обществом обусловлена незавершёностью самой реформы органов внутренних дел. Так, 52,2% опрошенных нами в 2012 году и 37,8% – в 2013 году жителей республики не видели ни-

каких серьёзных изменений в работе органов внутренних дел после принятия и начала реализации Федерального закона «О полиции». Позитивные изменения ощущают только 12,6% опрошенных в 2012 г. и 10,0% опрошенных в 2013 году.

Проблема взаимодействия полиции с гражданским обществом и населением в деле обеспечения правопорядка имеет выраженную региональную специфику решения. В зависимости от региона можно говорить о наличии и зрелости тех или иных условий развития подобного взаимодействия. Имеет свои региональные особенности и имеющаяся практика участия гражданского общества и населения в обеспечении общественной безопасности и правопорядка, равно как есть и региональные особенности криминогенной обстановки, её характеристик и динамики.

Необходим глубокий научный анализ содержания, особенностей и тенденций процесса социального взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества в обеспечении правопорядка.

Возможности такого анализа рассматриваемой проблемы позволяют решить следующие задачи:

- проанализировать состояние и особенности криминогенной ситуации в республике и результативность работы правоохранительных органов по её стабилизации;

- рассмотреть отечественную и зарубежную практику взаимодействия полиции с институтами гражданского общества и населением в противодействии преступности и обеспечении правопорядка;

- охарактеризовать содержание и результаты реформы органов внутренних дел в контексте взаимодействия с гражданским обществом;

- проанализировать существующие и складывающиеся в регионе правовые основы и социально-политические условия формирования нового механизма взаимодействия полиции и других правоохранительных органов с институтами гражданского общества в противодействии преступности и обеспечении правопорядка;

- рассмотреть сложившиеся формы и направления социального взаимодействия полиции с гражданским обществом и населением в республике и оценить их эффективность с помощью разработанной системы критериев. При этом данная система должна содержать не только правовые, организационно-управленческие, но

и социальные и политические критерии эффективности;

- раскрыть содержание общественной правоохранительной деятельности через соотношение её общественных, нравственных и профессиональных правовых начал;

- обосновать пути повышения эффективности социального взаимодействия полиции и гражданского общества в республике.

Обобщая сказанное, следует отметить, что всесторонне исследовать проблему взаимодействия полиции с гражданским обществом и населением в силу комплексного характера этой проблемы возможно только на межпредметном уровне. Поэтому при её изучении важно учитывать и использовать методологические подходы и исследовательские методы целого ряда обществоведческих наук.

При этом наибольшим методологическим потенциалом здесь располагают юридическая, политическая и социологическая науки, так как рассмотренная проблема относится к их предмету, ибо речь идёт о важнейшей составляющей современной политики государства в сфере обеспечения общественной безопасности и правопорядка.

В свою очередь результаты этих исследований станут важнейшим подспорьем в совершенствовании правоохранительной деятельности, осуществляемой как государственными, так и негосударственными организациями.

---

1. Егорышев С.В. Общественная правоохранительная деятельность и её роль в обеспечении правопорядка [Текст] // Российский следователь. 2009. № 5. С. 33–34.

2. Егорышев С.В., Егорышева Н.В. Социальный аудит органов внутренних дел: понятие и возможности [Текст] // Евразийский юридический журнал. 2010. № 7 (26). С. 96–99.

3. Политология: Энциклопедический словарь [Текст] / Общ.ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.

4. Смольков В. Что стоит за понятием «гражданское общество» [Текст] // Государственная служба. 2000. №4. С. 37–39.

5. Социологический энциклопедический словарь [Текст] / Ред. Г.В. Осипов. М.: Изд. группа ИНФРА. М – Норма, 1998. 488 с.

6. Токвиль А. де. Демократия в Америке / Пер. с фр. и предисл. Г. Дж. Ласки. М.: Весь мир, 2000. 559 с.

7. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Главная редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев и др. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

8. Энгельс Ф. Диалектика природы. Записки и фрагменты [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. Избран-

ные сочинения. В 9-ти т. Т. 5. – М.: Политиздат, 1986. 780 с.

9. Энгельс Ф. Материалы к Анти-Дюрингу [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 5. М.: Политиздат, 1986. 780 с.

10. Юридический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. редакция А.Я. Сухарев. М.: Сов. энциклопедия, 1984. 415 с.

11. Almond C.A. The Intellectual History of the Civic Culture Concept. [Text] / Almond C.A., Verba S. The Civic Bown, 1980. P. 1–36.

12. Inglehart R. Culture shift in Advanced industrial society [Text] // Princeton: Princeton University Press, 1990. 484 p.

13. Listhaug, O.M. Wiberg. Confidence in political and private institutions [Text] / H.D. Klingemann, D. Fuchs (eds). Citizens and the State. // Oxford: University Press, 1995. P. 298–322.

References

1. Egoryshev S.V. *Rossijskij sledovatel'*, 2009, no. 5, pp. 33–34 (in Russian).

2. Egoryshev S.V., Egorysheva N.V. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*, 2010, no. 7 (26), pp. 96–99 (in Russian).

3. *Politologija: Jenciklopedicheskij slovar'. Obshch. red. i sost. Ju.I. Aver'janov* [Political science: Encyclopaedic dictionary. Edited and compiled by Yu.I. Averyanov]. Moscow, Izd-vo Mosk. kommerch. un-ta, 1993, 431 p. (in Russian).

4. Smol'kov V. *Gosudarstvennaja sluzhba*, 2000, no. 4, pp. 37–39 (in Russian).

5. *Sociologicheskij jenciklopedicheskij slovar'. Red. G.V. Osipov* [Sociological encyclopedic dictionary. Edited by G.V. Osipov]. Moscow, Izd. gruppy INFRA M – Norma, 1998, 488 p. (in Russian).

6. Tokvil' A. de. *Demokratija v Amerike / Per. s fr. i predisl. G. Dzh. Laski* [Democracy in America / Translated from the French and foreword by G.J. Lasky]. Moscow, ves' mir, 2000, 559 p. (in Russian).

7. *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'. Glavnaja redakcija: L.F. Il'chev, P.N. Fedoseev i dr.* [Encyclopedia of Philosophy / Chief Editors: L.F. Ilchev, P.N. Fedoseyev, etc.]. Moscow, Sov. Jenciklopedija, 1983, 840 p. (in Russian).

8. Jengel's F. *Dialektika prirody. Zapiski i fragment* [Dialectics of nature. Notes and fragments]. Marks K., Jengel's F. Izbrannye sochinenija, v. 5. Moscow, Politizdat, 1986, 780 p. (in Russian).

9. Jengel's F. *Materialy k Anti-Djuringu* [Materials to Anti – Dühring]. Marks K., Jengel's F. Izbrannye sochinenija, v. 5. Moscow, Politizdat, 1986, 780 p. (in Russian).

10. *Juridicheskij jenciklopedicheskij slovar'. Gl. redakcija A.Ja. Suharev* [Encyclopedic dictionary of law. Chief Editor: A.Ya. Sukharev]. Moscow, sov. Jenciklopedija, 1984, 415 p. (in Russian).

11. Almond C.A. *The Intellectual History of the Civic Culture Concept*. In: Almond C.A., Verba S. The Civic Bown, 1980, pp. 1–36 (in English).

12. Inglehart R. *Culture shift in Advanced industrial society*. Princeton: Princeton University Press, 1990, 484 p. (in English).

13. Listhaug O.M. Wiberg. *Confidence in political and private institutions*. In: H.D. Klingemann, D. Fuchs (eds). Citizens and the State, Oxford: University Press, 1995, pp. 298–322 (in English).

UDC 31+351

METHODOLOGICAL BASES OF POLITICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF PROBLEMS CONCERNING POLICE INTERACTION WITH CIVIL SOCIETY AND POPULATION

Egorysheva Nina Vladimirovna,

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor, Chair of Social and Humanitarian Disciplines, Candidate of Political Science, Ufa, Russia.

E-mail: nina_egorysheva@mail.ru

Annotation

The article explains the necessity for a system, complex, interdisciplinary approach to the study of the problems of police interaction with civil society and population in combating crime and law enforcement. It discloses the possibilities of political and sociological analysis of this problem, defines the methodological foundations of this analysis.

Key concepts:

civil society, police agencies, social interaction, public law enforcement, public law enforcement associations.

УДК 316.723

РОЛЕВЫЕ ИГРЫ ЖИВОГО ДЕЙСТВИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОДХОДА

Царёва Александра Васильевна,

Санкт-Петербургский
государственный университет,
аспирант кафедры социологии
культуры и коммуникации,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: a.tsareva@spbu.ru

Аннотация

В статье рассматривается ролевая игра как вид социального взаимодействия, разворачивающийся во вторичной, реконструируемой, как мизансцена, социальной реальности, принимающий форму перформансной коммуникации и сопровождаемый принятием акторами осознанно сконструированных социальных ролей.

Ключевые понятия:
перформансная коммуникация,
социальный перформанс,
социальное взаимодействие,
Performance Study.

В настоящее время ведётся активное развитие взгляда на социальное, как имеющее игровой характер. Оно исполняется в рамках символически структурированной сети отношений, которая придает значение телесным инсценировкам и представлениям этого действия, причем их значение не сводимо ни к интенциональности, ни к функциональности.

С нашей точки зрения, крайне ново и несет новые возможности для исследования социального самого рассмотрение социального действия через призму перформансной коммуникации, передающей информацию через расположение социальных акторов в «сценическом» социальном пространстве. При этом коммуникативный сигнал передается не только непосредственно через (взаимо) действия, но и через расположение «декораций» и актеров-актёров в инсценируемом пространстве. В данном случае мы опираемся не только на новые работы в социологии (такие, как монографии Александера и Вульфа), но и на ставшие уже классическими (в частности, Ирвинг Гофман писал о представлении, т.е. «перформансе» жизни, описываемом через образ сценической постановки).

Перформативное знание приобретается, когда человек участвует в сценическом исполнении социального действия и чувствует, как другие люди действуют в социальных сценах. Благодаря ведущей роли воображения при инсценировании и представлении социального возникают игровые элементы. В ритуальном действе появляется игровое пространство для спонтанности и творчества, в котором существующие нормы сообщества утрачивают силу и могут быть модифицированы.

Мы предлагаем в качестве наиболее удачного, с нашей точки зрения, поля для исследования перформансной коммуникации ролевые игры живого действия. В ролевых играх живого действия социальное пространство конструируется непосредственно через связь тела и воображения. Оно не только существует в воображении акторов, но также непосредственно обозначается через телесность: в пространстве игрового языка, в пространстве игровых властных отношений, наконец, в пространстве игрового социального взаимодействия. Следовательно, нам представляется возможным обнаружить, как из связи движений тела и воображения возникает социальное действие. Тем не менее, общий исследовательский взгляд на данное поле тяготеет к определённым клише, которые нам представляются иска-

жающими восприятие явления исследователями и требующими пересмотра.

Когда среднестатистический человек в России слышит словосочетание «ролевая игра» – у него не возникает однозначных коннотаций. Нас в данном случае интересует явление, в английском обозначаемое как *live-action role-playing game*, и имеющее в русском весьма неблагозвучный аналог, являющийся заимствованием-калькой, – ролевые игры живого действия.

Как же, с нашей точки зрения, должно быть дано определение ролевой игры?

Прежде всего, рассмотрим, из каких определяющих частей составлен английский термин. *Live-action* («живое действие») предполагает, что взаимодействие между участниками происходит лицом к лицу, в реальном времени – то есть, по сути своей, имеет место непосредственное социальное взаимодействие между актёрами. *Role-playing* («игра в роли») определяет, что это взаимодействие происходит не в рамках повседневных социальных ролей, возможных для данных актёров, а в рамках тех ролей, которые они принимают в рамках игрового пространства взаимодействия. Это не обязательно одномерная, «простая» одиночная роль (как, например, роль матери в детской игре в дочку-матери). Это может быть и совокупность ролей, приписываемых существующему в игровом пространстве персонажу, при этом совокупность подчас не менее сложная, чем та, с которой мы имеем дело в не-игровом поле социальных взаимодействий. И, наконец, *game* («игра»), не только выводит взаимодействие между персонажами из рамок повседневных, рутинных взаимодействий, но и задаёт свою специфику конструируемому пространству. Игра – это «система, в который игроки вовлечены в искусственный конфликт, который задаётся правилами и имеет видимый итог» [14, р. 80]. Игра всегда имеет цель, сколь бы простой она ни была.

Сами ролевики дают сходное определение: «Ролевая игра – это игра, участники которой какое-то время живут жизнью каких-либо персонажей. Это могут быть любые персонажи – романа, фантастической повести, герои реальной истории или даже существа, придуманные самими игроками. Но всех персонажей одной игры связывает нечто – обычно это герои одной и той же истории. [...] Это напоминает театр; только вот текста пьесы нет. Ролевая игра – чистая импровизация» [3].

В целом самиздатские сборники и тематические интернет-ресурсы предлага-

ют нам довольно много информации – как чисто описательного характера, так и самоописания и самоанализа ролевых игр «изнутри». Тем не менее, это информационное поле, порождаемое ролевым сообществом, крайне неоднородно.

С одной стороны, о нём определённо можно говорить как о генерирующем свою собственную область знаний, склонного к саморефлексии и самоанализу. Ежегодно проводятся специализированные конвенты, нацеленные в первую очередь на обмен опытом между различными мастерскими группами, анализ существующего инструментария построения ролевой игры и выработку нового и т.п., а также на коммуникацию и развлечения. Нередко по результатам конвентов публикуются самиздатские сборники тезисов или статей, выкладываются расшифровки или записи семинаров в Интернет.

С другой стороны, если мы зададимся целью получить информацию о том, какими были ролевые игры начала и середины 90-х – информационное поле окажется значительно более бедным. До широкого распространения Интернета среди российских пользователей информация передавалась из уст в уста или в рукописном виде, терялась и искажалась в процессе. Помимо немногих реликтовых репринтов таких бумажных носителей, в первую очередь при анализе генезиса ролевых игр в России, нам придётся иметь дело с автобиографическими воспоминаниями, естественно, искажёнными личностным восприятием.

Не существует достоверных источников о том, как зародились и делали первые шаги в своём развитии ролевые игры в России. С нашей точки зрения, данное поле весьма мифологизировано и искажено личным восприятием тех, кто начинал «играть» на заре их становления и является частью ролевого сообщества до сих пор.

Статьи как о ролевых играх живого действия за рубежом (например, см. [13]), так и в России (например, см. [1]) называют примерной датой начала их становления и развития конец 80-х – начало 90-х годов XX века. В российских публикациях зарождение ролевых игр нередко связывают с деятельностью клубов любителей фантастики и клубов самодельной песни [1]. В устной традиции также нередки отсылки к хиппи как прародителям петербургского ролевого сообщества или «походникам» – московского.

В качестве первой масштабной ролевой игры на территории бывшего СНГ называют «Хоббитские игрища» (ХИ), ежегодно проводимые с 1990 года по сей день, и основан-

ные на книгах Дж.Р. Толкиена о Средиземье («Хоббит», «Властелин Колец», «Сильмариллион» и др.). Несмотря на то что нередко упоминаются «первые игры в середине 80-х годов», конкретных примеров не называется.

Как бы то ни было, исторически возникновение и развитие ролевых игр совпадает с «генезисом нового мира», информационного общества, зародившегося в 50–60-х годах XX века. С нашей точки зрения, эти процессы, исторически параллельные, не могут не иметь взаимосвязи. Одним из доказательств данной точки зрения может служить то, что это явление, довольно широко распространённое в Европе (в том числе в России – как в европейской, так и в сибирской части страны) и Америке, не нашло себе места в одном из тех обществ современности, что стойко хранит традиционную патриархальную культуру, – Японии.

При исследовании феномена ролевых игр в социальных науках мы видим несколько укоренившихся, переходящих из исследования в исследование штампов.

Первый и наиболее частый – в фокусе внимания оказывается так называемая «субкультура ролевых игр». Нам представляется, что распространённость именно этого, «субкультурного», подхода связана с влиянием стереотипов массового сознания, воспроизводящего образ ролевика-маргинала. Фактически мы видим здесь другой вариант развития ситуации, когда научное наблюдение за объектом меняет сам объект, а в нашем случае общество изменяет самого исследователя, чтобы он – в свою очередь – стремился привести объект исследования в соответствие с представлениями общества. Второй штамп – ролевая игра как деятельность, близкородственная театральной и потому изучаемая с помощью того же инструментария. Отчасти в зарождении такого взгляда виноваты попытки ролевиков объяснить обществу, что же такое ролевые игры и перебороть тенденцию их толкования через маргинальное.

Далее мы подробно остановимся на первых двух подходах, пояснив причины их несостоятельности, а также предложим тот теоретический подход, в рамках которого, по нашему мнению, возможно наиболее верное и, что немаловажно, полезное для социальной науки изучение ролевой игры.

Ролевые игры как (не) субкультура

В российских публикациях сообщество играющих в ролевые игры обычно оп-

ределяется как «субкультура». Например, можно обратиться к сборнику, вышедшему в 2009 году в издательстве Института этнологии и антропологии РАН – «Молодёжные субкультуры Москвы» [4], в котором представлены транслирующие данный подход статьи А.Л. Барковой «Толкинисты: пятнадцать лет развития субкультуры» [4, с. 297–321] и Д.Б. Писаревской «Ритуализированные практики в субкультуре ролевых игр» [4, с. 322–343]. С нашей точки зрения, преобладание такого подхода связано со штампом, стойко воспроизводимым в массовом сознании, где основными чертами ролевика выступает эскапизм, эпатажная одежда и поведение и т.п.

Мы, тем не менее, рискуем нарушить сложившуюся традицию интерпретации ролевого сообщества как субкультуры. В данном случае мы разделяем позицию Майи Мюллер, высказанную в статье «От субкультуры к мейнстриму» [13]. Несмотря на то, что в данной статье речь идёт о датских ролевых играх, происходящие в России процессы, с нашей точки зрения, практически совершенно аналогичны. Вероятно, на раннем этапе ролевое сообщество действительно носило черты субкультуры; но в последние десять лет произошло столь сильное их вымывание, что данные черты сохранились лишь в виде реликтов, наследия «тёмного прошлого».

Дик Хэбдайдж выделил два основных способа, с помощью которых происходит трансформация субкультуры в мейнстрим [12, pp. 94–97]:

1) коммерциализация, которая становится возможной благодаря возрастающей потребности членов субкультуры в различной атрибутике – от элементов одежды и украшений до оружия и татуировок. В силу особенностей ролевых игр как досуговой практики в них есть многочисленные предпосылки для коммерциализации – ведь речь не только о каких-то символических вещах, используемых для самоидентификации в повседневной жизни. Для участия в ролевых играх требуются также костюмы (и как ответ на это возникают «ролевые» портные), оружие (появляются как традиционные кузицы и оружейные, так и магазины вооружения, изготовленного из специфических материалов – текстолита, латекса и т.п.), украшения (и на внутренний рынок сообщества выходят «ролевые» ювелиры) и т.п.

2) происходит размывание идеологической основы субкультуры: она может как перестать быть оригинальной, выбивающейся из разделяемых большинством

норм, так и пережить подмену прошлых ценностей и норм новыми, сформированными под влиянием мейнстрима. Ролевое сообщество в последние пять-десять лет занимает вовсе не маргинальную позицию относительно господствующей культуры. Более того, оно активно встраивается в «большое» общество, используя ролевые игры уже как технологию или инструментарий для выведения новых образовательных методик, организации бизнеса и т.п.

Законченный ли это процесс, сохранили ли ролевика черты субкультурной общности или в данный момент уместно говорить о них лишь как о сообществе людей, объединённых определённой досуговой деятельностью? Сложно дать однозначный ответ на этот вопрос. С одной стороны, определённо можно найти маргинальные группы, чьё самоопределение также будет «ролевиками». С другой стороны, не-маргинальная часть хорошо заметна, стремится ассимилировать маргиналов и формировать общественное мнение в выгодном себе ключе, представляясь как полноправная часть «большого» общества. Тем не менее, очевидно одно: безапелляционный исследовательский взгляд на ролевое сообщество как в первую очередь на субкультуру является ангажированным, вероятно – подпитываемым существующими штампами и стойкими образами, сформированными в 90-е годы не без помощи прессы.

Современное сообщество тех, кто играет в ролевые игры, крайне сложно рассматривать как субкультурную общность. Те черты, которые, например, выделяются Т.В. Щепанской в субкультуре хиппи, Системе, – общий сленг и символика, общие нормы и ценности [6], – в ролевом сообществе отсутствуют. Например, если обратиться одному из анализов сленга ролевиков [2] – подробному словарю с комментариями, составленному на материалах ролевых игр Сибири, выяснится удивительная вещь. Не только для ролевика, например, из Финляндии, но и для ролевика из Центральной России многие сленговые слова будут непонятны без пояснений, для каких-то вещей в его среде используются другие сленговые выражения.

Единственная черта, которую можно найти и в Системе, и ролевом сообществе, – развернутая сеть коммуникаций, нередко поддерживаемая за счёт силы слабых связей. В ролевые игры играют в России и Европе, в европейской части нашей страны и в Сибири: сленг, авторитеты, символика и т.п. будут отличаться от региона к региону, сохранится лишь стремление установить коммуникацию с другими

ролевиками. При этом эта коммуникация связана не с приятным времяпрепровождением или сравнением культурных образцов различных групп. Она нацелена и на обмен опытом: какие они, игры другого региона, какие технологии могут быть заимствованы и какие ошибки учтены.

Ролевые игры как театральное действие и как перформанс

Как мы уже упоминали, также сами участники пробуют описать ролевые игры как своеобразный театр. Но, несмотря на то, что ролевая игра внешне имеет значимое сходство с современным театром, ушедшим от строгости схем классического к большей интерактивности взаимодействия зрителя и актёров, она также имеет с ним и значимые различия.

Рассмотрим основные характерные черты театра с точки зрения социологии [8].

1. Театр основан на восприятии. Из чего вытекает, что в пространстве театра существуют актёры, между которыми происходит некое взаимодействие, и зрители (аудитория), которые, с одной стороны, выступают в роли наблюдателей этого взаимодействия, а с другой стороны – интерпретируют его смысл(ы). В ролевой игре, напротив, все вовлечённые во взаимодействие одновременно являются и актёрами-актёрами, и аудиторией-интерпретаторами. В ролевой игре нет процесса интерпретации игроком, как зрителем, отделённого от действий персонажа как актёра на сцене.

2. Театр – это обособленный в пространстве локус, имеющий специально выделённые зоны: сцена для тех, кто будет играть представление, и зрительный зал для аудитории. Разумеется, таким образом закрепляется та особенность взаимодействия в театре, что уже была упомянута ранее.

Несмотря на то что в современном театре эта структура может быть условной и не обязательно связана с классическим зданием театра, тенденция обособления пространства, на котором будет проводиться представление, и его разделения на зоны сохраняется. В ролевой игре, напротив, так как каждый участник – одновременно и зритель, разделение пространства не используется. Хотя ролевая игра и создаёт вокруг себя определённое ограниченное пространство, в отличие от театрального оно задаётся не внешне (архитектурными границами и т.п.), а изнутри, потребностями самой игры.

3. Театральное представление, как и восприятие зрителя, ограничено тем, что показывается на сцене. Актёры не играют, уходя за кулисы. Зрителями не интерпретируется то, что не представлено режиссёром. Несмотря на то что конструируемое во время спектакля пространство сложно назвать одномерным, – пространство, представляемое в процессе ролевой игры, гораздо шире. Ни интерпретация, ни взаимодействие не прекращаются, внутри ролевой игры, действие непрерывно.

Параллели могут быть скорее проведены между ролевой игрой и перформансом (как видом современного искусства). Они сходятся в ряде ключевых характеристик [5]:

1. Действие перформанса – не театральное. «Актёры» перформанса не являются профессионалами, их представление – не результат «актёрского мастерства», для них не стоит цель выразить произведение самим – перформанс является только тем, что воспринимают зрители.

2. Перформанс оперирует предметами реального мира. Если «актер» забивает гвозди в стену – значит, он забивает в стену гвозди. Перформанс лишен условности картонного «задника» театра.

3. Перформанс его создателем не обязательно наполняется сакральным смыслом и глубиной символических значений.

4. Акцент перформанса перенесен с исполнителя на зрителя. В перформансе мы наблюдаем то, что называется «смертью автора» в постмодерне: зрительская активность в смысле генерации идеи и наполнения произведения значительно преобладает над авторской.

Как мы видим, при рассмотрении специфики театра и специфики перформанса в контексте взаимодействий аудитория-актеры, мы видим много общего между перформансом как видом современного искусства и ролевой игрой.

Значит ли это, что можно считать ролевые игры искусством и рассматривать их в рамках социологии искусства? Несмотря на то, что в целом этот вопрос представляет определенный интерес, нам кажется нецелесообразным подробно рассматривать его в нашей работе, нацеленной в первую очередь на понимание коммуникативных механизмов социального взаимодействия.

Ролевые игры как пространство перформансной коммуникации

Говоря об изучении перформанса (Performance Studies) в рамках социологии, мы в первую очередь говорим об оп-

ределённом взгляде на природу социального действия и взаимодействия.

Согласно Ричарду Шехнеру, перформанс может быть найден практически во всех сферах нашей жизни. Сам он называл восемь из них, отмечая то, что они отчасти пересекаются, и «даже этот список не исчерпывает всё возможное» [15, р. 31]. В него вошли: повседневные повторяющиеся практики (готовить еду, общаться с другими людьми – всё то, что мы считаем «просто жизнью»), развлечения (спорт, искусство и т.п.), бизнес, связанная с техникой деятельность, секс, ритуалы (как сакральные, так и секулярные), а также игра.

Само слово «перформанс», будучи заимствованным из английского, в русском языке в первую очередь ассоциируется с перформансом как видом современного искусства. Тем не менее, когда мы активно работаем с зарубежными источниками, не стоит забывать и о буквальном переводе на русский, придающем данному слову многозначность: это не только «выступление», но и «действие». Дополнительную сложность придаёт и то, что и в англоязычной литературе этот термин принимает различные значения сам по себе. Так, например, Марвин Карлсон упоминает как минимум о трёх [9, pp. 3–5]:

- 1) демонстрация умений;
- 2) имитирующее поведение;
- 3) поддержание образца.

В ролевых играх мы можем увидеть все три аспекта, обозначенных Карлсоном. Тем не менее в качестве ключевого мы выделим имитирующее поведение как основную деятельность, составляющую суть ролевой игры. За ним будет идти поддержание образца как необязательный, но возможный элемент: нередко выбор характера персонажа базируется на модели желательного, с точки зрения игрока, поведения. И наконец наименее важное, с нашей точки зрения: разнообразная сопутствующая деятельность, связанная с демонстрацией навыков (менестрель, бродячий театр и т.п.), – досуговая деятельность, напрямую с ролевой игрой не связанная, но встроенная в её структуру как дополнение.

Но как же предлагается различать взаимодействие от лица «другого» (то есть принятой роли, отделённой от «себя»-личности) с повседневным исполнением социальных ролей? Шехнер предлагает считать перформансом то, что воспринимается участниками взаимодействия как перформанс и реализуется как перформанс [15, р. 38]. Карлсон также считает, что перформанс не зависит

от аудитории – аудиторией может быть и один индивид [9, р. 5]. В случае ролевой игры определение момента начала и конца перформанса облегчено тем, что существуют чёткие сроки, в которые проходит игра, и чёткое место её проведения.

Структура перформанса была описана Джеффри Александером [7]. Ролевая игра естественно может быть в неё встроена:

1) фоновые символы и сценарии авансены (задаются в ролевой игре с помощью правил, описания поля взаимодействий – игрового мира – организаторами и т.п.);

2) акторы, участвующие в перформансе, и их аудитория (участники ролевой игры могут быть как акторами, так и зрителями – в зависимости от того, какое место занимают в том взаимодействии, которое разворачивается в данный конкретный момент перформанса);

3) мизансцена (место и время/длительность проведения ролевой игры, в зависимости от целей организаторов и той направленности, которую они и/или участники желают придать будущему перформансу – это может быть как недекорированное помещение и игра на 12 часов, так и бутафорская крепость и игра на неделю).

Одно из наиболее ранних описаний социального взаимодействия как перформанса (представления / исполнения) принадлежит Ирвингу Гофману. По Гофману, перформанс – это «деятельность участника данной ситуации общения, которая предназначена для воздействия тем или иным образом на других участников» [11, р. 26]. Идеи Гофмана могут быть использованы не только для описания сути ролевой игры, но и при рассмотрении причин её развития и возрастания популярности в конце XX века. Мы уже упоминали переход к информационному обществу и поиск новой идентичности. Гофман же видит в построении социального взаимодействия через перформанс один из способов ухода от рутины, возможности проявить характер и моральные качества, стремление к нетривиальным, нерутинным целям [10]. Использовать для этой цели ролевую игру, предлагающую решительно разбить рутину и не предполагающую обязательного выхода за границы социально одобряемых поступков, – что может быть естественней?

В настоящее время мы имеем как обширный полевой материал, иллюстрирующий социальные взаимодействия (к сожалению, всегда неизбежно деформированный влиянием исследователя), так и множество теоретических концепций,

описывающих социальную коммуникацию в рамках перформанса. То поле исследований, которое мы рассматривали в данной статье, стремясь максимально избавиться его от «субкультурной мифологизации» и ложных интерпретаций, предлагает нам уникальный шанс проведения исследования. С одной стороны, ролевая игра как пространство социального взаимодействия подчиняется всем тем законам, по которым разворачивается перформанс в повседневной жизни. С другой стороны, в отличие от повседневных социальных ролей роль в игре одновременно и «проживается» игроком (естественно, стремящимся действовать в рамках своих представлений о возможном поведении персонажа), и умственно отделена от личности. Таким образом, возможна более чуткая и осознанная рефлексия от самого актора социального взаимодействия, снижено и устранено влияние на неё общественных норм и табу в разговоре с исследователем. Ролевая игра – это вид социального взаимодействия, разворачивающийся во вторичной, реконструируемой, как мизансцена, социальной реальности, принимающий форму перформансной коммуникации и сопровождаемый принятием акторами осознанно сконструированных социальных ролей, которые при этом рефлексированы участниками взаимодействия как внешние, игровые, не связанные с их личностью.

1. Кордонский, М. Очерки неформальной социотехники [Текст] / М. Кордонский, М. Кожаринов. М.: Net2Net, 2008. 336 с.

2. Куприянов, Б.В. Очерки общественной педагогики: ролевое движение в России [Текст] / Б.В. Куприянов, А.Е. Подобин. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. 103 с.

3. Ленский, А. Ролевые игры живого действия [Электронный ресурс] / А. Ленский. URL: <http://fable.ru/lensky/LARP/larp.htm> (дата обращения: 02.08.2013).

4. Молодежные субкультуры Москвы [Текст] / сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009. 544 с.

5. Трунов, Д.Г. Перформанс как арт-терапевтическая техника [Текст] / Д.Г. Трунов // XX Мерлинские чтения: Материалы межрегиональной юбилейной научно-практической конференции (9–20 мая 2005 г.). В 3 частях. Часть II. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2005. С. 312–321.

6. Щепанская, Т.Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы. 1986–1989 гг. [Текст] / Т.Б. Щепанская. СПб.: «Наука», 1993. 340 с.

7. Alexander, J.C. Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy [Text] / J.C. Alexander // Sociological Theory. 22(2). 2004. P. 527–573.

8. Balme, C. The Cambridge Introduction to Theatre Studies [Text] / C. Balme. Cambridge MA: Cambridge University Press, 2008. 101 p.

9. Carlson, M. Performance: a critical introduction [Text] / M. Carlson. New York: Routledge, 2004. 276 p.
10. Goffman, E. Interaction ritual: Essay on face-to-face behavior [Text] / E. Goffman. New York: Anchor Book, 1967. 272 p.
11. Goffman, E. The presentation of self in everyday life [Text] / E. Goffman. Harmondsworth: Penguin, 1959. 251 p.
12. Hebdige, D. Subculture – The meaning of style [Text] / D. Hebdige. London: Methuen & Co Ltd, 1979. 206 p.
13. Müller Maya, From Subculture to Mainstream [Text] // Think Larp – Academic Writings from KP2011, First Edition, 2011. 121 p.
14. Salen, K. Rules of play: game design fundamentals [Text] / K. Salen, E. Zimmerman. Cambridge, Mass: The MIT press, 2004. 670 p.
15. Schechner, R. Performance Studies: An introduction [Text] / R. Schechner. London: Routledge, 2006. 351 p.

References

1. Kordonskiy M., Kozharinov M. *Ocherki neformal'noy sotsiotehniki* [Essays in informal social engineering]. Moscow, Net2Net, 2008, 336 p. (in Russian).
2. Kupriyanov B.V., Podobin A.E. *Ocherki obschestvennoy pedagogiki: rolevoye dvizhenie v Rossii*. [Essays in social pedagogy: the role-playing movement in Russia]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova, 2003, 103 p. (in Russian).
3. Lenskiy A. *Rolevye igry zhivogo deystviya* [Live-action role-playing games], available at: <http://fable.ru/lenskiy/LARP/larp.htm> (accessed 02 August 2013) (in Russian).
4. *Molodezhnye subkul'tury Moskvy* / sost. D.V. Gromov, otv. red. M.Yu. Martynova. [Youth subcultures of Moscow]. Moscow, IEA RAN, 2009, 544 p. (in Russian).
5. Trunov D.G. *Perfomans kak art-terapevticheskaya tehnika* [Performance as the art-therapy technique] // *XX Merlinskie chteniya: Materialy mezhrregional'noy yubileynoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 9-20 maya 2005 g.. V 3 chastyah. Chast' II* (XX Merlin scientific conference: Materials of interregional anniversary scientific and practical conference (9-20 May 2005). In 3 parts. Part II). Perm, Perm. gos. ped. un-t, 2005, pp. 312-321 (in Russian).
6. Schepanskaya T.B. *Simvolika molodezhnoy subkul'tury: Opyt etnograficheskogo issledovaniya sistemy. 1986-1989 gg.* [The symbolism of youth subculture: Experience of ethnographic research of the System. 1986-1989]. Saint-Petersburg, «Nauka», 1993, 340 p. (in Russian).
7. Alexander J.C. *Sociological Theory*, 2004, no. 22 (2), pp. 527-573 (in English).
8. Balme C. *The Cambridge Introduction to Theatre Studies*. Cambridge MA, Cambridge University Press, 2008, 101 p. (in English).
9. Carlson M. *Performance: a critical introduction*. New York, Routledge, 2004, 276 p. (in English).
10. Goffman E. *Interaction ritual: Essay on face-to-face behavior*. New York, Anchor Book, 1967, 272 p. (in English).
11. Goffman E. *The presentation of self in everyday life*. Harmondsworth, Penguin, 1959, 251 p. (in English).
12. Hebdige D. *Subculture – The meaning of style*. London, Methuen & Co Ltd, 1979, 206 p. (in English).
13. Müller Maya, *From Subculture to Mainstream*. Think Larp – Academic Writings from KP2011, First Edition, 2011, 121 p. (in English).
14. Salen K., Zimmerman E. *Rules of play: game design fundamentals*. Cambridge, Mass, The MIT press, 2004, 670 p. (in English).
15. Schechner R. *Performance Studies: An introduction*. London, Routledge, 2006, 351 p. (in English).

UDC 316.723

ROLE-PLAYING GAME OF REAL PERFORMANCE: DEFINING THE RESEARCH APPROACH

Tsareva Aleksandra Vasilyevna,
Saint-Petersburg State University,
Post-graduate Student of the
Chair of Culture and
Communication Sociology,
Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: a.tsareva@spbu.ru

Annotation

The article examines the role-playing game as a kind of social interaction existing in the secondary, reconstructed social reality, taking the form of performance communication and followed by the adoption of the actors consciously constructed social roles.

Key concepts:

performance communication,
social performance,
social interaction,
Performance Study.

УДК 316.454

ВЛИЯНИЕ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ НА ТРУДОВЫЕ ПРАКТИКИ ПОДРОСТКОВ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Павлов Борис Сергеевич,

Институт экономики Уральского
отделения Российской
академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: pavlov_borisW@mail.ru

Костина Наталия Борисовна,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт-филиал,
профессор кафедры теории
и социологии управления,
доктор социологических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Аннотация

В статье представлен анализ отношений между поколениями в современной семье, испытывающих влияние процессов, происходящих во внутренней и внешней среде современного российского общества. На основе полученных авторами эмпирических данных выявлено отношение родителей подростков и экспертов к занятости последних трудовыми действиями в рамках организационных форм на базе школ. Представлены данные о реальной занятости подростков, проживающих в уральских городах различного типа (Свердловской и Челябинской областей), разными видами домашнего труда. Представлены мнения старших поколенческих групп о причинах внутрисемейных конфликтов «отцов» и «детей», влияние этих групп на формирование жизненных ориентаций подростков.

Ключевые понятия:

отношения поколений в семье,
социальная группа подростков,
трудовые практики подростков,
мнения родителей о труде подростков,
уход детей из семьи.

Выполнение семьёй целого ряда общественно значимых и непреходящих функций (воспроизводства потомства, производства и потребления, поддержания и воспроизводства социально-психологического и нравственно-этического потенциала общества, социализации молодого поколения, обеспечения помощи членам семьи и защиты, и др.) обуславливают *постоянный интерес* со стороны как общества в целом, так и представителей различных отраслей знания к вопросам функционирования семьи и её изменениям, обусловленным глобализационными процессами современного общества [1].

Проблемы и вызовы, с которыми сталкивается современная российская семья, обусловлены процессами, происходящими во внешней и внутренней средах. К первым можно отнести своего рода революцию в представлениях о традиционной сущности семьи, её формах и роли в социуме, закреплённую в ряде стран посредством юридических норм. Но это вызывает активное противодействие со стороны приверженцев традиционных семейных ценностей. Вторые обусловлены спецификой исторического времени современной России, выражающейся в системной трансформации общества плановой экономики и единой идеологии – в демократическое, организованное на принципах рыночных отношений, политического и идеологического плюрализма. Анализ реальных семейных практик позволяет исследователям делать выводы о трансформации традиционных функций современной семьи, в том числе – содержании процесса семейной социализации, взаимодействии в рамках семьи разных поколений, степени влияния старшего поколения на младшее. Высказывание о семье П.А. Сорокина, сделанное в начале XX века, звучит более чем актуально: «Вдумчивое изучение ряда явлений показывает, что в настоящее время семья как социально-правовая организация определённого вида переживает острый перелом; старые и отчасти современные её формы мало-помалу исчезают и уступают место иным формам, известным пока лишь в самых общих чертах. Коротко говоря, современная семья изменяется и переходит в наши дни к новой, грядущей семье» [7, с. 65].

В течение двух последних десятилетий взаимодействия между одновременно сосуществующими поколениями подверглись значительной трансформации, что отразилось, безусловно, и на коммуникации

и отношениях поколений внутри семьи. Представители разных поколений, одновременно функционирующих в рамках российского социума, существенно отличаются по ценностям, реализуемым социальным практикам, разделяемым традициям и обычаям. Вследствие этого возрастает степень непонимания между поколениями, обостряются межпоколенные конфликты, и наиболее часто ареной протекания таких конфликтов становится семья. Если же говорить о предмете межпоколенных взаимодействий и конфликтов, то как раз в семье таковым становится отношение к труду, ориентации на его различные виды или неориентированность на труд вообще. Одно из проведённых нами исследований свидетельствует о том, что среди старшеклассников сформировались подгруппы, считающие работой досуг и хобби, ориентированные не на труд в его традиционном понимании, а на новые формы занятости (фрилансерство, дауншифтинг), и неориентированные на трудовую деятельность вообще. Подгруппы старшеклассников и выпускников школ, ориентированных на труд как важный и необходимый вид деятельности, при этом по-разному оценивают его содержание: если одна подгруппа ориентирована на изменчивое содержание труда, его инновационность, информационную «насыщенность», гибкость организационных форм, то другую привлекают традиционные профессии, устойчивость содержания и организации труда, чёткое разделение времени на рабочее и свободное [2]. Иными словами, трудовая деятельность в представлениях целого ряда значительных по количественному составу подгрупп молодёжи, прежде всего подростков и старшеклассников, теряет характер обязательности и доминирования среди других видов деятельности. Но, коль скоро отношение к труду вообще и представления о нём в частности формируются, прежде всего, в процессе социализации в рамках семьи, важно выявить, что думают по этому поводу родители современных подростков, и какие виды трудовых действий осуществляют подростки. Каким образом представляются отношения «отцов и детей» (конкретнее – «отцов и детей-подростков») этим поколениям современной семьи, каковы проблемы их взаимоотношений, формирует ли семья у современных подростков ориентацию на труд как необходимый вид деятельности? Остановимся в представленной статье на некоторых из этих аспектов.

В статье использованы материалы региональных эмпирических исследований по проблемам межпоколенческих взаимоотношений в уральских семьях, проведённых авторами в 2011–2013 гг. методом анкетного опроса. В 2011 г. в анкетировании, проведённом на основе квотной выборки в шести городах Свердловской и Челябинской областей, приняли участие 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов – специалистов учреждений, занимающихся организационно-воспитательной работой с подростками. В числе опрошенных подростков 327 составляют, по оценкам учителей, группу «благополучных» (обозначены в тексте «Б») и 338 – группу «трудных» (обозначены в тексте «Тр»). В 2013 г. на основе квотной выборки были опрошены 300 подростков ряда школ г. Лесной Свердловской области (ЗАО) и 510 подростков г. Екатеринбурга. Целью эмпирического исследования являлся анализ процессов формирования ценностей и ориентаций школьной молодёжи, влияния на них межпоколенческих отношений в семье. Поскольку рамки одной статьи весьма ограничены, остановимся лишь на некоторых результатах исследования.

Подростковый период жизни школьной молодёжи, как известно, характеризуется, во-первых, интенсивным физическим и физиологическим развитием тела, во-вторых, особым состоянием нервной системы подростков. Психологические трансформации, характерные для подросткового периода, происходят на фоне онтогенетических изменений в организме. К проявлениям подростковой психологии относятся: недовольство своей личностью, враждебность к окружающему миру, склонность к суицидальным настроениям, мыслям и поступкам. К этому присоединяется и ряд новых внутренних влечений – к тайному, запрещённому, необычному, выходящему за пределы привычной и упорядоченной повседневной жизни. Безусловно, названные социализационные риски проявляются, прежде всего, в семье, на представителей старших поколений которой (мамы – папы, бабушки – дедушки, тёти – дяди) ложится большая ответственность за адаптацию к ним современных подростков, за формирование у этой молодёжной подгруппы ориентаций и ценностей, способствующих их адекватному «вхождению» в последующую взрослую жизнь.

Наряду с психофизиологическими особенностями подросткового возраста важным фактором, влияющим на социализа-

цию сегодняшних городских подростков, на включённость их в ряд форм девиантного поведения, выступают деформации социальных практик, морали и нравственности. Все поколения современного российского общества переживают кризис ценностей, но у подростков как представителей молодого поколения это происходит особенно остро в силу того, что ценности ещё только осваиваются. Информационно-культурное пространство, окружающее подростков, перенасыщено пропагандой ценностей потребительского общества, агрессия и насилие зачастую представляются как вполне легитимные средства достижения утилитарных целей. Статус «героя нашего времени» в глазах молодёжи приобретает, можно сказать, негативный лидер – эгоистичный, циничный, но преуспевающий и добивающийся успеха, невзирая на средства его достижения.

Старые ценности, во многом утратившие практическую значимость, не исчезли из сознания старших поколений, значит, транслируются и молодым, и прежде всего – в пространстве семейных отношений. Новые ценности: «свобода», «демократия», «рыночная экономика», «равные возможности», «частная собственность», «правовое государство» и т.д. – ещё не достигли должного осознания, не приняты многими членами общества, поскольку в своём практическом значении связываются, главным образом, с негативными социальными процессами и феноменами, отрицательными ощущениями. Социальное самочувствие значительной части россиян, в том числе и молодых, в последние десятилетия описывается и социологами, и СМИ с использованием терминов «разочарование», «пессимизм», «неуверенность», «безнадёжность», «апатия», «растерянность», «злость», «агрессивность», «экстремизм», «терроризм». Рассогласованность в обществе должного с допустимым и возможным ставит многих несовершеннолетних в своеобразный нравственно-поведенческий тупик.

На подростков влияет и определённая расплывчатость жизненной программы, свойственная не только им самим, но и их родителям. Неуверенность в завтрашнем дне приводит к тому, что многие подростки, ориентируясь на пример и позиции взрослых, стремятся жить только сегодняшним днём, пытаясь брать от жизни максимум того, что можно взять, как в популярной песенке:

*«Нет, нет, нет, нет, мы хотим сегодня!
Нет, нет, нет, нет, мы хотим сейчас!..»*

Взрослая жизнь – это не только период в жизни, определяемый возрастом, а смена видов деятельности, расширение их спектра – продолжение учёбы, выбор рода будущих занятий и профессии, формирование ориентаций на труд и выполнение семейных обязанностей. Очевидно, что без надлежащей подготовки к взрослой жизни, в том числе – трудовой и семейной, без освоения и признания моделей трудового и семейного поведения подростки не могут быть успешно адаптированы к изменяющимся социальным условиям, а период юности может стать временем утраченных возможностей и повышенного риска.

Данные, полученные в результате проведённого в 2013 года исследования, свидетельствуют о том, что городские подростки Свердловской области не являются активными помощниками в ведении домашнего хозяйства, что называется, особо *«не перерабатывают»*. На вопрос анкеты *«Какую работу по дому и саду ты выполняешь регулярно (более или менее постоянно)?»* ответы учащихся школ двух уральских городов (Екатеринбурга и Лесного) распределились следующим образом (в % от общего числа опрошенных по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга, в знаменателе – из ЗАТО «г. Лесной»):

а) выполнение работ в квартире

– убираю пыль пылесосом	–67 / 64
– мою, чищу посуду	–65 / 66
– регулярно хожу в магазин за продуктами	–49 / 51
– делаю влажную уборку, мою полы	–46 / 46
– готовлю еду (суп, второе блюдо)	–32 / 32
– глажу бельё	–27 / 28

б) выполнение работ в саду, в огороде:

– поливаю овощи, цветы, ягоды	–51 / 39
– собираю «трудоёмкие» ягоды (облепиху, смородину и др.)	–37 / 33
– пропалываю грядки	–33 / 26
– копаю землю, грядки	–27 / 23
– топлю печь (в доме, в бане)	–21 / 17
– отвечаю за приготовление еды	–13 / 13

в) работы, которые выполняют или дома, или в саду:

– ухаживаю за домашней жив- ностью (собакой, кошкой и др.)	– 59 / 55
– помогаю в ремонтных работах по дому, саду	– 35 / 36
– ухаживаю за младшими братьями, сёстрами	– 32 / 33
– ухаживаю за пожилыми родственниками (бабушкой)	– 22 / 19
– высаживаю (ухаживаю) за рассадой, цветами	– 17 / 15
– ухаживаю за автомобилем, мотоциклом	– 12 / 10

«Интеллектуализм» современных подростков, усвоение большого объёма информации, знаний нередко достигается ценою полного освобождения подростков от вы-

полнения трудовых видов деятельности в семье и в процессе учёбы в школе. Проблемы, возникающие в процессе трудового воспитания, связаны с формированием социальной зрелости подростка, протекающей далеко не синхронно с темпами их физического развития и насыщения информацией. Трудовое воспитание в семье способствует формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду как деятельности, обеспечивающей достойный уровень и современное качество жизни, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими людьми.

При проведении исследования в Свердловской и Челябинской областях родителям подростков было предложено ответить на вопрос: «Если бы в школе, где учится Ваш сын (дочь), был создан из учащихся производственный кооператив либо малое предприятие, в котором они могли бы зарабатывать для себя деньги, одобрили бы Вы такое начинание?». Ответы наших респондентов представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Родители подростков о возможности создания при школах
производственных кооперативов (% от общего числа опрошенных
по каждой группе)**

Оценка необходимости «детских» предприятий	Группы родителей				
	В целом	В том числе			
		по полу		в городах	
		муж- чины	жен- щины	Екатерин- бург	Челя- бинск
Да, одобрили бы	48	48	50	45	55
Скорее всего, согласились бы	33	34	33	31	34
Пока в планы семьи и сына (дочери) это не входит	17	18	17	19	11

Приведенные в таблице данные позволяют сделать вывод, что подавляющее большинство родителей уральских подростков поддерживают организацию при школах доступных трудовых видов деятельности. Эта позиция имеет свои традиции, «корни»; в наших исследованиях она выявлялась и почти четверть века назад [3]. В продолжение анализа целесообразности, с точки зрения родителей, трудовых занятий школьников, мы включили в анкету следующий вопрос: «Как Вы считаете, с какого класса могли бы зарабатывать на созданном специально для школьников предприятии учащиеся вашей школы?». При этом и родителям, и опрошенным

нами экспертам было предложено отметить наиболее ранний возраст, с которого учащиеся могли бы работать на школьном предприятии, выбрав только один вариант ответа. Позиции родителей представлены в таблице 2.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что значительная часть родителей «голосует» за вовлечение своих детей в производственный оплачиваемый труд в 7–10-х классах. Нельзя не отметить, что довольно представительная группа родителей (28 %) и пятая часть экспертов (19 %) считают, что «в школе (в училище) дети (подростки) должны хорошо учиться, а работать и зарабатывать деньги они успеют после окончания учёбы». В этой свя-

Таблица 2

Мнение родителей и экспертов о приобщении детей к «взрослому (оплачиваемому) труду (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Варианты ответов		Группы	
		Родители	Эксперты
Работать и зарабатывать собственные деньги школьники могли бы начинать обучаясь:	в 3–5-м классе	2	–
	в 6–7-м классе	13	16
	в 8–9-м классе	33	40
	в 10-м классе	17	18
	в 11-м классе	7	7
В школе (в училище) дети (подростки) должны хорошо учиться, а работать и зарабатывать деньги они успеют после окончания учёбы		28	19

зи вспоминается высказывание К.Д. Ушинского, который писал: «Потребность труда врождена человеку, но она удивительно как способна разгораться или тухнуть, смотря по обстоятельствам, и в особенности сообразно тем влияниям, которые окружают человека в детстве и в юности... Но воспитание не только должно внушить воспитаннику уважение и любовь к труду: оно должно ещё дать ему и привычку к труду, потому что дельный, серьёзный труд всегда тяжёл...» [8, с. 156–157].

Важным показателем наличия серьёзных проблем в отношениях между поколениями в семье, отсутствия взаимопонимания является стремление подростков уйти из дома, от родителей. Сегодня нередки случаи, когда, казалось бы, послушные и благополучные дети «ни с того, ни с сего» убегают от родителей, не ночуют дома и т.п. В процессе наших исследований мы стремились выяснить мнение трёх групп респондентов о причинах широко распространения беспризорности детей в России, о первоочередных мерах по профилактике этого явления. Один из вопросов анкеты формулировался так: «Как Вы думаете, почему многие дети уходят из семьи, теряют связь с родителями, становятся беспризорными? (Укажите по 3–4 пункта в каждой группе причин.)» Ответы респондентов представлены в таблице 3. Ответы напоминаем, что группа благополучных подростков обозначена как «Б», а группа трудных подростков – «Т».

Полученные данные свидетельствуют о том, что мнения родителей и экспертов, с одной стороны, и самих подростков, с другой, о причинах ухода детей из семьи во многом совпадают. Интересен и тот факт, что мнения благополучных и трудных подростков также мало чем различаются. Это

может говорить о том, что среди благополучных детей (из благополучных семей) есть латентная группа тех, которые под ситуативным влиянием как внутрисемейных факторов, так и факторов внешней среды могут оказаться вне семьи, дома. Самоуспокоенность многих родителей, их уверенность в «благополучности» своих отношений со взрослеющими детьми, по нашему мнению, также является важным фактором формирования девиантности в поведении подростков, их стремления убежать из семьи, от родителей. Если обратиться к историческому опыту традиционной семейной педагогики патриархального типа в России, опиравшейся на беспрекословное подчинение детей взрослым членам семьи (в первую очередь отцу и матери), то она уже во многом стала историей российской семьи. Процесс эмансипации детей «из-под власти родителей» был характерен для прошедшего столетия [4].

П. Сорокин считал падение родительской власти над детьми основной чертой, которой характеризуется история взаимоотношений родителей и детей. В итоге опека родителей постепенно падала, власть их всё более и более ограничивалась, государство мало-помалу вторгалось в права родительской власти. С падением родительской власти, по выражению российского социолога, исчез и «клей» принуждения. Связь отцов с детьми стала зависеть от воли не только первых, но и вторых. То, что раньше дети должны были терпеть, теперь они терпеть не обязаны. Если раньше они, при всей тягостности их доли, должны были эту связь поддерживать, то теперь они свободно разрывают ее, не жертвуя ни совестью, ни честью, ни благосостоянием.

**Родители и эксперты о причинах побегов детей из родительских семей
(% от общего числа опрошенных по каждой группе подростков)**

Причины ухода детей из родительской семьи	Группы			
	Эксперты в целом	Родители в целом	Подростки	
			«Б»	«Т»
Группа I. «Виноваты» родители, семья:				
Жёсткое обращение родителей	12	11	12	11
Сложная обстановка в семье	12	12	12	12
Их не понимают родители	8	7	8	8
Потеря родителей (смерть или заключение)	6	7	8	8
Появление в семье мачехи, отчима	5	5	7	6
«Заставляет» нехватка денег в семье	4	6	3	4
Группа II. «Виноваты» улица, школа, сами подростки:				
Влияние уличных приятелей	11	9	8	9
Приобщение к наркотикам, алкоголю	10	10	11	10
Проблемы с учёбой, с учителями	7	7	4	5
Безволие подростков	5	6	6	5
Влияние преступных группировок	5	5	6	7
Желание подражать «крутым» ребятам	4	5	5	5
Желание пожить «на свободе»	6	6	7	6
Другие причины	6	5	3	3

«Раньше дети были рабы, теперь – они свободные и равноправные с отцами личности. Раб терпит всё, личность требует уважения к себе и протестует против посягательств на её права. Отсюда вывод – теперь принудительная связь родителей и детей стала слабее, пала и легче может быть разорвана. А это значит, что «китайская стена», охранявшая эту связь на почве родительской власти, рухнула [7, с. 71–72].

Недостаточное внимание старших поколений современных семей к формированию у детей культурных и нравственных ценностей, преобладание у немалой доли родителей потребностей в материальных и финансовых ценностях при достаточном хорошем уровне материальной обеспеченности обостряют проблемы современного семейного воспитания, нередко приводя к культивированию мещанства, накопительства, к игнорированию трудового воспитания подростков. В семьях, в которых источник материального благосостояния несовместим с воспитанием правильного отношения к труду (жизнь не

по средствам, поощрение получения дохода нечестными способами и т.п.), у подростков, как правило, не формируется ориентации на труд, причём не только в его традиционном понимании, но и на современные, инновационные виды труда. Подчас родители, не имея большого достатка, отказывая себе в необходимом, стремятся подольше продлить «безмятежное детство» подростку, безотказно приобретая ему дорогие вещи, воспитывая тем самым потенциального иждивенца [5].

В этой связи интерес представляет выявление того, на кого хотят быть похожими современные тинейджеры. Проведённое нами исследование позволяет определить влияние представителей старших поколений на жизненное самоопределение подростков, выявить их отношение к преемственности поколений. Распределение ответов на вопрос «На кого Вам хочется походить? Кто для Вас является примером в жизни?» представлены в таблице 4 (сокращённо – «Ю» – юноши, «Д» – девушки, «Б» – подростки «благополучные», «Т» – «трудные» подростки).

Таблица 4

Оценка подростками представителей старших поколений как примера для подражания (% от общего числа опрошенных в каждой группе подростков)

Являются для подростков примером в жизни	Группы подростков			
	по полу		по поведению	
	«Ю»	«Д»	«Б»	«Т»
Отец	26	12	20	15
Мать	22	36	33	27
Старшие брат, сестра	10	10	9	11
Дедушка, бабушка	7	4	5	6
Кто-либо из других родственников	5	6	8	3,3
Герой фильма	2,9	7	7	4,1
Кто-либо из друзей родителей	2,2	1,8	2,1	1,8
Учитель, преподаватель	1,8	2,8	2,8	2,1
Один из собственных друзей, товарищей	2,6	5	4,3	3,8
Кто-либо из политиков, руководителей	1,1	1,3	1,2	1,2
Литературный герой (назовите)	–	0,5	0,6	–
Кто-то из соседей по дому, двору	–	–	–	–
Такого человека, образца для подражания, пока нет	36	36	32	40

Данные, полученные нами в результате исследования, позволяют сделать вывод о том, что, вопреки бытующему мнению о доминантном влиянии «улицы», компаний школьных и дворовых друзей на формирование жизненных ориентаций и жизненных планов современных подростков, по оценке самих подростков, это влияние не столь велико по сравнению с влиянием отца, матери, семьи в целом. В то же время не может не вызывать тревоги тот факт, что каждый третий подросток, по его признанию, не имеет «живого образчика» для подражания в своём поведении, в жизненных ориентациях. В группе «трудных» подростков их число составляет 40% [6].

Результаты проведённых эмпирических исследований позволяют сделать один из основополагающих для современной ситуации выводов: семья как важный фактор социализации молодого поколения россиян (в нашем случае – уральцев) держит несомненный приоритет среди других факторов и институтов, обеспечивающих стабильность общества. Важно то обстоятельство, что в настоящее время мы имеем дело с поколением 14–17-летних молодых людей в России

(в частности, на Урале), которое не столь пессимистично (в отличие от так называемых «потерянных поколений» Европы). Они верят и надеются, что в случае деформации их жизненных планов и возникновения острых жизненных проблем, они не останутся в одиночестве. Несмотря на распространённое мнение о непонимании в современных семьях детьми – «отцов» и «отцами» – детей, об усиливающихся межпоколенческих конфликтах, данные наших исследований свидетельствуют о том, что для современных подростков именно представители старших поколений в семье являются примером для подражания. Мнения, позиции родителей оказывают значительное влияние на поведенческие практики подростков; оценки этой ситуации как самими подростками (и трудными, и благополучными), так и родителями и экспертами (педагогами) практически совпадают. При этом в современных семьях недостаточное внимание уделяется формированию у подростков готовности к осуществлению трудовых практик, что в последующем чревато перекосом в сторону выбора практик потребительского поведения.

1. Берсенева, В.Л. Особые грани современной российской экономики и не только [Текст] / В.Л. Берсенева, С.Г. Важенин, Б.С. Павлов // Экономика региона. 2011. № 1. С. 264–267.
2. Костина, Н.Б. Молодое поколение об устойчивости и изменчивости трудовой деятельности: опыт эмпирического исследования [Текст] / Н.Б. Костина, О.И. Власова // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 22–27.
3. Павлов, Б.С. Из школьного в рабочий класс [Текст] / Б.С. Павлов. М.: Советская Россия, 1989. 240 с.
4. Павлов, Б.С. Беспризорность детей как следствие неблагополучия родительской семьи [Текст] / Б.С. Павлов, Е.Г. Королёв // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. Т. 8. № 1. С. 64–69.
5. Павлов, Б.С. Проблемы социальной реабилитации городских подростков в условиях девиантной субкультуры молодёжи [Текст] / Б.С. Павлов, Г.Л. Зверева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 8. Экономика. Социология. Социальная работа. 2007. № 1. С. 64–69.
6. Павлов, Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) [Текст] / Б.С. Павлов // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 69–80.
7. Сорокин, П.А. Кризис современной семьи [Текст] / П.А. Сорокин // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 3. С. 41–60.
8. Ушинский, К.Д. Избранные педагогические произведения [Текст] / К.Д. Ушинский. М.: Мысль, 1968. 556 с.

References

1. Bersenev V.L., Vazhenin S.G., Pavlov B.S. *Jekonomika regiona*, 2011, no. 1, pp. 264–267 (in Russian).
2. Kostina N.B., Vlasova O.I. *Socium i vlast'*, 2013, no. 6 (44), pp. 22–27 (in Russian).
3. Pavlov B.S. *Iz shkol'nogo v rabochij klass* [From a school class to the working class]. Moscow, Sovetskaja Rossija, 1989, 240 p. (in Russian).
4. Pavlov B.S., Korolev E.G. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, T. 8, no. 1, pp. 64–69 (in Russian).
5. Pavlov B.S., Zvereva G.L. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, Serija 8, *Jekonomika. Sociologija. Social'naja rabota*, 2007, no. 1, pp. 64–69 (in Russian).
6. Pavlov B.S. *Sociologicheskie issledovanija*, 2013, no. 2, pp. 69–80 (in Russian).
7. Sorokin P.A. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Ser. 18, *Sociologija i politologija*, 1997, no. 3, pp. 41–60 (in Russian).
8. Ushinskij K.D. *Izbrannye pedagogicheskie proizvedenija* [Selected pedagogical works]. Moscow, Mysl', 1968, 556 p. (in Russian).

UDC 316.454

INFLUENCE OF INTERGENERATIONAL RELATIONS IN THE FAMILY ON WORKING PRACTICE OF TEENAGERS: EXPERIENCE OF EMPIRIC RESEARCH

Pavlov Boris Sergeevich,

Institute of Economics of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: pavlov_borisW@mail.ru

Kostina Natalia Borisovna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute – Branch, Professor of the Chair of Theory and Sociology of Management, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Annotation

The article presents the analysis of generation relationships in a modern family, experiencing the influence of processes taking place in internal and external environment of modern Russian society. On the bases of the empiric results obtained the authors define the attitude of teenagers' parents and experts towards engaging of teenagers in working activity in the frame of organized forms on the school basis. The authors give data about real engagement of teenagers living in Ural towns of different types (Chelyabinsk and Sverdlovsk regions) in different kinds of household duties. The article presents opinions of elderly people about fathers and sons conflict, their influence on forming teenagers' life orientation.

Key concepts:

Generation relations in a family, Social group of teenagers, Working practice of teenagers, Parents' opinions about teenagers' labor, Children's leaving home.

УДК 316.7

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЁЖНЫХ СУБКУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО ГОРОДА

Власова Ольга Владимировна,
Сургутский государственный
педагогический университет,
преподаватель кафедры
философии и социологии,
г. Сургут, Россия.
E-mail: surgut_vlasov@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные виды образовательной деятельности в молодёжных субкультурных общностях северного города, дана характеристика основных формальных и неформальных образовательных практик представителей молодёжных субкультурных общностей северного города.

Ключевые понятия:

молодёжная субкультурная общность, формальное образование, неформальное образование, северный город.

В широком спектре социальных вопросов, которые сегодня волнуют общество, заметное место занимают проблемы включения молодёжи в различные социальные общности. Одними из наиболее распространенных, массовых и, вместе с тем, мало изученных являются молодёжные субкультурные общности. По данным социологических исследований, удельный вес представителей молодёжных субкультурных общностей может составлять до 33% от общей численности молодёжи [5, с. 384]. Это статистически значимая общность, которая является крайне важной для эффективного функционирования современной общественной системы. Именно молодёжные субкультурные общности выступают одним из наиболее предпочитаемых каналов самовыражения молодёжи и становятся формой замещения традиционных способов социализации на современном этапе.

Поскольку в социологической литературе понятие «молодёжная субкультурная общность» разработано недостаточно, дадим его характеристику. Под ней (молодёжной субкультурной общностью) будем понимать взаимосвязь людей, идентифицирующих себя с участниками конкретной молодёжной субкультуры. Основу молодёжной субкультурной общности составляет молодёжная субкультура как взаимосвязь ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей, детерминированных разными факторами, в том числе уровнем и характером образования, и присущих социально и пространственно обособленным определённым общностям молодёжи.

Особый интерес вызывают проблемы образовательной деятельности молодёжных субкультурных общностей, регуляции их поведения в этой сфере и включения в институционально приемлемые формы взаимодействия в социуме, создания комфортных и благоприятных условий для функционирования их участников в конкретной социальной среде, использования ресурсов формального и неформального образования.

Для анализа основных видов образовательной деятельности молодёжных субкультурных общностей северного города автором было проведено социологическое исследование по заказу окружной Думы на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – в период с 2011 по 2013 гг. – «Жизненные ценности учащейся молодёжи ХМАО – Югры». Ис-

пользовались такие методы эмпирического исследования, как анкетирование учащихся 8–11 классов*, объём выборки составил 1632 человека; глубинное интервью членов молодёжных субкультурных общностей в возрасте от 18 до 30 лет, количество опрошенных составило 70 человек. В ходе исследования было выявлено, что 498 человек включены в молодёжные субкультурные общности, что составляет 30,5% от общего числа опрошенных. Наиболее распространёнными молодёжными субкультурными общностями в северных городах округа являются: гламур (22,5%), хоп-хоп (20,4%), гопники (18,7%), аниме (15,7%) и рокеры (8,1%)** [См. подробнее об этих субкультурах: 1, 2, 3, 4, 6].

Нами было изучено отношение учащейся молодёжи к формальному образованию. Этот анализ проводился сквозь призму различных показателей:

- отношения участников молодёжных субкультурных общностей к учебной деятельности и испытываемых ими сложностях в обучении;
- образования как значимой жизненной ценности;
- самореализации в учебной деятельности.

Рассмотрим отношение представителей молодёжных субкультурных общностей к учебной деятельности. Для определения уровня удовлетворённости респондентов учёбой, в ходе анкетирования мы задавали вопрос «Нравится ли Вам учиться?» (табл. 1).

Анализ данных эмпирического исследования позволил нам сделать вывод о том, что большинство участников молодёжных субкультурных общностей в целом положительно относятся к процессу обучения. Индекс отношения к учёбе у представителей молодёжной субкультурной общности рокеров равен 0,4. Среди участников таких молодёжных субкультурных общностей, как гламур и аниме, индексы отношения к учёбе составили соответственно по 0,3, у представителей хип-хопа и гопников индекс отношения к учёбе равен 0,2.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что участники молодёжных субкультурных общностей рокеров, гламура и аниме позитивно относятся к учёбе, и этот вид деятельности является для них привлекательным, т.к. удовлетворяет их образовательную потребность. Именно формальное образование даёт им своеобразный «фундамент» и является для участников рассматриваемых молодёжных субкультурных общностей стимулом для расширения кругозора в выбранной сфере деятельности в рамках субкультурной общности. В отличие от названных субкультурных общностей, представители гопников и хип-хопа слабо ориентированы на получение формального образования.

Следует отметить, что большинство участников рассматриваемых молодёжных субкультурных общностей относятся к формальному образованию как к значимой жизненной ценности неоднозначно (см. табл. 2).

Таблица 1

Респонденты об отношении к учёбе (в % к числу ответивших)

Нравится ли Вам учиться?	Гламур	Хип-хоп	Гопники	Аниме	Рокеры
Да	25,9	20,6	23,7	20,5	25,0
Скорее да, чем нет	42,9	42,2	40,9	51,3	50,0
Скорее нет, чем да	19,6	22,5	16,1	15,4	15,0
Нет	6,3	9,8	11,8	5,1	7,5
Затрудняюсь ответить	5,3	4,9	7,5	7,7	2,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* В исследовании была использована стратифицированная выборка с пропорциональным размещением. Для расчёта объёма выборочной совокупности в целом и выборки по стратам была использована статистическая информация о муниципальных образовательных учреждениях ХМАО-Югры. Далее была реализована двухступенчатая выборка. На первой ступени случайным образом были отобраны школы из общего списка школ в выбранных населённых пунктах. На второй ступени отбирались классы (был осуществлён гнездовой отбор).

** Процент к числу ответивших (общее количество – 498 человек).

Таблица 2

**Респонденты об образовании
как о значимой жизненной ценности (в % к числу ответивших)**

Представители молодёжных субкультурных общностей	Образование		Итого
	является ценностью	не является ценностью	
Гламур	14,3	85,7	100,0
Хип-хоп	26,5	73,5	100,0
Гопники	21,5	78,5	100,0
Аниме	41,0	59,0	100,0
Рокеры	42,5	57,5	100,0

Анализ полученных данных позволяет констатировать, что для 42,5% рокеров и 41% участников субкультурной общности аниме формальное образование является значимой жизненной ценностью. Это объясняется тем, что получаемое формальное образование удовлетворяет образовательные потребности представителей рассматриваемых молодёжных субкультурных общностей.

Подробное изучение проблем самореализации участников молодёжных субкультурных общностей в учебной деятельности позволяет нам утверждать, что никто из их представителей успешно не реализуется в учёбе. Участники молодёжной субкультурной общности гопников демонстрируют полное отсутствие стремления к самореализации в учебной деятельности, что объясняется отсутствием интереса у них к получению формального образования. Представители молодёжных субкультурных общностей хип-хоп (98,5%), рокеров (98,5%), аниме (97%), гламур (95,5%) также указывают на отсутствие самореализации в процессе получения формального образования в общеобразовательной школе. Это свидетельствует о том, что участники рассматриваемых субкультурных общностей находят себя в других сферах деятельности, связанных с их включённостью в молодёжные субкультурные общности.

Участники молодёжных субкультурных общностей – учащиеся школ – по-разному относятся к формальному образованию. В целом они позитивно относятся к получению формального образования, но этот вид деятельности не является для них привлекательным и не соответствует их образовательным потребностям. Предста-

вителям субкультурных общностей приходится искать иные сферы самореализации, т.к. институт формального образования не до конца удовлетворяет их образовательные потребности. Он не содержит в явном виде культурный компонент, отстаёт от изменений в культуре в целом и в молодёжных субкультурах в частности. Сферой деятельности участников молодёжных субкультурных общностей, восполняющей этот пробел, является неформальное образование.

Понятие неформального образования рассматривается нами в контексте непрерывного образования, которое осуществляется в рамках институтов гражданского общества. Последнее предполагает систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и межличностных отношений, которые создают условия для самореализации личности и отдельных коллективов. Мы рассматриваем молодёжную субкультурную общность как одну из структур гражданского общества. Сущность субкультурной общности как части гражданского общества сводится к тому, что она даёт возможность и право выбора молодому человеку той сферы деятельности, которая ему интересна.

Основными свойствами неформального образования являются: 1) отсутствие единых, (в той или иной мере стандартизированных) требований к результатам обучения; 2) осуществление образовательного процесса посредством личного участия; 3) интерактивность участников процесса обучения; 4) направленность на пополнение знаний и умений в интересующем направлении деятельности молодёжной субкультурной общности.

Другими словами, речь идёт о стремлении расширить культурный кругозор или приобрести знания и умения, необходимые для успешного функционирования в рамках субкультурной общности, в сфере межличностных отношений, для участия в различных видах деятельности молодёжной субкультурной общности.

Неформальное образование является важной составной частью функционирования молодёжной субкультурной общности, помогает её участникам осваивать новые социальные роли, способствует их развитию в рамках выбранных направлений. Уровень неформального образования и способы его получения зависят от уровня формального образования участников молодёжных субкультурных общностей. Две рассматриваемые формы образования непосредственно связаны друг с другом и оказывают влияние на развитие и функционирование молодёжной субкультурной общности в северном городе.

Мы выделяем следующие практики неформального образования в рамках молодёжных субкультурных общностей в северном городе, в зависимости от способа получения необходимых знаний: 1) *индивидуальные*, представляющие собой несистематизированное обучение, стихийное освоение знаний и навыков путём индивидуального усвоения информации и осуществления практической деятельности участниками молодёжной субкультурной общности; 2) *коллективные, или групповые*, выступающие как образовательная деятельность неформального характера, направленная на демонстрацию повседневных практик участников молодёжных субкультурных общностей, с целью распространения знаний и опыта, необходимых для успешного функционирования в их рамках. Выделены также такие практики неформального образования, как *творческие*, результатом которых является лично-значимый творческий продукт, и *воспроизводящие*, приводящие к выработке общей модели поведения и её воспроизводству в рамках молодёжной субкультурной общности.

Отмечая наличие различных способов получения неформального образования в молодёжных субкультурных общностях северного города, укажем, что индивидуальные практики получения неформального образования характерны для участников молодёжных субкультурных общностей гламур, хип-хоп (диджеинг и граффити),

аниме. Гопники, рокеры и представители хип-хоп культуры, прежде всего рэперы и брейк-дансеры, чаще выбирают коллективные практики неформальной образовательной деятельности. Творческий характер неформального образования присущ больше представителям молодёжных субкультурных общностей аниме, гламур, хип-хоп и рокеров, т.к. деятельность в рамках рассматриваемых субкультурных общностей предполагает производство лично-значимого творческого продукта. Воспроизводящий характер неформального образования чаще проявляется в деятельности участников молодёжной субкультурной общности гопников, т.к. знания, полученные в рамках этой субкультурной общности, необходимы её участникам для регуляции своего поведения в ней. Мы пришли к этому выводу, изучив материалы глубинных интервью с участниками представленных молодёжных субкультурных общностей.

При этом нами была обнаружена следующая тенденция: участники молодёжных субкультурных общностей с низким уровнем формального образования чаще выбирают коллективные практики неформальной образовательной деятельности, имеющие воспроизводящий характер. Это объясняется тем, что процесс группового усвоения знаний требует меньших интеллектуальных усилий, чем индивидуальные способы.

Рассмотрим основные практики неформального образования в молодёжных субкультурных общностях северного города.

Для представителей молодёжной субкультурной общности гламур характерны индивидуальные практики неформального образования, т.к. участники рассматриваемой субкультурной общности имеют высокий уровень формального образования.

Среди основных индивидуальных практик неформального образования в рамках молодёжной субкультурной общности гламур респонденты отмечают следующие: просмотр фильмов, чтение книг, «глянцевых» журналов, использование сети Интернет. Групповые практики неформального образования также распространены и являются значимыми в процессе получения ими новых знаний. Участники этой субкультурной общности совместно посещают выставки, обсуждают основные модные тенденции и новинки индустрии моды, косметологии, фитнеса.

Елена, 20 лет: «Мы вместе с девчонками ходим на выставки, в театр, в кино. Часто собираемся в кафе или у кого-нибудь дома обсудить новинки. Рассказываем друг другу о диетах, упражнениях, косметике».

Участники молодёжной субкультурной общности хип-хоп выбирают практики неформального образования в зависимости от сферы деятельности внутри субкультуры. Диджеи и графферы чаще используют индивидуальные практики, в основном это самообразование посредством сети Интернет, просмотр тематических фильмов и телепередач, общение с представителями своего направления на форумах, в блогах и социальных сетях.

Владимир, 22 года: «Я всему сам учился, особенно сводить музыку, делать стоящий продукт. Сам нашёл программу в Интернете, за советом обращался к другим диджеям. Нашёл их просто в социальных сетях, добавлялся и задавал им интересные меня вопросы».

Рэперы и брейк-дансеры предпочитают групповые практики неформального образования; это объясняется тем, что сама деятельность в рамках выбранного направления предполагает наличие команды единомышленников. Участники молодёжной субкультурной общности хип-хоп констатируют наличие следующих коллективных практик неформального образования: совместное написание музыки и текстов песен, прослушивание музыки других рэп исполнителей, обсуждение основных тем творчества исполнителей хип-хоп музыки, постановка танцев.

Для представителей молодёжной субкультурной общности гопников характерны преимущественно групповые практики неформального образования, т.к. участники рассматриваемой субкультурной общности имеют низкий уровень формального образования.

Среди основных групповых практик неформального образования в рамках молодёжной субкультурной общности гопников участники отмечают следующие: демонстрация личного опыта, обучение сленгу, решению конфликтных ситуаций.

Михаил, 18 лет: «Мне всё объяснили, как надо себя на встречах вести, как говорить. Сначала просто так меня брали, ну, мол, смотри, учись, а потом и сам стал на встречи ходить».

Участники молодёжной субкультурной общности аниме имеют высокий уровень

формального образования, что помогает им использовать как индивидуальные практики неформального образования, так и коллективные. Деятельность представителей молодёжной субкультурной общности аниме строится на постоянном совершенствовании знаний в выбранном направлении деятельности. Они называют следующие индивидуальные практики: просмотр фильмов, чтение специальной литературы, самостоятельное изучение особенностей японского образа жизни, изучение японского языка, особенностей рисования манги (комикса); среди коллективных практик «анимешники» выделяют совместное изготовление косплеев (костюмов любимых персонажей комиксов или мультфильмов), объединение в кланы для совместного изучения норм и ценностей японской культуры, изучение иностранных языков, общение с носителями языка в социальных сетях.

Рокеры имеют высокий уровень формального образования, но, несмотря на это, предпочитают коллективные практики неформального образования. Это тенденция объясняется постоянным сотворчеством в рамках музыкальной группы.

Представители молодёжной субкультурной общности рокеров среди коллективных практик выделяют следующие: обучение игре на музыкальных инструментах в рамках молодёжной субкультурной общности, т.е. участники выступают друг для друга в роли наставников; обсуждение книг, фильмов, политических новостей; изучение иностранных языков. Среди индивидуальных практик неформального образования рокеры выделяют: чтение специальной литературы о выбранном жанре рок-музыки, чтение художественной литературы, самостоятельное изучение истории, культуры, традиций русского народа, изучение иностранных языков, чаще всего по текстам песен любимых исполнителей, совершенствование игры на музыкальном инструменте.

Антон, 20 лет: «Я многому научился здесь, в школе рока, мне интересно приходить сюда каждый день и заниматься. Ну и быстрее как-то получается».

Таким образом, предпринятая попытка анализа образовательных практик молодёжных субкультурных общностей показывает необходимость дальнейшего рассмотрения проблемы воспроизводства этих общностей на основе образовательной деятельности их участников. Осмыс-

ление задачи создания благоприятных условий для такой деятельности молодежи – важная задача властных структур и органов управления.

1. Белякова, Е.П. Новая культура России – глянec [Электронный ресурс] / Е.П. Белякова. URL: <http://www.a-s-t./index.php.page.htm> (дата обращения: 25.03.2014).

2. Вершинин, М. Современные молодежные субкультуры: рэперы [Электронный ресурс] / М. Вершинин, Е. Макарова. URL: <http://psyfactor.org/gar.htm> (дата обращения: 25.03.2014).

3. Гаврилюк, В.В. Гопники как феномен в среде молодежи [Текст] / В.В. Гаврилюк // Социс. 2010. № 1. С. 126–131.

4. Корженко, А.Л. Молодежная субкультура как альтернативная форма социализации личности в юношеском возрасте [Текст] / А.Л. Корженко // Социология образования. 2010. № 7. С. 93–94.

5. Левикова, С.И. Неформальная молодежная субкультура [Текст] / С.И. Левикова. М.: Вузovская книга, 2010. 384 с.

6. Мосиенко, Л.В. Исследования молодежной субкультуры: аксиологический аспект [Текст] / Л.В. Мосиенко // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2. С. 236–242.

References

1. Beljakova E.P. *Novaja kul'tura Rossii – gljanec* [New culture of Russia is sparkle], available at: <http://www.a-s-t./index.php.page.htm> (accessed 25 March 2014) (in Russian).

2. Vershinin M., Makarova E. *Sovremennye molodezhnye subkul'tury: reperry* [Contemporary youth subcultures: rappers], available at: <http://psyfactor.org/rap.htm> (accessed 25 March 2014) (in Russian).

3. Gavriljuk V.V. *Socis*, 2010, no. 1, pp. 126–131 (in Russian).

4. Korzhenko A.L. *Sociologija obrazovanija*, 2010, no. 7, pp. 93–94 (in Russian).

5. Levikova S.I. *Neformal'naja molodezhnaja subkul'tura: Monografija* [Informal youth subculture]. Moscow, Vuzovskaja kniga, 2010, 384 p. (in Russian).

6. Mosienko L.V. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 2, pp. 236–242 (in Russian).

UDC 316.7

EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE YOUTH SUBCULTURAL COMMUNITIES OF A NORTHERN CITY

Vlasova Olga Vladimirovna,
Surgut State Pedagogical University,
lecturer of the Chair of
Philosophy and Sociology,
Surgut, Russia.
E-mail: surgut_vlasov@mail.ru

Annotation

In the article the main types of educational activities in the youth subcultural communities of a northern city are considered, the main formal and informal educational practices of members of the youth subcultural communities of the northern city are characterized.

Key concepts:

youth subcultural communities,
formal education,
informal education,
northern city.

УДК 324+32.019.5

НОВЫЙ СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ ГУБЕРНАТОРОВ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, директор, доктор политических наук, профессор, г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Аннотация

В статье анализируется новая ситуация с легитимацией руководителей исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Дается статистический, количественный и качественный анализ когорты претендентов на губернаторские должности, которую с января по июнь 2014 года сформировал президент В. Путин. Рассматриваются основные составляющие формулы успеха представителей этой когорты на выборах 14 сентября 2014 года. На основе данных социологического исследования анализируются теоретические и практические шансы использования всех составляющих формулы успеха на предстоящих выборах представителя этой когорты – претендента на пост губернатора Челябинской области Б. Дубровского.

Ключевые понятия:
способ легитимации власти, губернатор, формула успеха, политический имидж, выборы.

Наименование должности руководителя исполнительной ветви власти субъекта Федерации определяется региональным законодательством, и поэтому «губернаторами» во всех случаях называют руководителей областей и краёв. В национальных республиках должности губернатора соответствует должность президента (например, Татарстана) и главы республики (например, Мордовии). В отдельных регионах также применяется наименование «глава администрации области».

Российская федеральная власть на протяжении вот уже двух десятилетий ищет наиболее оптимальный способ легитимации руководителей исполнительной власти, пройдя при этом следующие этапы:

1. 1991 – декабрь 1993 г. – назначение губернаторов указом президента;

2. 1994–2005 гг. – выборы губернаторов жителями субъектов Российской Федерации в рамках прямого, равного и тайного голосования;

3. 2005 по 2012 год – назначение законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации по представлению президента России.

4. 1 июня 2012 года вступил в силу закон Российской Федерации, возвращающий выборы высших должностных лиц региона, но предусматривающий при этом как выборы населением, так и избрание через региональный парламент (вопрос о том, какой вариант легитимации применяется, решает региональный парламент).

В данной статье речь пойдёт именно о способе легитимации власти, опустим момент обсуждения её правовой легальности: источниках, сущности и способах обеспечения [2, с. 114].

Обзор способов замещения должности губернатора в современном российском государстве позволяет увидеть в действиях власти нечто подобное диалектическому принципу отрицание отрицания. Из частоты принятия решений можно сделать ещё один вывод о том, что это тактические, а не стратегические решения. Конечно, и тактический характер решений вызван изменением политико-экономической ситуации в стране, а также перегруппировкой сил внутри российской элиты. В связи с этим трудно не согласиться с позицией Д. Деевой, отмечающей, что «в достижении поставленных российской правящей элитой целей немалую роль играет институт губернаторов. Изменение срока полномочий главы региона, его избрание, назначение или отставка, выделение из федерального бюджета средств на развитие подведомственного ему региона, а также ряд других воздействий на регионального руководителя со стороны федеральной власти способны существенно повлиять на устойчивость правящего режима в стране» [1, с. 156].

Логика сформированного федеральной властью к началу второго десятилетия XXI века политического процесса вынуждает её к организации и проведению массовых акций по периодическому переутверждению – обновлению губернаторского корпуса. Вот и в начале 2014 года проведена «перезагрузка» ряда благонадёжных и ранее назначенных губернаторов в разряд исполняющих обязанности с перспективой использования ими нового способа легитимации их путём выборов населением. Таких губернаторов за январь – июнь оказалось четырнадцать. К ним следует добавить ещё трёх политиков, у которых истёк срок полномочий, но президент оставил их в качестве врио для переизбрания. Есть и другая категория претендентов на губернаторский пост – это новые лица региональной политики, появившиеся на политической сцене после отставки действующих губернаторов. Отстранены от должности по личному заявлению 3 региональных политика, а ещё один получил отставку по недоверию, итого 4 отставника. У трёх истёк срок полномочий, но их не переназначили, а руководители регионов предложили новых в качестве врио. Один губернатор до истечения срока полномочий ушёл с повышением на должность федерального министра. Итого за пять месяцев 26 руководителей субъектов Федерации, а это 31% всего состава губернаторского корпуса*, оказались в ситуации, когда было необходимо либо подтвердить свою легитимность, либо обрести её впервые.

Полагаю, не требует особых доказательств предположение о том, что это хорошо просчитанный шаг федерального центра. Ожидаемые плюсы от этого шага:

- отставка и замена руководителей субъектов Федерации либо не справляющихся со своими обязанностями, либо скомпрометировавших себя, тем самым прямо или косвенно наносящих вред имиджу федерального центра;

- обеспечение значительной части губернаторов более сильной формой легитимации – за счёт их электоральной поддержки населением регионов;

- введение в федеральный и региональный политический процесс новых акторов. Тем самым открывается возможность частичной замены – в нашем случае 15% от всего состава попавших под ротацию в 2014 году представителей губернаторского корпуса.

Однако, столь массовая акция по применению нового способа обеспечения легитимации власти губернатора должна опираться на хорошо продуманный механизм обеспечения успеха всем, кто вступает на тернистый

путь перемен и испытаний в их политической судьбе. Рассмотрим реализацию этого тренда на примере Челябинской области. Из чего складывается и как действует эта формула успеха, на чём она основана? В качестве мерной линейки мы используем традиционную для политологии практику подведения итогов деятельности политика после первых ста дней его нахождения у власти, используя при этом данные социологического опроса, проведённого в период с 16 по 21 апреля лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС в десяти муниципальных образованиях Челябинской области. Было опрошено 700 респондентов, что позволяет оценивать статистическую погрешность в результатах исследования в пределах +5%**

Говоря о формуле успеха в использовании нового механизма легитимации губернаторов, первое, на чём следует остановиться, – это благоприятная для креатуры федерального центра внутривнутриполитическая ситуация, что проявляется во взрывном росте уровня доверия населения президенту России В. Путину в последние три месяца***. На момент проведения опроса в Челябинской области В. Путину доверяло 79,4% респондентов, не доверяло 12,8%. Ввиду того, что острота внешнеполитической ситуации из-за украинского кризиса будет в ближайшие 2–3 месяца сохраняться, рейтинг доверия президенту даже если и уменьшится, всё равно будет очень высоким. На этом фоне региональный политик, поддержанный В. Путиным, получает довольно мощный ресурс его доверия и авторитета. За 100 дней нахождения в должности Б. Дубровский заработал доверие 40,5% респондентов, 90% из числа которых доверяют В. Путину.

Вторым фактором успеха, видимо, является хороший «политический нюх» назначенного центром кандидата на должность губернатора. Б. Дубровскому и его команде необходимо определить самую оптимальную повестку дня для общения в предвыборный период с населением области, а также предложить компромиссную позицию видения будущей экономической ситуации в регионе влиятельным группам интересов.

Что касается населения, то оно отмечает среди наиболее успешных направлений деятельности врио губернатора в первые 100 дней следующие позиции:

- оптимизация работы системы региональных органов государственной власти – 31,5%;

- определение перспектив развития региона – 24,4%;

* Без учёта появления в марте 2014 года двух новых субъектов Федерации.

**http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=9502.

*** Для сравнения: в декабре 2013 г. В. Путину в городе Челябинске доверяло 57,3%, а в апреле 2014 года уже 78,3. Рост составляет 21%.

- взаимодействие с территориальными органами местного самоуправления – 14,8%;
- взаимодействие с органами законодательной власти – 11,8%;
- регулирование ситуации в сфере ЖКХ – 8,3%.

Примечательно, что здесь мнение населения во многом совпадает с мнением значительной части региональных экспертов. Важнейшим шагом нового руководителя области являются мероприятия по наведению порядка и оптимизации деятельности и численности исполнительных органов региональной государственной и муниципальной власти. Успешные шаги в решении этого вопроса будут иметь чрезвычайно большое значение практически во всех сферах развития региональной экономики и социальной жизни, поскольку обеспечат решение таких задач, как режим экономии бюджетных расходов, позитивное видение ближайшего экономического будущего региона, заботу о развитии территорий области. Оптимизация заключается не только в экономии бюджетных средств за счёт сокращения избыточной численности чиновников в органах государственной и муниципальной власти. Главным результатом должно стать улучшение их совместной деятельности. Этого можно достичь как за счёт квалификации каждого из них, так и за счёт использования в управлении проектного, программно-целевого подхода. При этом главным обстоятельством в оценке их работы должен стать полученный в ходе управленческих усилий результат – в заданный срок при установленном бюджете.

Трудно переоценить значение роли эффективной системы коммуникаций и организации взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей региональной власти, а также её взаимодействие с органами муниципальной власти. Опрос показал, что достаточно чётко проявляется факт понимания населением того, что будущее региона – как развитие его экономики, так и социальной сферы, во многом зависит от качества регионального управления на всех уровнях власти. Готовность к решению этого комплекса задач продемонстрирована Б. Дубровским в качестве одного из важных приоритетов его деятельности. Однако после назначения на должность Б. Дубровский сохранил многоуровневую систему управления регионом, которая мало того что затрата из-за частичного дублирования функций вице-губернаторами и вице-премьерами, ещё и открывает возможность для размывания ответственности.

В отношениях с региональной элитой Б. Дубровский стоял перед необходимостью, во-первых, продемонстрировать готовность к диалогу почти равных субъектов и, во-вторых, обкатать будущую модель взаимодействия власти и бизнеса на региональном уровне. Что касается первого, то за сто дней прошло более десяти достаточно результативных встреч

различного формата с представителями бизнес-элиты Челябинской области. Знаковыми стали два события. Первое – объединение областных отделений Союза промышленников и предпринимателей и объединения работодателей «ПРОМАСС» в одну организацию. Формально это позволило преодолеть раскол в бизнес-элите региона. Второе – в мае прошёл XII Съезд представителей малого и среднего бизнеса, организаторами которого выступили Минэкономразвития Челябинской области и Общественный координационный совет по развитию малого и среднего предпринимательства области. Предыдущий, XI Съезд, проводился довольно давно, в 2010 году.

Что касается модели взаимодействия региональной власти и бизнес-групп, то можно предположить, что вместо комбинации моделей «подавление» (борьба всех против всех) и «приватизация власти» (захват сильной корпорацией власти в регионе), которая имела место при предыдущем губернаторе, Б. Дубровский будет ориентироваться на комбинацию моделей патроната (административно-распорядительное отношение власти к компаниям) и партнёрства (взаимовыгодный диалог). [См. типологию моделей: 3, с. 165–170].

Третьим фактором в формуле успеха является реалистичная диагностика социально-экономической ситуации, сложившейся в регионе, и демонстрация намерений, энергии и готовности её изменения в лучшую сторону, ясное и чёткое формулирование задач.

Кроме того, следует сказать – это вновь более реалистичное видение ожиданий населения области. По итогам социологического опроса, они представлены нами в виде перечисления наиболее важных и актуальных проблем, требующих первоочередного, пристального и постоянного внимания со стороны назначенного президентом исполнять обязанности губернатора Челябинской области и его команды. Итак, пять наиболее острых и сложных проблем региона, требующих решения:

- рост уровня жизни населения (рост зарплат, пенсий, социальных пособий) – 50,8%;
- регулирование и нормализация ситуации в сфере ЖКХ – 35,8%;
- борьба с безработицей – 32,2%;
- развитие сельского хозяйства – 23,9%;
- улучшение работы системы здравоохранения – 22,6%.

Понятно, что чаяния населения во многом (прямо или косвенно) связаны с желанием решить свои острейшие материальные и социальные проблемы: увеличить доходы, улучшить жилищные условия, навести порядок в ЖКХ, повысить качество услуг в системе здравоохранения.

В марте 2014 года на заседании Законодательного собрания области был принят важнейший документ, определяющий принципы и приоритеты развития Челябинской

области – новая редакция «Стратегии социально-экономического развития области до 2020 года». Это ещё один элемент формулы успеха – поскольку цели, заявленные в Стратегии, это некий политический манифест Б. Дубровского, его программа работы на пятилетний губернаторский срок в случае победы на выборах.

Предполагается, что новая редакция Стратегии развития региона станет и инструментом пропаганды и агитации в предвыборный период. Аналогичные шаги предпринимает кандидаты на должность губернатора в других регионах, например в Курганской области.

Наконец, очевидно: важной составляющей формулы успеха президентского претендента на должность губернатора является выбор его правильного имиджевого позиционирования. Челябинская область будет избирать своего четвёртого руководителя региона. Первым, с 1991 по 1996 г., был глава администрации области В.П. Соловьёв – по профессиональному опыту партийный работник. Вторым, с 1996 по 2010 г., был П.И. Сумин – бывший советский работник. Третьим, в 2010–2014 гг., – бизнесмен-собственник М.В. Юревич. Статус нового руководителя региона Б.А. Дубровского – топ-менеджер крупной металлургической компании. Это реализация демонстрируемого в последнее время выбора В. Путиным кадров – призыв к управлению региональными государственными

ное – у 15,7 %. В то же время у 44,8% принявших участие в опросе отчётливое мнение пока не сформировалось. Понятно, прошло ещё очень мало времени, всего 100 дней. Это, кстати, сказывается и на результатах, представленных в следующих оценках. Не сформировано впечатление о Борисе Дубровском как об управленце у 45,8%, а как о политике и того больше – у 54,1%. Поддержка общества – важнейший ресурс политика и управленца такого уровня, и здесь у нового руководителя Челябинской области есть большой потенциал признания населением, за который можно и нужно бороться. Необходимые личностные данные для этого у Бориса Дубровского есть. Как утверждают люди, имевшие с ним личные встречи: он умеет слушать, открыт, деятелен и располагает к себе.

Следует также отметить, что негативные оценки личности Бориса Дубровского даёт очень малый процент населения. Полагая, что это проявление эффекта «чистого листа», на котором глава региона и его команда только начинают «вписывать первые предложения». Пока позитивные оценки в значительной мере преобладают по отношению к негативным оценкам. То есть явных промахов в работе нет, больших ошибок не сделано.

Это очень важное обстоятельство для старта избирательной кампании руководителя

Таблица 1

Оценка респондентами личного впечатления о Б. Дубровском

	Как о человеке	Как о политике	Как об управленце
Положительное	39,1	25,7	36,2
Нейтральное	15,7	19,3	16,6
Отрицательное	0,4	0,9	1,4
Пока не сформировалось впечатление	17,2	22,5	18,4
Затрудняюсь ответить	27,6	31,6	27,4

ми структурами топ-менеджеров из крупных ФПГ. Успешно сменить «спецовку» руководителя промышленного производства на костюм официального статусного политика только на первый взгляд кажется лёгкой задачей. Однако некоторым это не удавалось (В. Потанин в 1990-е годы, О. Чиркунов в 2000-е).

Для большинства населения области Б. Дубровский новый, малознакомый человек. Однако публичный характер его деятельности позволил населению довольно быстро не только узнать его, но и дать оценку человеческим, политическим и управленческим качествам.

Как видно из сравнительных данных таблицы 1, для 39,1% жителей области Борис Дубровский ассоциируется с человеком, производящим положительное впечатление, всего лишь у 0,4% его личность формирует отрицательное впечатление, а нейтраль-

ного крупного и сложного региона, как Челябинская область. Но «хороший человек – это ещё не профессия», и как мы уже отметили, из успешного предпринимателя не всегда получается успешный губернатор.

Важным показателем признания легитимности и имиджа нового руководителя региона является уровень доверия населения к нему. А доверие руководителю исполнительной власти региона транслируется на региональные политические институты. Согласно данным опроса, доверяют Б. Дубровскому 40,5% респондентов, а потенциально, в случае повышения эффективности деятельности всей региональной системы исполнительной власти, может сказать «да» ещё довольно значительная часть – 41,2% населения области, но эти люди пока воздерживаются от однозначной оценки и выбирают ответ «знаю, но не могу

Таблица 2

**Рейтинг электоральной поддержки потенциальных кандидатов
в губернаторы области**

	По всему массиву в целом	Территория					
		Челябинский городской округ (220)	Магнитогорский городской округ (80)	Крупные города (300)	Средние города (100)	Малые города (100)	Муниципальные районы (200)
Дубровский Б.А.	62,2	61,5	55,7	59,6	65,6	58,9	65,6
Гартунг В.К.	4,7	4,2	0,0	2,8	2,2	13,3	3,8
Редин Е.В.	1,1	1,4	4,3	2,3	0,0	0,0	0,6
Пашин В.Л.	0,9	0,7	1,4	0,9	3,3	0,0	0,0
Косилов А.Н.	0,7	1,4	2,9	1,9	0,0	0,0	0,0
Нациевский К.О.	0,5	0,7	0,0	0,5	2,2	0,0	0,0
Юревич М.В.	0,5	2,1	0,0	1,4	0,0	0,0	0,0
Барышев А.В.	0,2	0,7	0,0	0,5	0,0	0,0	0,0
Аристов А.М.	0,2	0,0	1,4	0,5	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	28,9	27,3	34,3	29,6	26,7	27,8	30,0

оценить». Не доверяют Б. Дубровскому лишь 12,5 % респондентов.

Что касается позиционирования в вопросе доверия Б. Дубровскому представителей основных социально-демографических групп респондентов, то в числе тех, кто доверяет врио губернатора, больше жителей области в возрасте старше 50 лет, людей с высшим образованием, по социальному положению – пенсионеров, жителей средних городов. Среди тех, кто не доверяет, чаще встречаются мужчины, респонденты в возрасте от 18 до 30 лет, со средним и неполным высшим образованием, по социальному положению – военнослужащие и работники правоохранительных органов, а также те, чье материальное положение ниже среднего уровня («денег хватает только на питание»).

С этими выводами имеет высокий уровень корреляции общая оценка населением Челябинской области деятельности Бориса Дубровского с момента назначения его врио губернатора. На вопрос «Как в целом Вы оцениваете работу Б.А. Дубровского в должности врио губернатора области?» ответы респондентов распределились следующим образом:

– Очень хорошо/скорее хорошо – 50,7%.

– Скорее плохо/очень плохо – 3,0%.

– Затрудняюсь ответить – 46,3%.

И, наконец, шестым фактором формулы успеха на пути легитимации статуса губернатора является проведение избирательной кампании. На этом пути у Б. Дубровского и его из-

бирательного штаба две видимые трудности. Первая – отсутствие у Бориса Александровича опыта участия в избирательной кампании вообще и такого значимого ответственного уровня в частности. Второе – предстоящие выборы скорее всего будут напоминать выражение вотума доверия кадровому решению президента, нежели конкурентные выборы из числа нескольких кандидатов, борющихся за голоса избирателей и за должность губернатора.

Помочь преодолеть эти трудности может правильно выбранная стратегия избирательной кампании. Риснём предположить, что традиционное использование административного и партийного – «Единая Россия» – ресурса помогут решить проблему с явкой. Согласно данным нашего социологического опроса, прогноз явки составляет 37,0% (+ 3%). Есть возможность повысить её до 45–50% и отчитаться перед Москвой об убедительной легитимности результатов выборов губернатором Б.А. Дубровского. Однако главный итог выборов скорее будет не в этом. А как отмечает А. Сафонов, в том, чтобы жители региона поверили в Б. Дубровского как в политика, пришедшего решать не свои личные карьерные проблемы, а вопросы генерирования правильной и успешной внутренней политики, нацеленной на решение экономических, социальных и институционально-политических проблем*.

Предпосылки для реализации такого сценария выборов есть. Об этом свидетельствует не единожды озвученная личная позиция

*Сафонов, А. Риски Бориса Дубровского [Электронный ресурс] / А.Сафонов // Челябинский рабочий. 22 мая 2014 г. URL: <http://mediazavod.ru/articles/147972> (дата обращения: 02.05.2014 г.).

Б. Дубровского, что он считает важным делать на этом посту. Это и достаточно высокий промежуточный рейтинг электоральной поддержки Бориса Александровича.

Ответ на вопрос «Если бы выборы губернатора Челябинской области состоялись в ближайшее воскресенье и Вы решили принять участие в голосовании, то за кого из возможных кандидатов вы отдали бы свой голос?» дают данные, приведённые в табл. 2.

Они свидетельствуют, о том, что Б. Дубровский имеет колоссальный отрыв от остальных возможных кандидатов. И это ещё раз указывает на большую вероятность развития сценария неконкурентных выборов, при котором проблемой может стать явка избирателей. Если выборы будут очевидно неконкурентными, то она может составить 25–30%, а для политического успеха Бориса Дубровского желательнее, чтобы в выборах приняло участие 45–50% избирателей.

Однако уверенно судить о том, потенциально высоким или невысоким будет уровень конкуренции на выборах, пока всё же нет достаточных оснований. Он может модерироваться региональными властями и федеральным центром как в сторону понижения, так и повышения.

На ближайшие месяцы перед Борисом Дубровским стоит задача быстро сформировать и закрепить свой позитивный имидж с хорошей репутацией не топ-менеджера, а политика регионального и федерального уровня и к выборам получить устойчивый рейтинг доверия в районе 50–55%. Этого будет вполне достаточно для уверенной победы на выборах с результатом 60–65%, а значит, и реализации всех факторов рассмотренной формулы успеха.

1. Деева, Д. Институт губернаторства в стратегиях российской власти [Текст] / Д. Деева // Власть. 2013. № 4. С. 156.

2. Ершов, Ю.Г. Философия права: Учебное пособие [Текст] / Ю.Г. Ершов. Екатеринбург: Изд-во Урал. академии госслужбы, 2011. 240 с.

3. Лапина, Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе: дис...д.полит.н. М., 2004. С. 165–170.

References

1. Deeva D. *Vlast'*, 2013, no. 4, p. 156 (in Russian).
2. Ershov Ju.G. *Filosofija prava* [Legal philosophy]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. akademii gossluzhby, 2011, 240 p. (in Russian).
3. Lapina N.Ju. *Regional'nye jelity: processy formirovanija i mehanizmy vzaimodejstvija v sovremennom rossijskom obshhestve* [Regional elites: processes of forming and mechanisms of interaction in the modern Russian society]. Moscow, 2004, pp. 165–170 (in Russian).

UDC 324+32.019.5

A NEW WAY OF LEGITIMATING GOVERNORS' POWER IN RUSSIA: PECULIARITIES AND PROBLEMS

Zyrianov Sergey Grigoryevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Director, Doctor of Political Sciences, Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Annotation

The article analyzes a new situation with legitimating executive authorities of Russian sub-federal units. The author gives statistical, quantitative and qualitative analysis of the cohort of contenders for the post of a governor which was formed by the President V. Putin from January to June 2014. The author considers main elements of the winning formula of the representatives of this cohort at the elections of September, 14, 2014. Basing on the data of sociological research the author analyzes theoretical and practical chances of using all the elements of the winning formula at the coming elections by a representative of this cohort, a contender for the post of a governor, B. Dubrovskiy.

Key concepts:

Way of legitimating power, Governor, Winning formula, political image, elections.

УДК 327:321.01

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И РОССИЙСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТИПА

Шуклин Андрей Васильевич,

Тюменский государственный
университет,
Институт филологии и журналистики,
кафедра философии,
соискатель,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: a-shuklin@nm.ru

Аннотация

В статье говорится о соответствии политических стратегий российскому типу цивилизации, в частности, социальным институтам, культуре, логике развития социума. Подчеркивая тезис о властечентричности российской цивилизации, вместе с тем утверждается, что в России сложилась своя, особая государственная субкультура, существующая параллельно культуре общественной жизни.

Ключевые понятия:
российская цивилизация,
политические стратегии,
власть,
культура.

Каждой цивилизации, в рамках которой существует культура, присущи специфические методы политического руководства. Отсюда выводятся стратегии развития, согласно которым предъявляются соответствующие требования к социальным институтам и членам социума. Так, в каждой цивилизации имеются свои особенности протекания политических процессов, своя правовая база и свои идеалы жизнеустройства.

В последнее время высшее политическое руководство России заявляет о необходимости проведения широкомасштабной модернизации, которую некоторые сравнивают с преобразованиями Петра Великого, модернизация которого, правда, полным успехом не увенчалась, ограничившись преобразованиями преимущественно в военной промышленности и политическом администрировании. Существует закон соответствия, когда изменения в одних сферах вызывают изменения в других. От проведения модернизации будет зависеть, какими будут политика и экономика будущего, наука и образование, социальные отношения и многое другое. Необходимо модернизировать не только средства, но и цели, нельзя ограничиваться только заимствованием технологических новшеств: для их успешной адаптации и развития в новых условиях необходим определённый социальный и политический контекст. В России государственный интерес и польза государственного целого всегда были приоритетными, во всех начинаниях они стояли на первом месте, поэтому для их реализации приходилось проводить широкомасштабную мобилизацию народных масс, которая нередко характеризовалась сочетанием административных и насильственных методов воздействия.

Для модернизации необходимы инновационные способы преобразования общественных отношений и культуры. Но для этого необходимо также иметь ясное представление того, какими вообще они должны быть, и это, пожалуй, самое главное. Далее, соответственно замыслу, должна выстраиваться стратегия, каким способом будут реализовываться поставленные задачи. Проблема здесь заключается в том, что зачастую данный замысел является имплицитным, его нельзя точно, с полной определённой, выразить.

Власть в России является персонифицированной: главную роль на политической арене играет определённая личность, именно с ней связываются достижения

определенной эпохи. Вокруг политическоего лидера, который в нашей стране всегда воспринимался не как символ, а именно как личность, группируются кланы, клики и группы лиц, называемые обычно одним ёмким термином «элита».

Но элита в нашей стране вряд ли сейчас способна формировать культурные предпочтения граждан, наоборот, в эпоху глобализации население всё более и более перестаёт быть объектом насаждения духовных ценностей, теперь оно само имеет возможность выбирать для себя наиболее подходящий ориентир для развития и подражания. Можно говорить о том, что в России сложилась уже своя, особая государственная субкультура, существующая параллельно культуре общественной жизни. Хотя в контексте глобализации уместно было бы сказать не «культуре» общественной жизни, а скорее даже «культурам».

Для глубокого анализа проводимого курса развития такая особенность протекания политических процессов в современной России таит немалые трудности. Стоит принять во внимание те социально-политические практики, имеющие место сегодня. Во многом, основываясь на их анализе, представляется возможным осуществить прогноз относительно того, в какую сторону будет осуществляться социально-политическое развитие, так как методы политического руководства отражают те базовые принципы, из которых исходит политическая власть.

В России государственные корпорации и централизация административного управления задействованы для усиления других государственных инстанций, предотвращения от возможной утраты привилегии государства в отношении производства и распространения знаний. Главную угрозу для национального государства представляет продукт глобализации – транснациональные корпорации. В экономике для государства могут быть утрачены решения относительно инвестиций, а в сфере информации и технологий оно рискует стать лишь пользователем. На сегодняшний день очевидно отставание России от глобальных модернизационных процессов, что актуализировало самые различные модели развития, основывающиеся зачастую на антагонистических принципах.

Власть определяет характер и особенности протекания политических процессов, способов ведения экономической деятельности порой исходя из мотивов собственной целесообразности, среди ко-

торых одним из доминирующих является её, власти, укрепление и расширение. При этом декларируемые ею цели и принципы могут диссонировать с теми решениями, которые претворяются в жизнь, и теми методами, которыми руководствуются в своей деятельности. В России на сегодняшний день самая влиятельная социальная группа – чиновничество, её привилегированное положение во многом определяет те ценности, которые она производит. Если цивилизации Запада антропоцентричны, исламский мир во многом теоцентричен, то российская цивилизация властечцентрична.

При этом властечцентричность российской цивилизации можно объяснить отсутствием в обществе достаточно развитой социальной страты, способной взять на себя ответственность за общественное развитие. Эту ответственность берёт на себя государство, что неминуемо ведёт к усилению бюрократии, в интересах которой стоит усиление власти как таковой. В таких случаях (при обозначении социальной группы) довольно часто можно встретить термин «сословие», значение которого порой оправдывается в нынешних реалиях, когда образуются замкнутые группы, а иногда и династии тех, кто всецело вовлечён в процесс обеспечения властного производства. Это повышает их управляемость и предсказуемость, но в тоже время заметно снижает эффективность.

Рост чиновничества, который порой превышает темпы роста общей численности населения, можно объяснить усложнением функций общества, которые оно в значительной степени берёт на себя [2, с. 238–239]. А увеличение удельной доли той или иной социальной группы или профессионального сообщества способно служить хорошим индикатором социальных сдвигов и говорить о том, на каком пути развития находится общество и какие цели для него приоритетны на данном этапе развития.

Но, несмотря на властечцентричность российской цивилизации и централизацию российской политической системы, в глобализационную эпоху актуализируется проблема, как ни парадоксально это может прозвучать, централизации культурного пространства России. Следует особо отметить роль внешнего центра в контексте внешнего развития, когда глобальный мир представляет собой постоянно изменяющееся диалектическое противоречие единство, в котором облик отдельных его

фрагментов может меняться в зависимости от воздействия внешних геополитических факторов.

При этом так называемый внешний центр может быть вынесен за рамки территории государственного образования. Он будет являться центром, вынесенным за пределы того образования, технологическую структуру которого он определяет. Так, ранее таким вынесенным центром на раннем этапе российской государственности была Золотая Орда. Затем, в 1990-е годы, в период слабости государственных институтов, подобная модель рассматривалась как альтернатива тогдашнему развитию России. Тогда, в период распада пространства власти, предполагалось, что роль центра возьмёт на себя, к примеру, Запад, международные институты и организации, типа МВФ, Всемирного банка и им подобные [4, с. 58–59].

Несмотря на критику российской централизации, у последней всё же имеются аргументы в свою пользу. Ведь если ослабить контроль над провинциями, имеющими разные социокультурные парадигмы, и даже чисто географически тяготеющими к другим цивилизациям, то им будет гораздо легче втянуться в орбиту их влияния. Остаётся актуальной дилемма о нахождении баланса между хаосом и порядком: первый несёт в себе творческий заряд, но в то же время склонность к аномии, а второй обеспечивает целостность, но с угрозой излишнего формализма и ригидности социальных структур.

Что касается соответствия стратегий, то власть в лице государства и чиновничьего аппарата управления в принципе полностью соответствуют в своих стратегиях властечцентричному типу цивилизации. Причём власть эта персонафицирована, она часто непредсказуема, так как лидер в России не столько символ, сколько личность, то и последовательные принципы развития также имеют риск отсутствовать. Одновременно с централизацией власти усиливается негативное восприятие демократии и либерализма, слова эти становятся почти ругательными, хотя в то же время они лишь выражают жизненную программу, целью которой является стремление к свободе [5, с. 13–15].

Стоит проанализировать те ресурсы и рычаги влияния, благодаря которым Россия может упрочить своё положение в глобализирующемся мире. На сегодняшний день таковыми могут являться не только военная мощь, которая долгое время была реша-

ющим фактором внешней политики, но и экономическое сотрудничество, торговые связи, финансовые и информационные потоки. Так же (в качестве механизмов воздействия одной цивилизации на другую) используется и культурное воздействие, осуществляемое путём использования средств массовой информации, живущей за пределами исторического происхождения диаспоры, образовательных программ, распространения литературы, духовных ценностей, произведений искусства, политических идеологий.

При этом цивилизации, оказывающие политическое и экономическое воздействие на своих соседей, сами становятся подвержены культурному влиянию со стороны периферии. Так, Соединенные Штаты Америки испытывают сейчас сильнейшее воздействие в культурном плане со стороны латиноамериканской цивилизации, хотя в экономическом и политическом отношениях государства, к ней относящиеся, несоизмеримо слабее своего северного соседа. Европа всё активнее демографически смешивается с арабским миром; Китай, посредством своей экономически активной диаспоры получающий поддержку с родины, устанавливает контроль над экономиками сопредельных государств.

Американский политолог П. Бьюкенен, подробно описавший влияние диаспорального элемента на систему управления обществом, говорил о том, что он может представлять собой не только систему преобразования административных рычагов, но и менять в целом культурный и ментальный портрет цивилизации. В его работе «Смерть Запада» указывалось на то, что Соединенные Штаты Америки в результате мощного миграционного воздействия и смены культурных и общественных приоритетов перестают быть прежней цивилизацией [3]. Дело в том, что представители отдельных цивилизаций всегда географически шире мест своего исторического происхождения, они могут проживать и распространять принципы, на которых основаны их исконные цивилизации, далеко за их пределами. Поэтому в эпоху глобализации корреляция между нацией и государством далеко не столь отчётлива.

В России очень сложно назвать критерий, согласно которому всё население страны могло бы называться единой общностью. При наличии единого политического вектора развития, сложившегося благодаря централизации власти, не существует единого вектора культурного раз-

вития, представлен, скорее, «веер», набор культурных образов, парадигм, стратегий, порой конкурирующих друг с другом. Для эффективной реализации политического курса необходимы легитимная власть и единая гражданская нация. Проблема построения данного сообщества часто заключается в наличии гетерогенного населения, которому весьма непросто привить чувство общей идентичности и общих интересов [1, с. 125–132].

Оптимальным вариантом для России было бы налаживание диалога власти, которая является конфигуратором российской цивилизации и олицетворяет упорядоченность с общественными структурами, несущими в себе потенциал смыслового творчества и представляющими культуру общественной жизни. Российской цивилизации необходимо культурное обновление: консервативная культура может отталкивать новшества, которые сегодня крайне необходимы. Поэтому жизненно необходима стратегия общественного диалога, так как она поможет не допустить наступления эндогенного кризиса равновесия (застоя).

Вопрос соответствия российских политических стратегий её цивилизационному типу неизбежно наталкивается на вопрос о том, насколько политическая система стремится преодолеть отставание и эволюционировать. В откате назад могут быть заинтересованы бенефициарии существующей политической системы, имеющие статус, власть и материальные блага благодаря действующей властной конфигурации. Отсутствие социальной динамики, замкнутость общественно-политической мысли, клановость и возврат к додемократическим формам отношений вполне могут гарантировать устойчивость положения элит, несменяемость кадров, способность выгодно обеспечить себя дивидендами, независимо от наличия или отсутствия конкурентной среды.

Политика способна быть креативной в том случае, когда субъект управления заинтересован в развитии общества и когда созданы предпосылки для социально-экономической полицентричности, которая, в свою очередь, является залогом демократии и налаживания диалога на паритетных началах. Только тогда политика станет не только отражением экономики, но и фактором общественного развития в сторону прогрессивных изменений. Столь свойственная же российской цивилизации выработка политической стратегии путём совещательной соборности (с правом ре-

шающего голоса лидера) грозит застоём и архаизацией социально-политических практик, что неизбежно сделает российскую цивилизацию неконкурентоспособной и, как следствие, неадаптивной к глобализационному контексту современности.

Соответствие политических стратегий развития России её цивилизационному типу имеет две особенности: мессианство и властечентричность. Мессианство выражается в осознании своего исторического предназначения, расширении границ воздействия, постоянстве данной потребности, порой имплицитной и подсознательной, не выраженной чётко и не оформленной концептуально.

Так как российская цивилизация является властечентричной, централизованной, воспроизводящей политические технологии, технологии власти, то в качестве первоочередной задачи при расширении цивилизационного пространства всегда стояло изменение местного политического дизайна по своему образцу. Равно как не менее важной была задача гомогенизации внутреннего политического пространства, делающая жизненно важным вопрос централизации. В совокупности с мощным идеологическим базисом, идейно заряженным мессианством, расширение цивилизационного пространства получало высокий смысл и значение, оно рассматривалось как нечто должное и необходимое. Сегодня же, при отсутствии у российской цивилизации символического капитала (идеологии), мессианство также носит сугубо технический, инструментальный характер.

Попытки расширения цивилизационного пространства в современной России очевидны, но пока не ясно, каким законам и какой логике всё это подчиняется. Индикаторами неясности являются отсутствие твёрдого внешнеполитического кредо, череды реформ во внутренней политике, зачастую проводимых по западному образцу при одновременном усилении некоторых традиционных компонентов. Налицо разнонаправленность тенденций и неопределённость перед большим количеством ориентиров, их частая смена.

Определяя Россию как властечентричную цивилизацию, стоит сказать, что политическое руководство, система государственных органов управления оказывают определяющее воздействие на цивилизационную структуру с помощью воли, авторитета, права, насилия. Это порой ведёт к чрезмерной централизации и существованию единого центра управления и выработки политических стратегий.

В то же время Россия характеризуется неоднородностью, состоящей из нескольких субцивилизаций, исторически и культурно тяготеющих к другим цивилизационным типам, но центростремительно интегрированных политической властью. Поэтому в России представлен спектр, касающийся не только отдельных политических воззрений, всё чаще происходят разногласия между религиозными доктринами и идеями светского гуманизма. В последнем случае можно говорить о наличии не только разночтений по отдельным вопросам, но и различных видений общественного устройства в целом. Поэтому на сегодняшний день актуальной является выработка таких методов социально-политического регулирования, которые обеспечат их существование и диалог. Что, в свою очередь, будет предполагать дальнейшую полицентричность в разработке политических стратегий России.

1. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии [Текст] / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. 1992. № 4. С. 125–132.

2. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) [Текст] / А.С. Ахиезер. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.

3. Бьюкенен, П. Смерть Запада [Текст] / П. Бьюкенен. М.: АСТ, 2007. 448 с.

4. Королев, С.А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России [Текст] / С.А. Королев. М.: ИФРАН, 1997. 234 с.

5. Павлов, А.В. Либерализм и открытое общество [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2011. № 4. С. 13–20.

6. Ханна, П. Второй мир [Текст] / П. Ханна / Центр исследований постиндустриального общества; Вступ. статья В.Л. Иноземцева. М.: Издательство «Европа», 2010. 616 с.

References

1. Almond G., *Verba S. Polis*, 1992, no. 4, pp. 125–132 (in Russian).

2. Ahiezer A.S. *Rossija: kritika istoricheskogo opyta* (sociokul'turnaja dinamika Rossii) [Russia: review of historical experience (sociocultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk, Sibirskij hronograf, 1997, 804 p. (in Russian).

3. B'jukenen P. *Smert' Zapada* [Death of the West]. Moscow, AST, 2007, 448 p. (in Russian).

4. Korolev S.A. *Beskonechnoe prostranstvo: geo- i sociograficheskie obrazy vlasti v Rossii* [Infinite space: geo- and sociographic images of power in Russia]. Moscow, IFRAN, 1997, 234 p. (in Russian).

5. Pavlov A.V. *Socium i vlast'*, 2011, no. 4, pp. 13–20 (in Russian).

6. Hanna P. *Vtoroj mir* [The second world]. Moscow, Izdatel'stvo «Evropa», 2010, 616 p. (in Russian).

UDC 327:321.01

CORRELATION BETWEEN POLITICAL STRATEGIES OF MODERN RUSSIA AND RUSSIAN CIVILIZED TYPE

Shuklin Andrey Vasilyevich,

Tyumen State University, Institute of Philology and Journalism, Degree seeking applicant of the Chair of Philosophy, Tyumen, Russia.

E-mail: a-shuklin@nm.ru

Annotation

The article tells about correspondence of political strategies to the Russian type of civilization, in particular to social institutions, culture, logic of socium development. Underlying the thesis about power centrality of Russian civilization, the author states that there has been founded a peculiar state subculture existing in parallel to the culture of social life.

Key concepts:

Russian civilization, political strategies, power, culture.

УДК 323.1

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ МЕЖДУ ТРУДОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Лазутина Антонина Леонардовна,
Нижегородский государственный
педагогический университет
им. Козьмы Минина,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: la174@bk.ru

Леушкин Денис Вячеславович,
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
кандидат политических наук, доцент,
г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: dleush@rambler.ru

Полусмак Татьяна Львовна,
Нижегородский филиал
Московского университета
им. С.Ю. Витте,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: polusmak.tat@yandex.ru

Симонов Алексей Леонидович,
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: alsimonov@gmail.com

Фоменков Артём Александрович,
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: artjom2310@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос о связи между мотивациями поведения россиян в двух сферах – трудовой и политической. В основу нами положены представления о наличии двух доминант в сознании россиян – пассивно-традиционной и активно-инновационной, а также укоренившаяся в политической науке классификация политической культуры. Выявлены особенности связи между пассивно-традиционной доминантой сознания и подданической политической культурой, а также между активно-инновационной доминантой и культурой участия (партиципаторной культурой).

Ключевые понятия:

мотивация, политическая культура, доминанта, политическая партии, голосование.

Масштабные реформы, начавшиеся два с небольшим десятилетия назад в ряде стран бывшего соцлагеря привели к разным результатам – от плачевных до вполне успешных. Надо согласиться, что «различия в социально-политическом развитии стран с низкоуровневой политической институционализацией политологами объясняются влиянием существующих культурных традиций, социально-психологических архетипов, инерции политического опыта и др.» [7, с. 154].

Относительно российской специфики следует указать, что трансформационные процессы, сопровождающиеся системными преобразованиями общественного устройства, актуализируют исследование социальных перемен, особенно в сфере трудовых отношений. Изменение таковых, формирование рынка труда, появление трудовых организаций, базирующихся на разных формах собственности, существенно повлияло на массовый наёмный труд, потребовало социальной реадaptации миллионов людей, основной социальный ресурс которых состоит в способности трудиться.

Следует отметить: наша статья не есть попытка дать исчерпывающий ответ на значимые вопросы, связанные с возможностями инновационного развития экономики современной России, наш текст, скорее, является попыткой постановки важной задачи. Последняя связана с авторской гипотезой о наличии связи между трудовой мотивацией и спецификой политической мотивации в условиях сегодняшней России. Опять же отметим, что итогом текста будет не столько выставление диагноза российскому социуму, сколько выявление отдельных закономерностей, причём с учётом, что в «каждом правиле есть исключения».

Иначе говоря, мы придерживаемся мнения, согласно которому индивид не всегда делает выбор исходя из соотношения: затраты/полученный результат, чаще наоборот, индивид вольно или невольно действует так, как это принято в социуме, причём не важно, основывается он на правовых или же иных регуляторах. То есть существенной части индивидов важно поступать в соответствии с тем, как это принято в обществе, а не отталкиваясь от того, как много материальных благ он получит в результате своих действий.

Второй постулат связан с неоднородностью общества в России. Конечно, не-

однородным является любое общество, однако российская неоднородность стала уже притчей во языках – не случайно используются в быту полусерьёзные варианты сочетания «Россия айфона» и «Россия шансона», «Россия Интернета» и «Россия телевизора», «Россия Хеннеси» и «Россия самогоннеси», «Москва» и «замкадье», и т.п. [13, с. 22]. Конечно же, такие определения ненаучны, но утверждать, что они совсем безосновательны, не стоит. Как известно, во Франции сложилась школа «электоральной геополитики» [6, с. 133–134], основанная как раз на наличии устойчивых политических симпатий у жителей тех или иных регионов. В России же актуальность таковой не вызывает сомнений, так как одна из основных типологий политических культур – типология по пространственному признаку. Российское политическое пространство прерывисто, неоднородно. Россия – это многоукладное («многосоставное» – по А. Лейпхарту) общество. Страна живёт в разных эпохах одновременно (от постиндустриальных очагов в столицах до регионов СКФО, где обыденная жизнь часть регулируется на основе адатов и шариата). Направленность политических процессов и скорость перемен в регионах серьёзно отличаются [1, с. 25].

Третий важный аспект связан со спецификой укоренившихся в стране представлений о «сильной руке» и о необходимости наличия сильного и заботящегося о населении государства. Подчеркнём, что таковые характерны не для всех россиян, но, во-первых, они являются скорее доминирующими, и, во-вторых, ряд исследователей считает, что такие представления соответствуют системе ценностей и национальному характеру россиян, в то время как иные модели – суть нечто наносное.

У части населения сохраняется патерналистское представление о государстве. Следствием этого является государствоцентричное представление о месте человека и страны в мире [14, с. 82]. В России государство традиционно воспринимается обществом «как становой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, устроитель всей жизни» [16, с. 19]. Кроме того, характерна сакрализация верховной власти, восприятие лидера как «отца-благодетеля», «царя-батюшки» в сочетании с клиентелизмом, абсолютизацией роли личности, склонностью к авторитаризму.

Исследователи отмечают, что в патерналистской иерархии центральной фигурой выступает «царь-батюшка». Безоговорочное и безусловное подчинение, подкрепляемое верой во всеислие, непорочность и мессианские масштабы личности вождя, характеризует его как разновидность подданнического типа политического поведения [16, с. 19]. Наличествует также идеализация справедливости в форме всеобщего равенства, неразвитость идеала либеральной свободы. Противовесом подданничеству должна выступать свобода, но русская культурная традиция почти не воспроизводит архетип свободы в её либеральном понимании [16, с. 19].

Четвёртым важнейшим фактором выступают общинность и коллективизм. Коллективизм всегда составлял одну из основ поведения россиян [16, с. 20]. Характерен и правовой нигилизм, проявляющийся, в том числе, и в фактическом пренебрежении россиянами собственными гражданскими правами, в т.ч. политическими [16, с. 21]. Важно ещё и то, что в современном российском обществе скорее слабовыраженным является стремление к индивидуальной успешности [18, с. 154–155; 20, с. 104].

Разумеется, вышеперечисленные особенности можно объяснить спецификой исторического прошлого, а конкретно тем обстоятельством, что в основе российской политической системы и политической культуры лежала специфическая конструкция, в которой, начиная со времён Ивана Грозного, властная корпорация претендует на роль монопольного субъекта социального управления, и, в случае осуществления модернизации, на роль единственного проводника инноваций. Все иные значимые социальные субъекты, последовательно «перемальваются», выбрасываются за борт актуальной политической реальности, т.е. целенаправленно лишаются своей субъектности и самодостаточности. В российских реалиях сильное патерналистское государство осознанно обрубаёт горизонтальные связи в обществе, замыкая все процессы «на себя» [15, с. 46]. И сегодня, как показывают исследования, проведённые в ряде регионов России в рамках проекта «Советский человек», имеются устойчивые массовые представления, играющие важную роль в поддержании коллективной идентичности, а именно – референции массовых запросов и базовых ориентаций (например, таких, как суммируются в наборе характеристик «государственного

патернализма», милитаризма, великодержавности) [5, с. 18].

Далее, с нашей точки зрения, следует отметить такое немаловажное для понимания заявленных нами выше проблем обстоятельство: на основе исследований, проведённых в ряде регионов страны в начале XXI века специалистами в области политической социологии было выявлено существование двух полюсных доминант сознания россиян. Первую они назвали пассивно-традиционной – она объединяет ориентации, установки, ценности, направленные на консервацию традиций и норм, в ней выражено общинное, коллективистское начало. Вторую они назвали активно-инновационной – она состоит из характеристик, связанных с изменениями, активностью, личностными и индивидуалистическими установками. Носители пассивно-традиционного типа сознания склонны к патернализму, большое значение они придают подчинению авторитетам [18, с. 154]. Первые примерно 55%, а вторых около 45%.

Первую доминанту можно признать связанной с русской православной этикой, так как отличительной чертой последней является наличие коллективистских ценностей, так как «русская модель хозяйственного развития принадлежала к общинному типу экономики» [21, с. 30]. Вторая доминанта связана с ценностями современного глобального общества.

Наиболее ярким и эффективным проявлением русской православной трудовой этики следует признать артельный способ производства. Под артелью понималось добровольное товарищество совершенно равноправных работников, призванных на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать хозяйственные и производственные задачи [22, с. 29]. Мотивация трудовой деятельности в артелях строилась на теории С. Адамса: люди субъективно определяют отношение полученного вознаграждения к затраченным усилиям и соотносят его с вознаграждением других людей, выполняющих аналогичную работу. Основной вывод теории состоит в том, что пока люди не начнут считать, что они получают справедливое вознаграждение, они будут снижать интенсивность труда. Эффективность же мотивации оценивается работником не по определённой группе факторов, а системно, с учётом оценки вознаграждений, выданных другим работникам, работающим в аналогичном системном окружении [11, с. 12].

Нельзя не отметить и ещё один факт. В условиях ломки старых производственных отношений носитель патриархальных установок часто с трудом перестраивается к новым реалиям. Неслучайно для части сельской местности (например, есть данные по Новосибирской области – региону, считающемуся продвинутым, а не депрессивным) в России характерны апатия, снижение профессионализма, высокий уровень алкоголизма, нежелание работать [8, с. 195]. То есть в условиях, когда нет установок «сверху» на обязательность работы и нет тех, с кем надо работать вместе и на кого равняться (и в оплате труда тоже), носитель консервативной доминанты часто деградирует как работник по причине отсутствия мотивации к трудовой деятельности.

Впрочем, нельзя не признать, что переходное российское общество способствовало появлению представителей бизнес-сообщества, ориентированных на традиционные ценности. В сознании россиян этот образ противопоставляется фигуре «московского финансиста-космополита», проводника западных интересов, угнетателя малоимущих регионов [1, с. 28].

Также никак нельзя пройти мимо кажущегося некоторым парадоксальным факта, что за либеральные партии (причём не леволибералов, но скорее за социал-дарвинистов) в России часто голосовали на выборах бедные молодые люди с нереализованными амбициями, проживавшие в мегаполисах [10, с. 129]. Но никакого противоречия, по нашему мнению, нет – молодёжь, пусть и не принадлежащая даже к среднему классу, обладает амбициями и, судя по своим политическим идеалам, стремлением достичь желаемого для себя результата, то есть они, несмотря на свою бедность, относятся к активно-инновационному типу и ориентированы на личную активность и индивидуалистические установки.

Признаем, что даже масштабная пропаганда новых ценностей и установок не привели к доминированию новой системы трудовой мотивации в российском социуме. Неслучайно получены данные на основе опросов во многих регионах страны (как относящихся к успешным, так и к депрессивным), что эйфория зарабатывания денег и использования открывшихся возможностей, характерная для первого «рыночного» тринадцатилетия, к настоящему времени начала сменяться осознанием того, что деньги – не главное [3, с. 288]. Иначе говоря, лишь для меньшей части на-

селения страны деньги являются по-настоящему значимым стимулом для трудовой активности.

Переходя непосредственно к политической проблематике, обозначим следующие значимые аспекты. Первый связан с тем, что носители упомянутых нами выше консервативных установок в основном концентрируются там же, где и проживает основной электорат власти и КПРФ. Так, исследователями ещё в начале 2000-х годов отмечалось, что электорат «Единства» практически равнозначен КПРФ по доле сельского населения [9, с. 29]. Кроме того, победу на выборах в первой половине 2000-х гг. принесла В.В. Путину не программа, а то, что, согласно общественному мнению, этот политик обладает реальной властью и может навести порядок в стране. Никакие положительные характеристики его оппонентов не смогли противостоять желанию порядка, связанного с властью и исходящему от неё. Когда уровень собственных возможностей граждан крайне низок, вмешательство государства представляется необходимым и даже единственным в глазах массового человека средством «призвать к порядку» местные элиты [2, с. 19-20]. При этом нельзя не указать, что голосовавшие таким образом россияне не связывали решение стоящих проблем ни с собственной активностью, ни с возможностью объединения в какую-либо организацию с себе подобными – они считали, что решить их проблемы может лишь сильная власть.

Представляется, что ситуация не изменилась принципиально по сравнению с реалиями начала прошлого десятилетия. Так, общеизвестно, что популярность действующей власти до сих пор очень велика в среде рабочих, жителей малых городов, имеющих скромный достаток, но не бедствующих и зачастую даже имеющих собственный автомобиль [19, с. 13], т.е. массовых носителей традиционной культурной доминанты. Таким образом, действующую власть, равно как и часть «системной оппозиции» в лице КПРФ и ЛДПР, во многом склонны поддерживать (причём стабильно) носители патриархальной доминанты в трудовой деятельности.

Что касается носителей активно-инновационного типа сознания, довольно сложно утверждать однозначно об их политических пристрастиях. С одной стороны, будучи конформистами и умея считать деньги, эти люди хорошо осознали плюсы и

минусы своего выбора, а потому склонны поддерживать статус-кво, благо отрицать рост уровня благосостояния в стране за последние 15 лет не приходится. Это обстоятельство в полной мере касается и продвинутой молодёжи. Не случайно социологами отмечалось, что у политически активных студентов сильно развиты мотивы комфорта [4, с. 69]. С другой же стороны, нельзя игнорировать и тот факт, что существенная часть участников протестных акций 2011–2012 гг. выделяли в качестве главных проблем в стране (и, по сути, мотивации своей активности) политические и властные [12, с. 10]. Экономические факторы (что обычно именовалось «снижение уровня жизни») не играли роли для этой группы населения. То есть носители активно-инновационного типа сознания в современной России во многом готовы поддерживать протестное движение, в первую очередь его либеральное крыло.

Отметим, что поддержка либералов носителями активно-инновационного типа сознания связана с наличием у них мышления налогоплательщика. Соглашаясь с А.Я. Рубинштейном, писавшим в своей статье «Социальный либерализм: к вопросу экономической идеологии» о наличии в жизни гражданина двух сред – «рыночной» и «политической», отметим, что в первом случае человек рассуждает с позиций собственной выгоды, во втором – с нормативным пониманием благосостояния общества [17, с. 23]. На практике носитель активно-инновационного типа сознания готов считать, во сколько ему лично обходятся патернализм и великодержавность, являющиеся значимой частью курса нынешней власти, и очень часто приходит к выводу, что обходятся они ему слишком дорого.

Таким образом, по нашему мнению, не следует делать однозначный вывод о совпадении в отечественных реалиях трудовой мотивации и политических предпочтений. Тем не менее имеются основания утверждать о наличии прямой связи между трудовой мотивацией и политическим предпочтением жителей России. По нашим оценкам, приблизительно 40% вероятность того, что носить пассивно-традиционной доминанты сознания отдаст свой голос на выборах за «Единую Россию» или КПРФ и ЛДПР, тогда как носитель активно-инновационной доминанты во многом склонен в той или иной степени поддерживать оппозицию (либералов и умеренных националистов). Цифра в 40

процентов объяснима прежде всего тем, что существенная часть населения игнорирует любые выборы, поэтому судить о её политических пристрастиях возможным не представляется. Также, несмотря на нашу уверенность в том, что носители активно-инновационной доминанты скорее склонны к поддержке оппозиции, нежели партий, ориентированных на традиционные ценности, нельзя не учитывать и конформизм поведения этой части населения – иначе говоря, они могут, скептически относясь к власти, периодически голосовать за неё, поскольку а) не видят ей реальной альтернативы из участвующих в выборах политических сил и б) по причине удовлетворённости своим уровнем благосостояния (пока мне хорошо в плане финансового благополучия – я за власть, которая поспособствовала этому благополучию).

1. Баранов, А.В. Политические ориентации избирателей Краснодарского края в контексте политической культуры (по материалам парламентских выборов) [Текст] / А.В. Баранов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК (СПб.). 2006. Т. 2. № 2. С. 25–35.
2. Брим, Р. Феномен В. Путина: морфология и семантика массовой популярности [Текст] / Р. Брим, Л. Косова // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 3. С. 18–22.
3. Возьмитель, А.А. Образ жизни: от советского к российскому [Текст] / А.А. Возьмитель // Россия реформирующаяся. 2011. № 10. С. 281–302.
4. Григорьев, А.В. Мотивация социальной активности молодёжи [Текст] / А.В. Григорьев // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. С. 66–69.
5. Гудков, Л. Условия воспроизводства «советского человека» [Текст] / Л. Гудков // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 2. С. 8–37.
6. Дугин, А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством [Текст] / А.Г. Дугин. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999. 924 с.
7. Зырянов, С.Г. Перспективы развития института выборов в современной России [Текст] / С.Г. Зырянов // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. VIII. № 3. С. 153–171.
8. Калугина, З.И. Депривация сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий [Текст] / З.И. Калугина // Регион: Экономика и Социология (Новосибирск). 2007. № 1. С. 186–198.
9. Курбатова, М. Феномен «Единства»: анатомия электорального успеха [Текст] / М. Курбатова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1. С. 27–32.
10. Лаврентьев, С. Новые основания классификации политических партий в современной Рос-

сии [Текст] / С. Лаврентьев // Власть. 2012. № 3. С. 127–131.

11. Лазутина, А.Л. Моделирование эффективной системы мотивации труда: на примере предприятий машиностроения [Текст] / А.Л. Лазутина: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Ижевск, 2007. 23 с.

12. Мамонов, М.В. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности [Текст] / М.В. Мамонов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 [107]. С. 22.

13. Марченя, П.П. Крестьянство и власть как «две России» [Текст] / П.П. Марченя, С.Ю. Разин // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2011. Т. 260. № 9. С. 18–25.

14. Михалева, Г.М. Политический потенциал гражданского общества в период президентства В. Путина и Д. Медведева [Текст] / Г.М. Михалева // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК (СПб.). 2011. Т. 7. № 1. С. 82–101.

15. Окара, А.Н. Инновационная модернизация как новая идея для новой России. Выбор модели российского развития – с точки зрения социальной философии [Текст] / А.Н. Окара // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 38–58.

16. Растимешина, Т.В. Культурное наследие и подданническая политическая культура российского общества [Текст] / Т.В. Растимешина // Власть. 2012. № 2. С. 18–21.

17. Рубинштейн, А.Я. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии [Текст] / А.Я. Рубинштейн // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 13–34.

18. Рябев, В.В. Гражданское общество и политическая культура современной России: Политико-социологический анализ [Текст] / В.В. Рябев: дис. ... докт. соц. наук: 23.00.02. СПб., 2005. 363 с.

19. Седов, Л. Поддержка и оппозиция В. Путину [Текст] / Л. Седов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 3. С. 12–15.

20. Тихонова, В.А. Политическая культура российского общества: социально-философский аспект [Текст] / В.А. Тихонова: дис. ... докт. филос. наук: 24.00.01. М., 2002. 210 с.

21. Узлов, Ю.А. Социокультурный подход к осмыслению экономической жизни общества [Текст] / Ю.А. Узлов // Общество: социология, психология, педагогика (Краснодар). 2012. № 2. С. 27–33.

22. Ше, С.Г. Артельный подход к организации предпринимательской деятельности [Текст] / С.Г. Ше // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). 2012. № 3. С. 29.

References

1. Baranov A.V. *Politicheskaja ekspertiza: POLITEX* (SPb.), 2006, T. 2, no. 2, pp. 25–35 (in Russian).
2. Brim R., Kosova L. *Monitoring obschestvennogo mnenija*, 2000, no. 3, pp. 18–22 (in Russian).
3. Vozmitil A.A. *Rossia revormirujuschajasja*, 2011, no. 10, pp. 281–302 (in Russian)
4. Grigoriev A.V. *Izvestija Saratovskogo universiteta*, 2012, T. 12, no 3, pp. 66–69 (in Russian).

5. Gudkov L. *Vestnik obschestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2009, no. 2, pp. 8-37 (in Russian).

6. Dugin A.G. *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushee Rossii. Myslit prostranstvom* [Basics of geopolitics. Geopolitical future of Russia. To think by means of space]. Moscow, ARKTOGEJA-zentr, 1999, 924 p. (in Russian).

7. Zyrjanov S.G. *Lichnost. Kultura. Obschestvo*, 2006, T. VIII. no. 3, pp. 153-171 (in Russian).

8. Kalugina Z.I. *Region: Ekonomika i Soziologija (Novosibirsk)*, 2007, no. 1, pp. 186-198 (in Russian).

9. Kurbatova M. *Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2000, no. 1, pp. 27-32 (in Russian).

10. Lavrentjev S. *Vlast*, 2012, no. 3, pp. 127-131 (in Russian).

11. Lazutina A.L. *Modelirovanie effektivnoj sistemy motivazii truda: na primere predpriyatij mashinostroenija* [Model building of effective system of labour motivation: as exemplified by machine builders]. Igevs, 2007, 23 p. (in Russian).

12. Mamonov M.V. *Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskiye i socialnye peremeny*, 2012, no. 1 [107], pp. 5-22 (in Russian).

13. Marchenja P.P., Razin C.Y. *Nauchno-analiticheskij gurnal Obozrevatel – Observer*, 2011, T. 260, no. 9, pp. 18-25 (in Russian).

14. Mikhaleva G.M. *Politicheskaja ekspertiza: POLITEX* (SPb.), 2011, T. 7, no. 1, pp. 82-101 (in Russian).

15. Okara A.N. *Zennosti i smysly*, 2009, no. 3, pp. 38-58 (in Russian).

16. Rastimeschina T.V. *Vlast*, 2012, no. 2, pp. 18-21 (in Russian).

17. Rubinstein A.J. *Obschestvennye nauki i sovremennost*, 2012, no. 6, pp. 13-34 (in Russian).

18. Rjabev V.V. *Gragdanskoe obschestvo i politicheskaja kultura sovremennoi Rossii: Politiko-soziologicheskij analiz* [Civil society and political culture of modern Russia: political and sociological analysis]. St.Petersburg, 2005, 363 p. (in Russian).

19. Sedov L. *Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2001, no. 3, pp. 12-15 (in Russian).

20. Tikhonova V.A. *Politicheskaja kultura rossijskogo obschestva: Sozialno-filosofskij aspekt* [Political culture of Russian society: social and philosophic aspect]. Moscow, 2002, 210 p. (in Russian).

21. Uzlov Y.A. *Obschestvo: soziologija, psihologija, pedagoika* (Krasnodar), 2012, no. 2, pp. 27-33 (in Russian).

22. Sche S.G. *Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoi akademii* (Baikalsky gosudarstvenny universitet ekonomiki i prava (elektronny gurnal), 2012, no. 3, p. 29 (in Russian).

UDC 323.1

ON THE CORRELATION BETWEEN WORKING AND POLITICAL MOTIVATION IN MODERN RUSSIA

Lazutina Antonina Leonardovna,

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: la174@bk.ru

Leushkin Denis Vyacheslavovich,

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: dleush@rambler.ru

Polusmak Tatyana Lvovna,

Moscow Witte University, branch of Nizhny Novgorod, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: polusmak.tat@yandex.ru

Simonov Alexey Leonidovich,

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: alsimonov@gmail.com

Fomenkov Artem Aleksandrovich,

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: artjom2310@mail.ru

Annotation

The article considers the matter of correlation between behavior motivations of Russians – working and political. An idea about the existence of two keynotes in the perception of Russians – passive-traditional and active-innovative is put into the basis of our research; we also considered the classification of political culture deep rooted in political science. The authors point out peculiarities of interrelation between a traditional keynote of consciousness and humble political culture and also between an active-innovative keynote and the culture of participation (participatory culture).

Key concepts:

Motivation, political culture, keynote, political parties, voting.

УДК 321.01

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ КАК НАЦИОНАЛЬНО- ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИМПЕРСКАЯ СИСТЕМА И ЕЁ СТРАТЕГИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПЕРИФЕРИЯМ

Шишков Василий Валерьевич,

Российская академия народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации,
Институт государственной службы
и управления персоналом,
кафедра государственной
службы и кадровой политики,
кандидат политических наук, доцент,
г. Москва, Россия.
E-mail: fh55@mail.ru

Аннотация

В статье представлен анализ Британской империи в качестве национально-институциональной имперской системы и её стратегии по отношению к перифериям. Рассмотрены основные этапы распространения и установления британского имперского господства; имперская территориальная система; эволюция стратегий имперской политики по отношению к «белым» и «цветным» колониям. Показаны возможности и преимущества национально-институциональных империй по выбору стратегий по отношению к перифериям: от патриархального имперского господства, исходящего от сакрального имперского центра, до создания системы военно-политических и коммерческих союзов с наиболее близкими в культурно-цивилизационном плане перифериями (с сохранением их подчинённого положения).

Ключевые понятия:

империя,
имперские стратегии,
Британская империя,
«белые» и «цветные» колонии,
метрополия.

Британская империя представляет собой наиболее яркий пример создания имперской системы, состоящей из заморских колоний и центра в виде нации-государства, с преобладанием рыночно-капиталистического уклада экономики, развивающегося за счёт модернизации. В соответствии с геополитическим подходом к классификации империй Британская имперская система относится к разновидности морских (колониальных) империй, при этом не вполне учитывается то обстоятельство, что под властью Британии и других «морских» империй Запада находились большие континентальные пространства (например, Индостан). С другой стороны, британская имперская система концентрации политической власти, её ресурсов за счёт колониальных владений – периферии, в центре – национальном государстве, выступает наиболее выразительным примером имперского господства эпохи модернизации, развитие, которого связано с политическими, социальными и экономическими трансформациями Нового времени в Западной Европе. В соответствии с этим подходом к типологии империй, европейские имперские системы, формирующиеся в эпоху Нового времени, основывали своё господство преимущественно на экономическом и технологическом преобладании относительно колонизируемых стран, основывались на экономической зависимости колоний от имперского центра. В соответствии с данным пониманием империи на второй план уходят такие значимые для понимания природы феномена имперскости эпохи Модерна, как имперские стратегии политического подчинения и удержания периферий, различные варианты сочетания национального имперского центра с модернизирующимися и архаичными перифериями, вовлечение периферий в имперскую политику центра.

Представляется, что для того, чтобы продемонстрировать причины экспансионистского успеха западных империй эпохи Модерна, необходим новый подход к империям Запада. Можно предложить охарактеризовать их в качестве национально-институциональных. Наиболее существенной отличительной чертой таких имперских систем выступает суверенное национальное государство – важнейший политический институт Нового времени. Институты национального государства политически оформляют имперский центр (например: Британская империя, Французская империя).

В национально-институциональных империях процессы имперского строительства

и образования наций сопутствовали друг другу. В целом образование наций связано с модернизацией (во всех её основных проявлениях, в том числе развитием капитализма). Колониальная экспансия способствовала национальной идентификации народов Европы (португальцев, испанцев, англичан, французов). Образование национально-институциональных империй стало переносом в заморские владения идеи империи-государства, вследствие невозможности её полномасштабной реализации в самой Европе.

Необходимо отметить, что в Новое время предпринимались попытки объединения Западной Европы в рамках единой имперской системы (например, политическая деятельность Карла V, Наполеона I). Тем не менее, такая интеграция оказалась недостижимой. Политические процессы, связанные с признанием суверенитета государства (Вестфальский мир, 1648 г.), упразднением Священной Римской империи (1806 г.), посленаполеоновским устройством Европы (1814–1815 г.), выражают тенденцию к децентрализации, преобладающую в Западной Европе данного периода. Эти процессы противоречили идее имперской государственности, предполагающей образование и господство единого центра. В этом плане показательна также трансформация Австрийской империи в Австро-Венгерскую (1867 г.), показывающая децентрализацию империи-государства Габсбургов, что требует отдельного рассмотрения.

Существенным представляется и то, что передовые политические практики Модерна, связанные с ростом национального самосознания и демократизацией, находят воплощение в имперском центре – суверенном государстве, между тем как на периферии они подавляются или же (в противовес им) стимулируются патриархальные имперские представления.

Задача настоящей статьи – демонстрация на примере Британской империи процесса становления и развития национально-институциональной имперской системы, анализ её основных стратегий по установлению и поддержанию своего доминирования в отличающихся не только по уровню экономического и социального развития, но и в культурно-цивилизационном плане колониях-перифериях.

В идеологическом плане миссия Британской империи первоначально была связана с внедрением в практику колониальной жизни передовых цивилизованных, по мнению самих британцев, стандартов,

носителем которых выступает нация имперского центра. Если в XVIII – начале XIX столетия британские политические деятели указывали на то, что после исполнения цивилизаторской миссии Британия может и должна уйти из колоний, то к концу XIX – началу XX в. их преемники (например: Дж.Н. Керзон, У.Л.С. Черчилль) не видели для Британии иной альтернативы, кроме империи, как универсального союза наций – имперского центра и гетерогенных (разнородных) колоний-периферий. Тем не менее важно отметить, что такой подход не препятствовал в практике имперского управления использованию колоний в качестве источника товарной массы и рынка сбыта продукции собственно британского производства.

Британская империя расширялась на протяжении 250 лет (за исключением потери североамериканских колоний). За это время в колониальном освоении Британия совершила несколько рывков, связанных с приобретениями ею новых преимуществ от внедрения инновационных, для своего времени, технологий в экономике, финансах, торговле и военном деле.

Первый этап включает в себя время учреждения многочисленных поселений на слабозаселённых территориях Северной Америки и торговых постов в Индии. Можно сказать, что это была Британская империя XVII в., которая завоевала морское господство в борьбе с Испанией и Голландией, защитив своё торговое лидерство.

Второй этап связан с развитием и использованием полученных преимуществ за счёт господства на морских коммуникациях и в трансокеанской торговле. Империя приобрела выраженный колониальный характер и глобальный масштаб, связанный с максимально возможным извлечением необходимых имперскому центру материальных ресурсов заморских колоний-периферий. Важнейшими событиями для этого этапа развития Британской империи XVIII в. стало колониальное соперничество и войны с Францией, отпадение поселенческих колоний в Северной Америке (при сохранении в составе империи Канады).

Третий этап составляют события, связанные с расширением империи и преодолением первых имперских трудностей. Период мира в Европе, начавшийся после поражения Наполеона, предоставил возможность неограниченного расширения Британии на весь внеевропейский мир, оказавшийся куда более слабым перед военно-морской, военной и экономической

мощью ведущей индустриальной державы первой половины XIX в.

В 50-е гг. XIX в. завершённый вид приобрела структура политического центра Британской империи по управлению колониями, было создано Министерство по делам колоний, ставшее ключевым ведомством Соединённого Королевства [4, с. 85] по решению вопросов, связанных с колониальным управлением. Характерно, что национальное государство Великобритании использовало свой сформированный бюрократический аппарат и соответствующие процедуры для колониального управления.

Все территории Британской империи, за исключением коронных земель и административных территорий вроде Гибралтара и Кипра, разделяются на четыре группы по своему статусу, отражающему степень их зависимости от имперского центра.

1. Колонии, созданные переселенцами с Британских островов или торговыми компаниями. Статус колонии отражал её полную зависимость от имперского центра. Впоследствии управление колоний торговыми компаниями было заменено учреждением должностей вице-короля в Индии и генерал-губернаторов в других колониях.

2. Протектораты, создаваемые на основе договоров с местными правительствами, согласно которым империя брала на себя обязательства по их защите в обмен на признание верховной власти британского монарха. Такие формы зависимости использовались, как правило, в нестабильных регионах, где высока была вероятность вооружённых конфликтов. Примером могут служить Ионические острова, Индийские княжества, Уганда, Кувейт.

3. Доминионы, государственно-политические единицы имперской системы Британии, которым предоставлялась самостоятельность в решении внутривнутриполитических вопросов, но в отношении внешней политики и обороны Империя в первые десятилетия XX в. сохраняла свои прерогативы. Статус доминиона был предоставлен ряду переселенческих колоний: Канаде (1867 г.), Австралии (1901 г.), Новой Зеландии (1907 г.) и Южно-Африканскому союзу (1910 г.).

4. Подмандатные территории, появившиеся только после Первой мировой войны на основании мандата Лиги Наций в отношении бывших колоний и территорий Германской и Османской империй.

Во второй половине XIX в. сложилась Британская имперская система, для которой децентрализация стала основным политическим принципом в отношении

переселенческих колоний. Необходимость сохранения империи породила идею «имперской федерации» – «...сохранения целостности империи в любой политической форме» [6, с. 6]. Ведь существование империи было залогом влияния Британии на мировые процессы и поддержания статуса финансового центра нового мира колониальных империй Запада.

Имперские реформы, прошедшие в середине века, предоставили автономию так называемым «белым колониям», которые образовались вследствие переселенческой миграции преимущественно жителей метрополии. «Их своевременность уберегла вторую Британскую империю от грозивших ей серьёзных потрясений. [5, с. 97].

С этого времени базовыми принципами британского имперского строительства становится колониальное самоуправление, которое постепенно распространяется на все «белые колонии», и создание федеративных (или конфедеративных) объединений колоний под эгидой метрополии. Развитие колониального самоуправления и федерализма, как отмечает Д.С. Жуков, определило направление эволюции всего комплекса отношений колоний и страны-матери вплоть до конца существования империи [8, с. 3]. Имперский центр, предоставляя перифериям-колониям автономию, сохранял за собой важнейшие политические прерогативы, касающиеся внешней политики, имперской обороны и торговли, обеспечивая своё политическое доминирование над ними.

Нельзя отрицать того факта, что периферии Британской империи были заморскими колониями, переселенческими или покоренными, но так или иначе связанными с центром преимущественно коммерческими выгодами, в силу чего, как отмечается, её торгово-колониальные монополии имели паразитический характер [5, с. 93]. Британское господство, навязанное колониям путём их включения в глобальное экономическое пространство империи, постепенно трансформировалось в систему политических союзов, обеспечивающих, с одной стороны, геополитическое могущество имперского центра, а с другой стороны – всё большую самостоятельность колоний. Пожалуй, только система управления Индией, наиболее значимой «не белой», представляет значимое исключение.

Империя Британии, первой индустриальной нации, несла в себе зерно глобализации, что весьма способствовало развитию британской экономики. Британская

империя была системой международной торговли, в которой она – по мере развития промышленности в Британии – главным образом опиралась на экспорт продукции в менее развитые страны. В свою очередь, Британия стала основным рынком мирового сырья. После того, как она перестала быть мастерской мира, она стала центром мировой финансовой системы [13, с. 99]. Основой экономико-финансового развития Британии стала глобальная имперская система, обеспечившая концентрацию необходимых центру материальных ресурсов подчинённых колоний-периферий.

Британская империя сложилась как мировая торговая и финансовая система, черпающая ресурсы из колоний и использующая их в качестве рынка сбыта своих товаров, а затем как материальную базу своего доминирующего положения в мировой империалистической финансовой системе. В политическом и правовом аспектах империя основывалась на системе союзов между метрополией – национальным государством и колониями-перифериями, находящимися под её покровительством.

Исследования финансов Британской империи позволили их авторам сделать вывод о том, что Британия получала от существования империи не так много, как предполагалось ранее, но, тем не менее, прибыль от империи была достаточно значительна [см.: 14].

Имперская система Британии имела в своей основе не столько прямое управление колониями-перифериями, сколько экономические, культурные и общественно-политические связи, толерантность, которая выработана британскими демократическими традициями [7, с. 21].

Особое место среди колониальных владений Британии занимала Индия. Верховный суверенитет, согласно Акту о лучшем управлении Индией (1858 г.), над территориями под управлением английской администрации и многочисленными индийскими княжествами с этого времени официально перешёл к британской монархии. Власть в колонии стала принадлежать вице-королю, деятельность которого направляло из Лондона Министерство по делам Индии. В 1876 г. королева Виктория приняла титул императрицы Индии, подчеркнувший не только её верховный суверенитет, но сакральное значение для индийского населения. В противоположность самой Британии, её крупнейшее не-белое владение – Индия – было авторитарным, централизованным и бюрократическим го-

сударством [10, с. 166]. Политика в отношении Индии демонстрирует возможности национально-институциональной империи по осуществлению традиционного имперского господства, основанного на использовании военного насилия, авторитарно-бюрократической системы политического управления, а также сакрализации имперской власти.

Позднее, в последней трети XIX в., в Индии общим направлением политики британской администрации стал переход от авторитарного управления колонией к союзу с высшими индийскими кастами, которые постепенно включались в состав колониальной бюрократии и формировали собственные политические организации. В механизме управления Индией постепенно появляются элементы представительской демократии [2, с. 183]. При этом устанавливается система отбора служащих по результатам экзаменов, хотя первоначально высшие должности для индийцев были закрыты [9, с. 77]. Британские политики предполагали, что такого рода нововведения в порядок управления крупнейшей колонией, наряду с обустройством хозяйства и коммуникаций на территории Индии, будут способствовать, с одной стороны, экономической эффективности колонии, а с другой стороны, создадут заинтересованность у части её жителей в сохранении в составе империи.

Подобная административная технология имперского управления находила своё применение в других туземных, «цветных» колониях, из которых ни одна не имела органов самоуправления. Особая ситуация сложилась в Египте, который формально не был подчинён «Британской короне», а управлялся в режиме «завуалированного протектората», при котором английские колониальные чиновники назначались в египетские органы власти [1, с. 120] и согласовывали свои решения с имперским центром.

Сохранность империи стала наиболее важной проблемой для центра уже в конце XIX в., что было вызвано утратой Британией лидирующих позиций в новой системе капиталистических индустриальных экономик в пользу США и Германии. В целом расширение империи мыслилось государственным деятелям страны как магистральный путь сохранения экономического, военного и политического господства в мире в условиях потери промышленной монополии и появления серьёзных соперников в борьбе за господство на мировом

рынке [11, с. 3–4]. В этих условиях основным приоритетом в политике имперских властей стало создание Большой Британии – федерации метрополии и «белых» заморских колоний [10, с. 220]. При такой реконфигурации империи ей не были так страшны угрозы, исходящие от смещения европейского баланса сил.

Имперская власть теряла политическое верховенство во внутренних делах колоний. Создание современных коммуникаций, распространение власти закона, гарантирование ситуации глобального мира – вот чем исчерпывалось влияние Империи на жизнь периферии [12, с. 12].

Разнородность имперского пространства в политическом, экономическом, социальном, административном и культурном аспектах вынуждало Британию постоянно искать пути совмещения колониальной автономии и имперского единства [3, с. 124]. Население империи достигало 400 млн человек, ей были подвластны территории на всех континентах, и в силу этих объективных обстоятельств невозможно было реализовать практику имперских стандартов по отношению к периферии.

Британская империя в начале XX в. оставалась обширнейшей мировой таласократической имперской системой, включающей в себя множество этносов, не позволяющей себе политической статичности в управлении колониями, стремящейся заложить основы будущей имперской федерации «белых колоний» во главе с метрополией и выполняющей цивилизаторскую миссию по отношению к другим народам. Как показала история, в полной мере реализовать эту программу имперскому правительству не удалось, тем не менее глобальное сообщество, некогда объединённое Британией, существует как Содружество её бывших колоний.

Имперское господство всегда предполагает подавление гетерогенных периферий, Британская империя, несмотря на присущий ей до определённой степени колониально-коммерческий характер, не составляет исключения. Успех Британской империи во многом связан с тем, что её центр был представлен развивающейся политической нацией, которая сделала империю своей универсальной миссией, реализуемой через торгово-колониальную, экспансию. Во многом благодаря политико-социальной устойчивости имперского центра Британия смогла дифференцировать свою стратегию по отношению к «белым» и «цветным» колониям. В отношении пер-

вых Британия стремилась предвосхитить их выход из империи, предоставляя всё новые формы автономии, в отношении вторых, можно сказать, что правительству Великобритании удалось перейти от неприкрытой колониальной эксплуатации и подавления к небезуспешному насаждению западных практик политического управления. При этом рассмотрение имперской политики Британии демонстрирует возможности и преимущества национально-институциональных империй по выбору стратегий по отношению к перифериям: от патриархального имперского господства, исходящего от сакрального имперского центра, до создания системы военно-политических и коммерческих союзов с наиболее близкими в культурно-цивилизационном плане перифериями, (с сохранением их подчинённого положения).

1. Бажан, Н.С. Британское колониальное господство в Египте и современность [Текст] / Н.С. Бажан // Обозреватель-Observer. 2010. № 3. С. 117–126.

2. Богомолов, С.А. Концептуальные основы реформирования системы государственного управления в Британской Индии в последней трети XIX века [Текст] / С.А. Богомолов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. № 3. Т. 13. С. 182–186.

3. Брендон, П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997 [Текст] / П. Брендон. М.: АСТ, 2010. 957 с.

4. Высокова, В.В. Британская империя: становление, эволюция, распад [Текст] / В.В. Высокова, Е.Ю. Чемякин, К.А. Маркушина / под ред. В.В. Высоковой. Екатеринбург: Волот, 2010. 188 с.

5. Грудзинский, В.В. Английские переселенческие колонии в середине XIX века: от коронного статуса к самоуправлению [Текст] / В.В. Грудзинский // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 34 (135). Серия: История. Вып. 27. С. 90–101.

6. Грудзинский, В.В. На повороте судьбы: великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX в. – первая четверть XX в.) [Текст] / В.В. Грудзинский. Челябинск: Челябин. гос. ун-т, 1996. 312 с.

7. Давидсон, А.Б. Ключевая проблема XXI столетия: последствия распада империй [Текст] / А.Б. Давидсон // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 3–21.

8. Жуков, Д.С. Эволюция системы управления южноафриканскими колониями Великобритании в 70-е годы XIX века [Текст] / Д.С. Жуков: Автореф. дисс. канд. истор. наук. Тамбов, 2003. 24 с.

9. Лал, Д. Похвала империи: Глобализация и порядок [Текст] / Д. Лал. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.

10. Ливен, Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней [Текст] / Д. Ливен. М.: Европа, 2007. 688 с.

11. Парфёнов, И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. (Дви-

жушие силы, формы и методы) [Текст] / И.Д. Парфёнов. М.: Наука, 1991. 188 с.

12. Фергюсон, Н. Британская империя: уроки для глобальной власти [Текст] / Н. Фергюсон // Космополис. 2003. № 3 (5). С. 11–25.

13. Хобсбаум, Э. После победы в войне. Соединённые Штаты: Всё шире и шире [Текст] / Э. Хобсбаум // Логос. 2003. № 1(36). С. 97–104.

14. Edelstein, M. Imperialism: Cost and benefit [Text] / M. Edelstein // The Economic History of Britain since 1700 / Ed. by R. Floud, D. McCloskey. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994. Vol. 2. P. 197–216.

References

1. Bazhan N.S. *Obozrevatel'-Observer*, 2010, no. 3, pp. 117–126 (in Russian).

2. Bogomolov S.A. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, 2011, no. 3, v. 13, pp. 182–186 (in Russian).

3. Brendon P. *Upadok i razrushenie Britanskoy imperii 1781–1997* [Decline and Fall of the British Empire in 1781–1997]. Moscow, AST, 2010, 957 p. (in Russian).

4. Vysokova V.V., Chemjakin E.Ju., Markushina K.A. *Britanskaja imperija: stanovlenie, jevoljucija, raspad* [The British Empire: formation, evolution and decay]. Ekaterinburg, Volot, 2010, 188 p. (in Russian).

5. Grudzinskij V.V. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 34 (135), Series History, Issue 27, pp. 90–101 (in Russian).

6. Grudzinskij V.V. *Na povorote sud'by: velikaja Britanija i imperskij federalizm (poslednjaja tret' XIX v. – pervaja chetvert' XX v.)* [At the turn of fate: the great British and imperial federalism (the last third of the XIX century. – The first quarter of the XX century)]. Cheljabinsk, 1996, 312 p. (in Russian).

7. Davidson A.B. *Novaja i novejsaja istorija*, 2006, no. 2, pp. 3–21 (in Russian).

8. Zhukov D.S. *Jevoljucija sistemy upravlenija juzhnoafrikanskimi kolonijami Velikobitanii v 70-e gody XIX veka. Avtoref. diss. kand. istorich. nauk* [The evolution of the control system South African colonies of Great Britain in the 70s of the XIX century. Author. diss. Candidate. the historical]. Tambov, 2003, 24 p. (in Russian).

9. Lal D. *Pohvala imperii: Globalizacija i porjadok* [Praise of Empire: Globalization and the order]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2010, 364 p. (in Russian).

10. Liven D. *Rossijskaja imperija i ejo vragi s XVI veka do nashih dnei* [Russian Empire and its enemies from the XVI century to the present day]. Moscow, Evropa, 2007, 688 p. (in Russian).

11. Parfjonov I.D. *Kolonial'naja jekspansija Velikobitanii v poslednej treti XIX v. (Dvizhushhie sily, formy i metody)* [British colonial expansion in the last third of the XIX century. (Driving forces, forms and methods)]. Moscow, Nauka, 1991, 188 p. (in Russian).

12. Fergjuson N. *Kosmopolis*, 2003, no. 3 (5). pp. 11–25 (in Russian).

13. Hobsbaum Je. *Logos*, 2003, no. 1 (36), pp. 97–104 (in Russian).

14. Edelstein M. *The Economic History of Britain since 1700*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1994, vol. 2, pp. 197–216 (in English).

UDC 321.01

THE BRITISH EMPIRE AS A NATIONAL INSTITUTIONAL IMPERIAL SYSTEM AND ITS STRATEGIES REGARDED PERIPHERIES

Shishkov Vasily Valerievich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Public Administration and Human Resources, Chair of Public Administration and Policy of HP, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Moscow, Russia.

E-mail: fh55@mail.ru

Annotation

The paper presents the analysis of the British Empire as a national-institutional imperial system and its strategy towards the peripheries. The article considers the main stages of the spread and establishment of the British imperial domination, imperial territorial system, evolution strategies of imperial policy towards the «white» and the «colored» colonies. The author shows possibilities and advantages of the national-institutional empires choice of strategies in relation to the periphery, from the patriarchal imperial domination emanating from the sacred imperial center, to creating a system of military-political and commercial alliances with the most similar in the terms of cultural and civilizational peripheries, while preserving their dependent position.

Key concepts:

empire,
imperial strategy,
the British Empire,
“white” and “colored” colony,
metropolis.

УДК 343.3

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ершов Юрий Геннадьевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (филиал), заведующий кафедрой философии и политологии, доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация

Рассматриваются основные подходы к пониманию природы правового нигилизма, факторы и причины его возникновения. Анализируется специфика взаимоотношений власти и общества в России.

Ключевые понятия:
правовой нигилизм,
власть,
закон.

Становящаяся, неустойчивая российская государственность испытывается рядом исторических вызовов, ответы на которые определяют будущее страны. Ценностям правового государства и демократии, закрепленным в Основном законе государства – Конституции, противопоставит *правовой нигилизм*, распространивший свои «метастазы» по всему общественно-государственному «телу». Симптоматика заболевания – массовое неуважение к праву и закону, высокий уровень преступности и девиантного поведения. Профессионально несостоятельны чиновники, торгующие своими должностными полномочиями, особенно циничны преступления «правоохранителей», судей и прокуроров. Средства массовой информации переполнены фактами грубого попрания действующего законодательства, элементарного порядка. Это – произвол властей разного уровня, дикое пьяные выходы в самолётах, просроченные платежи за коммунальные услуги и т.п., подтверждающие системность и запущенность тяжкого «заболевания» российского социума. Коррупция вообще превратилась в мощный и самостоятельный сектор экономики, превосходящий по доходам суммарный доход от экспорта сырой нефти, нефтепродуктов и газа [5, с. 4]. Став типичной чертой образа жизни массы людей, нигилизм воспроизводит себя в широких масштабах через ценностные ориентации на беспринципность, достижение личного успеха любыми средствами, в обход и вопреки законам. По-прежнему живучи в повседневной, бытовой культуре криминальные ценности, создающие соответствующие антиправовые установки. Вносит свой вклад в привыкание к злостным нарушениям закона романтизация уголовного мира в низкопробных сериалах и криминальном «чтиве». Впрочем, ничуть не лучше в этом смысле и «жегловские» методы восстановления справедливости. Рутинными стали обличающие преступность декларации политиков и чиновников, рутинны многочисленные публикации о причинах и формах правового нигилизма, никак не влияющие ни на правовую культуру общества в целом, ни на деятельность властей предрежащих.

Нигилизм как социокультурный феномен существует в различных видах – в зависимости от специфики сферы деятельности и общественных отношений. Нигилизм бывает моральным, эстетическим, политическим и т.д.; в реальной жизни все его виды тесно переплетены, так же как и

соответствующие виды ценностно-нормативного регулирования. Нас в первую очередь интересует правовой нигилизм в силу масштабов его воздействия на внутреннюю и внешнюю политику государства, общий социальный порядок. При этом нельзя упускать из виду взаимообусловленность и взаимовлияние различных модусов нигилизма. Трудно рассчитывать на законопослушание людей, не отягощённых нравственными принципами; в свою очередь, разлагающе влияет на моральные качества личности её привыкание к повсеместным нарушениям справедливости, жизни по правилам, чуждым ценностям права.

Правовой нигилизм вносит существенный вклад в создание неблагоприятной среды для нормального воспроизводства культуры и общественных отношений, полноценного развития личности. Стимулируя антиправовые устремления различных социальных субъектов, правовой нигилизм превратился в реальную угрозу не только обычному нормативному порядку, но и любым попыткам придать обществу необходимую динамику, решать злободневные вопросы преодоления кризиса в самых различных сферах социума. Рост преступности стимулирует правовой нигилизм и одновременно является его результатом.

Подобное положение дел вполне характерно для государств, переживающих кардинальную ломку всей системы общественных отношений, резкое изменение системы ценностно-нормативной регуляции. Типичной чертой такого состояния общества является резкое ослабление государства, сопровождающееся архаизацией и патернализацией властных отношений, приоритетом неформальных правил перед кодифицированным правом и официальными институтами. Скрытое разрушение государственности чревато утратой социокультурной преемственности, социального опыта, фрагментацией индивидуальной и коллективной жизни. Сложное, разноречивое и мучительное рождение новых форм социального бытия протекает в массе противостояний и конфликтов, столкновении интересов и ценностей различных субкультур.

По этому поводу отмечается, что «при модернизации, т.е. переходе от традиционного общества к индустриальному, сегментарная модель традиционного общества с немногочисленным набором ясных, однозначно трактуемых норм, предписаний уступает место социуму, в котором индивиду не так просто среди совокупности подчас противоречивых и многочисленных образцов и

стандартов поведения выбрать достойные повторения» [4, с. 93–94].

Развивая эту мысль, В.В. Кривошеев связывает аномию российского социума с природой современного города, не имеющего эффективных механизмов контроля над поведением индивидов, с условностью и относительностью оценок асоциальных актов в разнородном обществе, наконец, с несоответствием провозглашённых обществом целей поведенческим установкам. Человеческая деятельность всегда регулируется, стимулируется или сдерживается воздействием норм и ценностей – поощряется социально-позитивная, блокируется деструктивная, разрушительная. Когда же нормативно-ценностное единство утрачивается, более того, рушатся нравственные устои, трудно рассчитывать на позитивные девиации, силу набирают массовые деликты и преступления.

Здесь необходимо уточнение. То, что природа современного городского общества сфокусирована на индивидуальной жизни, выдвигает на передний план функционально-ролевые отношения между людьми – факт несомненный. Но позитивные практики современного правового государства и гражданского общества, законопослушание граждан вкупе с сильной полицией заставляют переносить акцент именно на транзитивный, или скорее – промежуточный характер российского общества, в котором разрушены различные формы социального контроля и профилактики преступности, именно поэтому процветает правовой нигилизм.

Сущность правового нигилизма в общем виде можно определить как негативное, а то и агрессивное отношение к праву, законам, нормативному порядку вообще. Правовой нигилизм сопряжён со стойким предубеждением и отрицанием высокого предназначения права, его социальной ценности и гуманистического потенциала. Если нигилизм в самом общем виде есть отторжение и неприятие общественно значимых ценностей, норм, идеалов, то правовой нигилизм концентрированно отрицает правовые ценности свободы, равенства и справедливости, общего блага, противопоставляя им субъективные (личные или групповые) представления («понятия») о должном поведении человека. Правовой нигилизм, как любой вид нигилизма, деструктивен в принципе, поскольку сопровождается отсутствием какой-либо позитивной программы и воплощается в антиобщественном поведении, вандализме и экстремизме.

Его корни – в невостремленности права обществом, противоречии фактических общественных отношений официальному законодательству, своекорыстном эгоизме правящей элиты, отрицающей право как ограничение собственной власти, юридическом невежестве и правовой невоспитанности большинства населения, отторгающего законы и институты государственной власти. В условиях современной цивилизации правовой нигилизм концентрированно обращён против чести и достоинства человека, его личной свободы и разума. Последнее обстоятельство особенно значимо для понимания природы государственной власти в России.

По Н.С. Розову, «специфику «русской власти» можно усмотреть в особом пренебрежении к любым жертвам социального, экономического, гуманистического, экологического, даже территориального характера, которые правители готовы принести ради сохранения и укрепления своей власти» [10, с. 35–36]. Только военной и полицейской мощью «русская власть» почти никогда не поступает, поскольку глубинная основа существования и самосознания её представителей – это принуждение и насилие, способность и готовность именно через них утверждать власть и могущество. Политическая культура нынешней политической элиты разного уровня, во всяком случае значительной её части, концентрируется в стремлении к власти, её удержанию и использованию в личных или корпоративных целях. Право в этом случае традиционно воспринимается как формальный, неполноценный и несущественный фактор влияния на выработку и принятие властно-управленческих решений, впрочем, такова же судьба и других ценностно-нормативных регуляторов – морали, религии, политики. На первое место выходят кулуарные и теневые соглашения, которые базируются на неформальной поддержке тех или иных группировок в политическом классе. Как отмечает А.И. Соловьёв: «...право в сознании большинства представителей политико-административной элиты вне связи с механизмами укрепления их властного положения не только лишается своего ценностного значения, но и вообще утрачивает какую-либо социальную предметность и определённую, – в профессиональном труде в государственной сфере, и в частной жизни» [12, с. 67].

Самостоятельным сюжетом в понимании истоков правового нигилизма последних лет является проблема освоения и действия правовых ценностей российской Конституции, заимствованных, как известно, извне – из практик западных демократий. По мнению Д.Я. Малешина, и в прежние времена за-

имствования служили источником деформаций – «причиной правового нигилизма в России является несоответствие правовых норм социокультурному типу российского общества. Причём такое несоответствие наблюдается практически во все исторические периоды: правовые нормы не соответствовали общественным нравственным устоям» [7, с. 146].

Автор считает, что российское законодательство в различные исторические периоды строилось либо на основе индивидуалистского, либо коллективистского мировоззрения, но создаваемая правовая культура, ни индивидуалистская, ни коллективистская, не соответствуют культурному коду России и поэтому неизбежно отторгаются, создавая низкий уровень правопорядка. Правда, эта общая идея ровным счётом ничего не объясняет, так как любая культура сочетает в себе указанные признаки. Цитата из Монтезкье: «законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа» [9, с. 16], сегодня не менее тривиальна в эвристическом плане.

Можно согласиться с тем, что при создании действующей Российской Конституции в неё бездумно вписали весь спектр прав и свобод человека, зафиксированных в известных международных актах и декларациях, в законодательстве демократических стран. Выстраивая политико-правовой «парадный фасад» новой государственности, мало кто задумывался о возможности и реальности государственных гарантий для провозглашённых прав и свобод, тем более не уравновешенных соответствующими обязанностями. Подавляющее большинство населения не знает и не интересуется содержанием Конституции, равно как и принятой на заре российской государственности Декларации о правах и свободах, о которой сегодня мало кто помнит.

Как отмечает в этой связи Г. Балута: «Властные элиты, которые начинали правовые реформы без учёта народного менталитета, без кропотливой работы по адаптации западных образцов права к российским условиям, склонны отнести свои промахи на счёт специфического общественного сознания россиян» [1, с. 12]. Справедливо утверждает, что рецепция права – естественный процесс, обусловленный требованиями построения новой для страны системы экономики, интеграции в международную систему взаимоотношений. Другое дело, что мировой

опыт свидетельствует: заимствование правовых систем отдельной страной успешно только в случае максимального учёта её вековых исторических ценностей и традиций. В данном случае особое значение имеет... мысль Дж. Ролза, что «законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы, а права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга или же калькуляции политических интересов» [11, с. 19, 20]. Не вдаваясь в интересное само по себе сравнение трактовок справедливости в разных культурах и цивилизациях, заметим: без решения проблемы справедливости Россия не сможет создать эффективной экономики и органов власти, восстановить духовно-нравственное здоровье общества, добиться повсеместного соблюдения законов и снижения уровня преступности.

Отечественному правосознанию, по мнению Е.А. Лукьяновой, меньше всего подходит латинское выражение «*durā lex sed lex*» – «закон суров, но это закон», потому что любой закон в душе каждого русского человека всегда подвергается проверке на прочность по принципам «правильно-неправильно», «справедливо-несправедливо» [6, с. 17]. В российской культуре справедливость выступает одной из ключевых ценностей, но понятия «справедливость» и «законность» в общественном сознании не совпадают. Это несовпадение усматривается в отсутствии равенства всех перед законом, равенства возможностей для всех. Справедливость связывается с активной ролью государства в системе социальной защиты, не оставляющей в беде социально уязвимые слои и группы, с различиями в доходах, обусловленными уровнем образования, квалификации и эффективности работы каждого человека. Кроме того, для нормальной жизни общества крайне важны нематериальные ценности и духовные добродетели: солидарность, взаимное уважение, доверие и ответственность между гражданами и т.д., защищённые государством. Конечно, в желательной перспективе развитое гражданское общество могло бы само поддерживать общепринятые нормы поведения, вносить значительный вклад в обеспечение прав и свобод, возможности самореализации личности в различных сферах деятельности. Но в современной России незрелое гражданское общество пока незначительно влияет на политические и государственные решения [3, с. 154–154]. Задачи выработки и реализации консенсу-

сов различными социальными группами по поводу следования нормам справедливости в их социальными действиями стали исключительной прерогативой государства. Но, к сожалению, проблема справедливости для правящего класса в России практически не существует, разве что в слабой риторической форме.

Граждане России, связывая неравенство в доходах, практики неправосудия и административного произвола с существующей в обществе политико-правовой системой, отрицают её легитимность своим повседневным поведением, решая свои жизненные проблемы в обход законов. Такое отношение к праву, продолжает Е.А. Лукьянова, с удивительным постоянством воспитывается самим государством, принимающим нормы, противоречащие не только национальному, но и общечеловеческому правопониманию и создающие ситуации, при которой юридические и физические лица вынуждены нарушать закон, чтобы выжить. Естественно, что если в законе заложена несправедливость, он не только не будет исполняться, но и создаст условия для формирования ещё большего неуважения к закону [6, с. 17].

Вместе с тем обращается внимание на парадоксально-причудливое переплетение, с одной стороны, тотального правового нигилизма, а с другой – наивного правового идеализма – переоценки роли и значения права в жизни общества. Как пишет Н.И. Матузов, «оба эти явления, казалось бы разнонаправленные и несовместимые, мирно уживаются и образуют вместе общую безрадостную картину политико-юридического бескультурья. В первом случае законы откровенно не уважаются, игнорируются, нарушаются; во втором, напротив, им придаётся значение некой чудодейственной силы, способной одним махом разрешить все наболевшие проблемы» [8, с. 7].

Правовой нигилизм и правовой идеализм имеют общую основу – юридическое невежество, деформированное правосознание, низкую политико-правовую культуру, равно деструктивные по своим последствиям. Борьба с правовым нигилизмом незаметным образом оборачивается феноменами правового фетишизма, волюнтаризма, идеализма. В некоторых случаях, вспоминая Ф. Энгельса, впору говорить о «юридическом кретинизме». Любая реформа, не говоря уже об их системе в рамках модернизационного процесса, требует надёжной правовой основы, но при этом важно иметь чёткое представление о пределах и реальных возможностях

нормативно-правовых актов, способах их реализации. Если законы имеют внеправовой характер, произведены с грубейшими нарушениями законодательной техники, оторваны от реалий жизни, то последствия их применения порождают всё тот же нигилизм, падение их престижа вместе с падением престижа власти. Ещё опаснее порождение недоверия в законодательные, в парламентско-конституционные пути решения назревших проблем.

Критика правового идеализма отнюдь не тождественна отрицанию необходимости правовых идеалов в жизни общества. Просто нельзя требовать от законов, в том числе от Конституции, большего, чем они, выполняя свои функции, могут дать обществу.

В исследовании природы правового нигилизма представляется плодотворным и заслуживающим дальнейшего развития подход Н. Варламовой, выделившей три модуса этого явления. Так, нигилизм может быть «*легистским*», выражающим негативное отношение к официальному законодательству, воспроизводящим навыки и привычки незаконного и противозаконного поведения. Он становится «социологическим», выражая оценку реально существующего правопорядка как несправедливого. Наконец, собственно *правовой нигилизм* заключается в отрицании ценностей индивидуальной свободы и формального равенства большинством населения, для него характерно отсутствие потребности жить, действовать в соответствии с каким-либо рациональным порядком. Для постсоветской России свойственно распространение всех трёх видов правового нигилизма, причём в их формировании, как точно отмечается, можно увидеть своеобразную цепную реакцию. Так, господство юридического позитивизма («право – это закон») и законодательство, построенное на «праве силы», неизбежно ведут к утрате законом правового содержания, не воспринимаются как средство защиты прав и интересов граждан, не стимулируют соблюдение и уважение нормативного порядка. На этой почве складывается соответствующий внеправовой и незаконный порядок, удобный для властвующей «элиты», аппарата публичной власти, значительной части самого общества. Освобождая от необходимости следовать формально провозглашённым правилам, подобный «порядок» оборачивается анархией и произволом. Закон становится пустой декларацией, вещью для практической жизни малопригодной или вовсе бесполезной – так появляется легист-

ский нигилизм. Конституционно-правовые ценности уходят на периферию общественного сознания; всерьёз напоминают о них только правозащитники. (Кстати, весьма характерно, что и в советском обществе попытки «трудящихся» отстаивать свои права, ссылаясь на Конституцию, трактовались партийными и советскими чиновниками как «злостная политическая демагогия» и верный признак политического инакомыслия.)

Нормативный порядок, воспроизводящий несправедливость, демонстрирующий продажность судов, преступность правоохранителей, обогащение властной верхушки и т.п., оборачивается социологическим нигилизмом. Воспроизводство (в поколениях) неравенства и необоснованных привилегий неизбежно начинает вытеснять из сознания людей ценности свободы, равенства и справедливости, ведёт к отчуждению от власти и рабской покорности. «Социальный порядок, – замечает Н. Варламова, – не признающий права, вытесняет его из ценностной системы общества. Люди привыкают действовать (и мыслить) в узких рамках допустимого поведения. В общественном сознании ценность свободы вытесняется порядком и стабильностью, формальное равенство – равенством социальным (уравниловкой), личность – коллективизмом, но уже не в материальном, а в духовном смысле – людям надлежит не только получать поровну, но и самим быть одинаковыми». Повседневность всем своим рутинным порядком приучает к жизни по неформальным правилам поведения: насилию и произволу, продажности и воровству. Порочный круг замыкается, связь права с личностью утрачивается – правовой нигилизм охватывает подавляющее большинство общества и государства [2, с. 90–91]. В этом порочном круге государство в лице правящей бюрократии нигилистически пренебрегает интересами и правами граждан и социальных групп; последние отвечают нигилистической взаимностью в ответ на правовые требования государства.

1. Балута, Г. Возможно ли преодоление правового нигилизма? [Текст] / Г. Балута // Государственная служба. 2009. № 5. С. 11–13.

2. Варламова, Н. Правовой нигилизм: прошлое, настоящее... и будущее России? [Текст] / Н. Варламова // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 1 (30). С. 90–93.

3. Зырянов, С.Г. Гражданское общество в современной России: состояние и перспективы развития [Текст] / С.Г. Зырянов, О.В. Осипов. Челябинск, 2010. 161 с.

4. Кривошеев, В.В. Особенности аномии в современном российском обществе [Текст] / В.В. Кривошеев // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93–97.

5. Левин, М. Коррупция в России: классификация и динамика [Текст] / М. Левин, Г. Сатаров // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 4–29.

6. Лукьянова, Е.А. Аморальное право? [Текст] / Е.А. Лукьянова // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 20. С. 16–18.

7. Малешин, Д.Я. Причины правового нигилизма в России [Текст] / Д.Я. Малешин // Закон. 2009. № 1. С. 144–147.

8. Матузов, Н.И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма [Текст] / Н.И. Матузов // Государство и право. 2013. № 10. С. 5–12.

9. Монтескье, Ш. Избранные произведения [Текст] / Ш. Монтескье. М., 1999. 672 с.

10. Розов, Н.С. Специфика «русской власти», её ментальные структуры, ритуальные практики и институты [Текст] / Н.С. Розов // Полис. 2011. № 1. С. 29–41.

11. Ролз, Дж. Теория справедливости [Текст] / Дж. Ролз. Новосибирск, 1995. 536 с.

12. Соловьёв, А.И. Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом [Текст] / А.И. Соловьёв // Полис. 1999. № 2. С. 65–80.

References

1. Baluta G. *Gosudarstvennaja sluzhba*, 2009, no. 5, pp. 11–13 (in Russian).

2. Varlamova N. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie*, 2000, no. 1 (30). pp. 90–93 (in Russian).

3. Zyrjanov S.G., Osipov O.V. *Grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoj Rossii: sostojanie i perspektivy razvitiya* [Civil society in modern Russia: state and prospects of development]. Cheljabinsk, 2010, 161 p. (in Russian).

4. Krivosheev V.V. *Sociologicheskie issledovanija*, 2004, no. 3, pp. 93–97 (in Russian).

5. Levin M., Satarov G. *Voprosy jekonomiki*, 2012, no. 10, pp. 4–29 (in Russian).

6. Luk'janova E.A. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2008, no. 20, pp. 16–18 (in Russian).

7. Maleshin D.Ja. *Zakon*, 2009, no. 1, pp. 144–147 (in Russian).

8. Matuzov N.I. *Gosudarstvo i pravo*, 2013, no. 10, pp. 5–12 (in Russian).

9. Montes'k'e Sh. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Moscow, 1999, 672 p. (in Russian).

10. Rozov N.S. *Polis*, 2011, no. 1, pp. 29–41 (in Russian).

11. Rolz Dzh. *Teorija spravedlivosti* [Theory of justice]. Novosibirsk, 1995. 536 s. (in Russian).

12. Solov'ev A.I. *Polis*, 1999, no. 2, pp. 65–80 (in Russian).

UDC 343.3

LEGAL NIHILISM: CAUSES AND CONSEQUENCES

Ershov Yuriy Gennadyevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute – Branch, Head of the Chair of Philosophy and Politology, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Annotation

The author considers the main approaches to understanding the nature of legal nihilism, factors and causes of its appearing. The author analyzes specific correlation between power and society in Russia.

Key concepts:

legal nihilism,
power,
law.

УДК 343.156

МОТИВИРОВАННОСТЬ АПЕЛЛЯЦИОННОГО РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Савченко Анатолий Николаевич,

Челябинский государственный
университет, институт права,
доцент кафедры уголовного процесса
и экспертной деятельности,
федеральный судья в отставке,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: a763tx@mail.ru

Сергеев Андрей Борисович,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации, Челябинский филиал,
профессор кафедры теории
государства и права и уголовно-
правовых дисциплин,
доктор юридических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: Sergeev_ab@bk.ru

Аннотация

Если в судах первой инстанции требование мотивированности принимаемых решений выполняется неукоснительно, то в судах второй инстанции судебная практика показывает иное. Отсутствие же должной аргументированности делает судебное решение необоснованным, а следовательно неправомерным.

В статье приводится анализ причин такого положения, предлагаются меры по устранению обозначенной проблемы.

Ключевые понятия:
процессуальное решение,
уголовное судопроизводство,
мотивированность.

Общие требования к апелляционному решению (приговору, определению, постановлению) в уголовном судопроизводстве законодателем сформулированы в ст. 389.28 УПК РФ. В ряде этих требований, в п. 5 ч. 3 ст. 389.28 УПК РФ, содержится положение об обязательности в апелляционных определениях, постановлениях указывать краткое изложение содержания постановления суда первой инстанции, которое и является предметом исследования настоящей статьи.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ) [3] обратил внимание судов (п. 22) на необходимость выполнения требований ст.ст. 389.28–389.32 УПК РФ о содержании апелляционных приговора, определения, постановления, сопроводив это следующим указанием: «Отменяя или изменяя приговор либо иное судебное решение, суд апелляционной инстанции обязан указать, какие именно нарушения закона послужили основанием для этого. Решение суда об оставлении приговора, определения, постановления без изменения, а жалобы или представления без удовлетворения также должно быть мотивированным».

Категория права «содержание процессуального решения» включает в себя с точки зрения законности решения и его правовой культуры как процессуального документа и другие требования (кроме мотивированности), оставшиеся без внимания Пленума ВС РФ, такие как законность, обоснованность, необходимость учёта всех аргументов участников уголовного судопроизводства, приведённых в обращении по оспариванию решения суда первой инстанции, относимость положений закона, указываемых в процессуальном решении, к рассматриваемому спору.

Разъяснения по этим вопросам Верховного Суда внесло бы свою лепту по установлению единого для всех судов общей юрисдикции апелляционного порядка проверки судебных решений по уголовным делам и повышению гарантированного Конституцией Российской Федерации и федеральными законами уровня судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, вовлечённых в сферу уголовного судопроизводства.

Вне разъяснений Пленума ВС РФ осталось, к сожалению, и вышеприведённое положение закона п. 5 ч. 3 ст. 389.28 УПК РФ, без обращения к которому, как представляется, невозможно привить единые ориентиры судебной практики по применению предписаний закона.

Вместе с тем анализ судебных процессуальных решений показывает, что в практи-

ке уголовного судопроизводства отсутствует должное понимание важности соблюдения требований закона к полной структуре документа и обязательного включения в процессуальное решение всех обязательных элементов, необходимых для данного процессуального решения при разрешении конкретного (с процессуальной точки зрения, даже в какой-то степени интимного) спора.

Непонимание этих требований приводит к тому, что в процессуальных решениях судов общей юрисдикции, в которых должны приводиться точечные положения нормы закона, конкретные его положения, имеющие отношение к разрешению конкретного конфликта, приводится его полный ресурс, обезличивающий конкретный спор. К тому же в процессуальном решении с точки зрения его содержания часто отсутствует краткое содержание решения п. «а», являющегося основой «сутяжничества» (в позитивном смысле этого понятия), содержание решения п. «б», куда обращались участники уголовного судопроизводства, и содержание, образно говоря, других «пунктов», решения которых оспариваются.

К сожалению, в судебной практике, вопреки разъяснениям Верховного Суда РФ, присутствует много абстрактных формулировок (это относится не только к уголовному судопроизводству) в содержании процессуальных решений, не имеющих никакого отношения к доводам участника, инициирующего спор. Например, при разрешении спора об оспаривании законности избранной меры пресечения в виде заключения под стражу по конкретным основаниям процессуальное решение обременяется с точки зрения его содержания приведением конкретной статьи с перечислением всех оснований, указанных в законе, которые (основания) не все являются предметом спора.

Один пример из практики, «характеристический» для правоприменения по излишнему цитированию положений закона, который применяется, как известно, к множественным случаям, но сугубо индивидуально. В данном примере разрешался спор, как можно судить из мотивировки апелляционной инстанции, а не из содержания процессуального решения суда первой инстанции (краткое содержание которого, вопреки п. 5 ч. 3 ст. 389.28 УПК, не приведено в документе апелляционной инстанции), о законности избрания меры пресечения в связи с возможностью лица скрыться от дознания, предварительного следствия и суда и возможностью заниматься преступной деятельностью.

«Проверив представленный материал, обсудив доводы апелляционной жалобы и

возражений на неё, суд апелляционной инстанции находит постановление суда законным и обоснованным.

В соответствии с требованиями ст. 97 УПК РФ, мера пресечения может быть избрана подозреваемому или обвиняемому при наличии достаточных оснований полагать, что данное лицо скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Кроме того, в силу ст. 99 УПК РФ, при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определении её вида при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства [2].

Зачем в этом случае приводить положения закона о возможности угроз участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств и воспрепятствования производству по уголовному делу, если эти основания вне конкретного спора и не являются предметом его рассмотрения?

Это же относится и к приведённым положениям ст. 99 УПК РФ с учётом того, что, опять же, как следует из апелляционного постановления, обвиняемый К. выражал несогласие с тем, «что наркотические средства были приобретены им для личного употребления, а не с целью их сбыта, умысел на сбыт собранными доказательствами не подтверждается» [2].

Приведём и другой пример из судебной практики разрешения спора о законности избранной меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого К.А. Дубкова [1].

Как следует из апелляционного постановления, обвиняемый К.А. Дубков считал, что «суд не учёл, что он имеет постоянное место работы, а также имеет на иждивении малолетнего сына и гражданскую супругу, брак с которой не зарегистрирован, но с которой ведёт совместное хозяйство. Гражданская жена не работает и тоже находится вместе с ребёнком на его иждивении, в связи с чем полагает, что ему может быть избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы».

Его защитник, что следует также из судебного решения апелляционной инстанции,

выражал «несогласие с решением суда об избрании ареста его подзащитному по причине ненадлежащего исследования судом причастности К.А. Дубкова к инкриминированному ему преступлению, а также наличия у него постоянного места жительства, работы и несовершеннолетнего ребёнка на иждивении». Прежде чем обратиться к мотивации, приведённой в судебном решении по существу жалоб обвиняемого и его защитника апелляционной инстанции, приведём изложение содержания суда первой инстанции из апелляционного постановления, так как это имеет отношение к вопросу исследования настоящей статьи.

Изложение содержания из приведённого примера:

«Постановлением Великолукского городского суда от 20 декабря 2013 года К.А. Дубкову избрана мера пресечения в виде содержания под стражей сроком на 1 (один) месяц 17 суток, то есть до 4 февраля 2014 года».

Из вышеизложенного видно, что в апелляционном постановлении никакого содержания решения суда первой инстанции не изложено, опять же вопреки п. 5 ч. 3 ст. 389.28 УПК, а приведена лишь ссылка на решение, которым К.А. Дубкову избрана мера пресечения.

Приведем и мотивацию из апелляционного постановления:

«Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционных жалоб, суд находит постановление судьи законным и обоснованным».

В силу ст. ст. 97, 99, 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трёх лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения, при наличии достаточных оснований полагать, что он скроется от следственных органов или суда, может заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам уголовного судопроизводства, а также может уничтожить доказательства либо иным путём воспрепятствовать производству по уголовному делу».

Вместе с указанными основаниями должны учитываться также тяжесть совершённого преступления, в котором подозревается лицо, либо тяжесть предъявленного обвинения, данные о личности, состоянии здоровья, семейное положение, род занятий и другие существенные обстоятельства».

Из исследованных в суде материалов следует, что судом первой инстанции было

проверено, как наличие обоснованности подозрения в причастности Дубкова к инкриминируемому преступлению, так и тяжесть предъявленного обвинения, а также и обоснованность утверждений органов расследования о необходимости избрания столь строгой меры пресечения на первоначальном этапе расследования».

Так, в обжалуемом Постановлении приведены конкретные основания для избрания меры пресечения, изложенные в ст. 97 УПК РФ».

В частности, вывод суда о том, что К.А. Дубков, являясь лицом ранее судимым, которому вновь предъявлено обвинение в совершении умышленного преступления, может продолжить заниматься преступной деятельностью, как и вывод о его возможности иным путём воспрепятствовать производству по делу с учётом позиции самого обвиняемого и ввиду неустановления на первоначальном этапе расследования другого соучастника преступления, в котором обвиняется Дубков, суд апелляционной инстанции считает правильными, т.к. в обоснование этого решения суд привёл достаточные мотивы».

Поэтому, вопреки доводам жалоб обвиняемого К. А. Дубкова и защитника В.Н. Литвинова в подтверждение обоснованности подозрений обвиняемого суд правильно сослался в решении на показания потерпевшего и свидетелей, указывающих о причастности последнего к инкриминируемому преступлению, поскольку наличие обоснованности подозрения в совершении преступления является необходимым условием законности при первоначальном заключении обвиняемого под стражу».

По смыслу Закона, на начальном этапе расследования данные обстоятельства, как и наличие у лица возможности воспрепятствовать производству по делу, являются достаточными основаниями для решения о содержании обвиняемого под стражей».

Кроме того, в суде первой инстанции исследовались и иные сведения о личности обвиняемого, в том числе и наличие у него постоянного места жительства, ребёнка и прочных социальных связей в городе Великие Луки. Однако наличие места жительства, ребёнка и прочных социальных связей с учётом обоснованности выдвинутого подозрения в причастности к инкриминированному преступлению не явилось для К.А. Дубкова сдерживающим фактором».

Принимая во внимание указанные обстоятельства в совокупности с данными о судимостях Дубкова, а также ввиду отсутствия достоверно подтверждённых данных о наличии постоянного источника дохода у

обвиняемого на момент рассмотрения дела, поскольку Дубковым в судебном заседании указывались сведения о разных местах работы, суд апелляционной инстанции соглашается с обоснованностью вывода суда первой инстанции о том, что последний, находясь на свободе, может продолжить заниматься преступной деятельностью.

Объективных данных, свидетельствующих о невозможности пребывания обвиняемого по состоянию здоровья в условиях следственного изолятора, сторонами не представлено. Не содержат таких сведений и материалы рассматриваемого дела.

Нарушений требований уголовно-процессуального закона при рассмотрении судом ходатайства следователя не установлено».

Как видно, в апелляционном постановлении также приведены полностью положения ст. ст. 97, 99 УПК РФ, но предметом конкретного спора не стало оспаривание положений данных статей, что является вне полномочий суда апелляционной инстанции, а конкретные основания для избрания меры пресечения в отношении К.А. Дубкова – *возможность обвиняемым продолжить заниматься преступной деятельностью и иным путём воспрепятствовать производству по делу.*

Таким образом, предметом рассмотрения этого спора стало наличие сведений о том, что Дубков может продолжить заниматься преступной деятельностью и иным путем воспрепятствовать производству по делу.

Вместе с тем в мотивировке апелляционного постановления отсутствуют какие-либо данные по обоснованию наличия этих оснований.

Если Дубков ранее действительно судим, то почему не указаны конкретные сведения в процессуальном решении, подтверждающие это утверждение?

Вместе с тем как в описательно-мотивировочной части апелляционного постановления, которое приведено, так и во вводной части судебного решения не указывается на то, что обвиняемый ранее был судим, но утверждается о наличии судимостей без приведения достоверных данных об этом.

Приведём и вводную часть судебного решения, в которой указывается, что *«Дубкову Константину Александровичу, родившемуся ДД.ММ.ГГГГ в <адрес>, обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ст. 158 ч. 2 п. «а, б» УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 1 (один) месяц 17 суток, до 4 февраля 2014 года включительно».*

Это при том, что судом отвергаются в связи с отсутствием *«достоверно подтвержден-*

ных данных о наличии постоянного источника дохода у обвиняемого на момент рассмотрения дела, поскольку Дубковым в судебном заседании указывались сведения о разных местах работ», а также «объективных данных, свидетельствующих о невозможности пребывания обвиняемого по состоянию здоровья в условиях следственного изолятора», в связи с тем, что стороны этих данных в суд не представили и в материалах дела отсутствуют сведения об этом.

Другими словами, отвергаются как «достоверно неподтвержденные» сведения, имеющие значение для рассмотрения вопроса об избрании меры пресечения в силу ст. 99 УПК РФ, положения которой процитированы в апелляционном постановлении.

По поводу же основания, которое суд учёл, а именно вывод о возможности К.А. Дубковым *«иным путём воспрепятствовать производству по делу»*, обоснованным лишь *«с учётом позиции самого обвиняемого»*, вне всякого сомнения, трудно принять за мотивированность судебного решения, исходя из указаний Верховного Суда, приведенного на Пленуме, к содержанию апелляционного решения [6].

Можно привести и другие примеры [5], из которых видно, что судебная практика вышестоящего суда содержание п. 5 ч. 3 ст. 389.28 УПК понимает лишь как указание на приговор суда первой инстанции, и в какой-то степени наработана даже уже стандартная формулировка.

Верховный Суд очень своевременно сделал первый шаг по разъяснению положений применения норм главы 45.1 УПК РФ «Производство в суде апелляционной инстанции». В настоящее время, с учётом анализа судебной практики, следует сделать второй шаг. Приведённые примеры судебной практики свидетельствуют (их можно привести множество), что назрела необходимость разъяснений по пониманию содержания положения п. 5 ч. 3 ст. 389.28 УПК РФ о необходимости краткого изложения содержания решения суда первой инстанции, являющегося императивной нормой, обязательной для применения.

1. Апелляционное постановление Псковского областного суда от 31 декабря 2013 г. в отношении обвиняемого Д. Дело № 22 1236. URL: http://oblsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=251521&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 24.01.2014).

2. Апелляционное постановление. Смоленского областного суда от 17 февраля 2014 г. по делу П.С. Керимова. Материал № 22-к-460. URL: http://oblsud.sml.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=271039&

delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 22.03.2014).

3. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 // Российская газета. 2012. 7 декабря.

4. Осуждение за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, законно: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда от 19 марта 2014 г. URL: http://ulobsud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=192&Itemid=63&idCard=44446 (дата обращения: 27.03.2014).

5. Постановление № 22-9896/2013 22-86/2014 от 10 января 2014 г. Верховный Суд Республики Татарстан (Республика Татарстан) по делу №22-86/2014. URL: <http://vs.tat.sudrf.ru/modules.php?name=gbook> (дата обращения: 22.03.2014).

6. Савченко, А.Н. Возможность воспрепятствовать судопроизводству как основание для заключения под стражу // Уголовный процесс. 2010. № 8. С. 56–59.

References

1. Apelljacionnoe postanovlenie Pskovskogo oblastnogo suda ot 31 dekabnja 2013 g. v otnoshenii obvinjaemogo D. Delo № 22 1236, available at: http://obsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=251521&delo_id=4&new=4&text_number=1 (accessed 24 January 2014) (in Russian).

2. Apelljacionnoe postanovlenie. Smolenskogo oblastnogo suda ot 17 fevralja 2014 g. po delu R.S. Kerimova. Material № 22-k-460, available at: http://obsud.sml.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=271039&delo_id=4&new=4&text_number=1 (accessed 22 March 2014) (in Russian).

3. O primenenii norm Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, regulirujushhij proizvodstvo v sude apelljacionnoj instancii: postanovlenija Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27 nojabrja 2012 g. № 26 g. // Rossijskaja gazeta. 2012. 7 dekabnja (in Russian).

4. Osuzhdenie za umyshlennoe prichinenie tjazhkogo vreda zdorov'ju, zakonno: apelljacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Ul'janovskogo oblastnogo suda ot 19 marta 2014 g., available at: http://ulobsud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=192&Itemid=63&idCard=44446 (accessed 27 March 2014) (in Russian).

5. Postanovlenie № 22-9896/2013 22-86/2014 ot 10 janvarja 2014 g. Verhovnyj Sud Respubliki Tatarstan (Respublika Tatarstan) po delu №22-86/2014, available at: <http://vs.tat.sudrf.ru/modules.php?name=gbook> (accessed 22 March 2014) (in Russian).

6. Savchenko A.N. *Ugolovnyj process*, 2010, no. 8, pp. 56–59 (in Russian).

UDC 343.156

MOTIVATION OF THE DECISION OF APPEAL IN CRIMINAL PROCEDURE AS A CRITERION OF QUALITY OF JUDICIAL POWER ACTIVITY

Savchenko Anatolij Nikolaevich,
Chelyabinsk State University, Institute of Law, Associate Professor of the Chair of Criminal Procedure and Expert Activity, Federal Judge in the bench, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: a763tx@mail.ru

Sergeev Andrey Borisovich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Professor of the Chair of the Theory of State and Law and Criminal Disciplines, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: Sergeev_ab@bk.ru

Annotation

In the first-instance court the request for motivation of decisions is carried out to the letter, whereas in the second-instance courts criminal practice shows the opposite. Absence of suitable argumentativeness makes the legal judgment unproven, and consequently unjust. The article analyzes the causes of such state of things, the authors suggests actions for eliminating the outlined problem.

Key concepts:
Proceeding decision, criminal procedure, motivation.

УДК 330. 101 (073.3)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ: ЛОГИКО- ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Лавров Владимир Николаевич,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, заведующий кафедрой
теории и практики управления,
доктор экономических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: vs.semenenko@net-ustu.ru

Понемасов Анатолий Дмитриевич,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, доцент кафедры
экономической теории и экономической
политики, кандидат экономических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: vs.semenenko@net-ustu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы определения стоимости и цены товаров в современной рыночной экономике. Авторы предлагают рассматривать формирование стоимости и цены товара как процесс, протекающий последовательно по всем четырём фазам общественного воспроизводства: в самом процессе производства, где формируется лишь фабрично-заводская стоимость товара, в распределении, в процессе обращения и, наконец, в процессе потребления, где формируется окончательная рыночная цена товара. В цену производства К. Маркса авторы включают коэффициент, который корректирует цену в соответствии с потребительскими предпочтениями и другими факторами, влияющими на стоимость и цену товара. Потребительную стоимость (полезность) авторы считают первичной, она исторически и генетически предшествует меновой стоимости, является субстратом – носителем последней.

Ключевые понятия:

стоимость, товар, абстрактный труд,
конкретный труд, общественно
необходимый труд, цена производства,
цена реализации, корректировка цен.

Проблеме определения стоимости товара в экономической литературе посвящено наибольшее количество страниц. Тем не менее, должного единства в среде учёных-экономистов по этому актуальному вопросу до сих пор нет. В предлагаемой работе рассматриваются экономические основы трудовой теории стоимости и теории предельной полезности. Актуальность предлагаемой статьи заключается в необходимости исключения из экономической теории множественности подходов к вопросам мироопределения в современной рыночной экономике. Сближение названных выше двух подходов является необходимым условием дальнейшего развития и экономической теории как важнейшей фундаментальной науки в системе гуманитарных дисциплин.

Стоимость так же, как и протяжённость, в своём предельно абстрактном значении, есть отношение, а всякое отношение характеризует лишь дискретное многообразие. Дискретным многообразием является то, элементы которого мы каким-либо образом можем отличать друг от друга. В данном контексте этим множеством, имеющим дискретную атомарную структуру, является общество товаропроизводителей, поскольку каждый товаропроизводитель имеет признаки обособленного хозяйствующего субъекта, является носителем специфических индивидуальных интересов и, следовательно, элементом названного множества [5, с. 10].

Признавая в своих теоретических конструкциях только частную и общенародную собственность, марксизм в известной степени лишил права на существование коллективной собственности и коллективного предпринимательства, а вместе с ними и реального социализма. Таким образом, идея совмещения рынка и социализма была похоронена изначально.

Если на начальном этапе становления административной системы их необходимость можно было объяснить особенностями переходного периода, то в послевоенный период и в период «зрелого социализма» такие компиляции уже не проходили. «В конечном счёте, – справедливо отмечает Ж. Аройо, – побеждают тезисы об ограниченности и подчинённости товарных отношений при социализме, об их вспомогательной роли, о том, что их необходимо направлять и регулировать». Не индикативно имеется в виду, а директивно, из центра, посредством конституирования стоимости

Госкомитетом цен, жёсткого безальтернативного прикрепления друг к другу продавцов и покупателей через Госснаб и установление объёмов производства коллективам предприятий через Госплан. «Товарные отношения, – продолжает Ж. Аройо, – это отношения между обособленными экономическими субъектами. Если нет этих субъектов, то не будет и отношений. Поэтому анализ товарного производства при социализме следует начинать с установления экономических личностей-субъектов социалистических товарных отношений, их сущности, социальных особенностей, функций в общественном производстве...» [1, с. 21]. Этого-то и не хотели признавать центральные органы власти и их соответствующие учреждения.

Закон стоимости в этом контексте обеспечивает вознаграждение хозяйствующего субъекта в соответствии с затратами общественно-необходимого труда, рынок же является верховным арбитром при обеспечении эквивалентности обмениваемых товаров. Как закон распределения по труду внутри коллектива обеспечивает дифференциацию доходов между отдельными работниками, так и данный закон устанавливает величину вознаграждения хозяйствующих субъектов как совокупных работников.

Таким образом, собственность на обособленные вещественные факторы производства порождает соответствующие отношения эквивалентного обмена между хозяйствующими субъектами. Анализ опыта самоуправления в Югославии показал, что принятый в 1950 году «Закон об управлении государственными хозяйственными предприятиями и высшими хозяйственными объединениями со стороны трудовых коллективов» не обеспечил должного развития рыночных отношений в этой стране. Только предоставление прав суверена на используемые средства производства и произведённую продукцию коллективами может обеспечить реализацию закона стоимости и сделать экономическую систему социалистической.

Совершенствование понятийного аппарата, посредством которого излагается учение о стоимости, принадлежит К. Марксу. Он, прежде всего, расчленил понятие труд как взаимодействие человека с природой и способность к труду, носителем которой является человек. Труд в этом контексте не может быть предметом купли-продажи и, следовательно, не имеет стоимости. Поку-

пается и продаётся способность к труду, т.е. рабочая сила. Последняя есть совокупность физических и духовных способностей человека, которые используются работодателем в процессе производства.

Это, *во-первых*, позволило ввести в научный оборот новую экономическую категорию «рабочая сила», которая является специфическим товаром и, следовательно, обладает теми же двумя важнейшими свойствами, как и любой другой товар, т.е. имеет потребительную и меновую стоимость. Что, в свою очередь, обязывает нас сделать следующий принципиальный логический шаг: ответить на вопрос – в чём заключается потребительная стоимость специфического товара «рабочая сила» или, выражаясь языком современного вульгарного экономиста, полезность этого товара, что именно прельщает покупателя в этом товаре? Ответ К. Маркса однозначен: потребительная стоимость товара «рабочая сила» заключается в его способности создавать стоимость большую, чем стоит он сам. Предпринимательская деятельность и целесообразность найма рабочих имеет смысл только при таком условии. Способность человека производить больше, чем потреблять, возникшая несколько тысяч лет назад, у К. Маркса приобретает чёткий математический смысл, с последующим делением рабочего дня на необходимое и прибавочное время.

Во-вторых, такой подход избавляет теорию от иррационального выражения «стоимость труда» и приравнивания его к стоимости товара и денег, которое имеет место у А. Смита. Заработная плата в этом контексте уже не есть плата или вознаграждение за труд, а денежное выражение стоимости специфического товара, количественная определённость которой регулируется величиной необходимого продукта, т.е. фондом жизненных средств, обеспечивающих воспроизводство способностей к труду работника.

В-третьих, меновая стоимость у К. Маркса не приобретает самодовлеющего и определяющего значения в процессе обмена. Она есть лишь форма, внешнее выражение более глубокой сущности, в основе которой лежат затраты общественно-необходимого труда, т.е. той субстанции, которая не выступает на поверхности общественной жизни как таковая, а проявляется лишь в пропорциях обмена. Эти пропорции могут носить и случайный характер, чем богата реальная хозяйственная практика.

В-четвёртых, несмотря на принципиальность вышеприведённых открытий К. Марксом в области трудовой теории стоимости, всё-таки наибольшее значение для экономической теории, по мнению самого автора «Капитала», имеет его учение о двойственном характере труда, воплощённого в товаре. К. Маркс впервые стал рассматривать труд с точки зрения формы и содержания. Труд, который проявляется в той или иной форме: качества, портняжества, землепашества и чаще связан с профессиональной деятельностью людей, он присвоил название конкретного труда. Именно он лежит в основе потребительной стоимости товара, поскольку в процессе создания его конкретный труд придаёт ему те свойства и качества, которые уже в процессе потребления обеспечивают выполнение им (товаром) своего функционального предназначения. Процесс потребления есть в то же время процесс переноса полезных свойств и качеств товара на человека, есть воспроизводство самого человека и, наконец, есть одна из сторон взаимодействия человека с природой; другой стороной этого взаимодействия является, как известно, сам процесс труда.

Процесс труда, рассматриваемый уже с точки зрения содержания, есть, прежде всего, расходование человеческой жизненной энергии: мускул, нервов, мозга. Труд, связанный с осуществлением этих затрат, К. Маркс назвал абстрактным трудом. Абстрактный труд есть человеческий труд вообще, безотносительно к форме его проявления, связанный с нашими психофизиологическими затратами. «Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, – и в этом своём качестве одинакового, или абстрактного, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целеобразной форме, и в этом своём качестве конкретного труда он создаёт потребительные стоимости» [4, с. 55].

Метрические отношения, обеспечивающие нам количественную определённую сравнимых объектов материального мира, могут быть заданы только тогда, когда эти объекты в чём-то тождественны друг другу и могут образовать упорядоченное множество. Богатство современного общества выступает как «огромное скопление товаров», т.е. в виде упорядоченного мно-

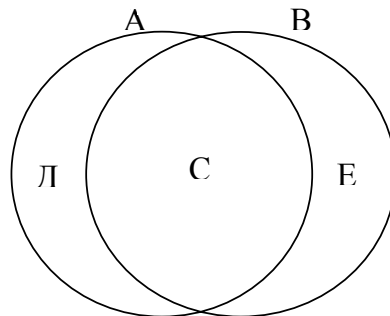
жества, элементы которого тождественны друг другу. Основой этого тождества является то, что они суть продукты человеческого труда.

Серьёзной ошибкой классической экономической теории, является то, что она отождествляет два различных понятия: «общественно необходимое рабочее время» и «затраты общественно-необходимого труда». Дав корректное определение первому, они неправильно экстраполируют его на второе – отсюда и вытекают все коллизии, связанные с неадекватным отображением трудовой теорией стоимости реально протекающих экономических процессов в обществе.

Общественно необходимое рабочее время выражает отношение между обособленными товаропроизводителями в рамках определённого сегмента рынка, производящими однородную продукцию. Оно определяется как простое среднеотраслевое время среди совокупности индивидуально хозяйствующих субъектов. Это время формирует лишь начальную фабрично-заводскую стоимость товаров, которую Д. Рикардо называл естественной. Но в этом сегменте рынка может быть произведено товаров и сверх необходимых потребностей общества. В этом случае цены по данной товарной группе снизятся и могут не возмещать даже издержек на их производство. В совокупности все товаропроизводители данного сегмента рынка, как бы не были разрозненны, вступают в отношения со всем обществом, которое и выносит окончательный вердикт на предмет того, являются ли совокупные затраты труда в этом сегменте общественно необходимыми. В той части товарной массы, которая не востребована потребителями или востребована по ценам ниже их фабрично-заводской стоимости, овеществлён тот бесполезный труд, о котором упоминает К. Маркс, но не делает принципиальных выводов о влиянии спроса и предложения на величину стоимости товаров [4, с. 55]. На рынке происходит не отклонение цены от стоимости, как это утверждали классики, а корректировка стоимости, которая может быть и выше фабрично-заводской, если данного товара недостаточно для удовлетворения общественной потребности. Именно рыночную стоимость и цену следует называть действительной, а не ту которую вообразили себе предприниматели в своих бизнес-планах.

На рис. 1 приведено соотношение меж-

- А – конкретный труд
- Б – абстрактный труд
- С – общественно необходимый труд
- Д – невостребованные товары
- Е – сизифов труд

Рис. 1. Соотношение конкретного, абстрактного и общественно необходимого труда

ду важнейшими категориями, отображающими сущность трудовой теории стоимости и то, что мы называем двойственным характером труда, воплощённым в товаре; наше уважительное отношение к К. Марксу и его наследию не уменьшится, если мы разведём два принципиально разных понятия: «общественно необходимое рабочее время» и «общественно необходимый труд». Последнее есть результат совпадения (пересечения) конкретного и абстрактного труда. Сектор Д – это невостребованные товары, о которых автор «Капитала» пишет: «Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости посредством обмена... Вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на неё труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости». Сектор Е, следовательно, и есть тот бесполезный труд на невостребованные обществом товары.

Включение в процесс ценообразования помимо фазы производства, распределения и обмена ещё и фазу потребления, где заканчивает своё движение продукт человеческого труда, является необходимым условием завершения учения К. Маркса о двойственном характере труда, воплощённом в товаре. К. Маркс преждевременно ставит точки над *i*, когда говорит об отклонении цен от стоимости на рынке. Тогда как правильная оценка происходящего – о несовпадении цен со стоимостью – есть результат корректировки стоимости товара потребителями. Таким образом, процесс формирования стоимости товара происходит по всем четырём фазам при его движении, от производства до потребления. Процесс превращения стоимости товара в цену производства решен К. Марксом с особым изяществом, однако на сегодня

задача состоит в том, чтобы превратить цену производства в цену потребления, только тогда мы можем сказать, что трудовая теория стоимости получила окончательное завершение. Следовательно, формула: $W=C + Pcp$ превращается в формулу: $W=C + kPcp$, где *k* является корректировочным коэффициентом в современной рыночной экономике. Его можно было бы назвать коэффициентом потребительских предпочтений. Однако в действительности он выполняет более широкие функции, поскольку изменение цен по той или иной товарной группе происходит, во-первых, не только в зависимости от наших предпочтений, но и от количества товаров, предлагаемых в этом сегменте рынка, во-вторых, от количества людей, желающих приобрести этот товар, в-третьих, от уровня доходов населения в данной стране и от многих других факторов. Таким образом, наши потребительские предпочтения могут оставаться неизменными, а цены изменяться под воздействием внешней и внутренней предпринимательской среды. При $k=1$ цена производства и цена потребления будут равны, при $k > 1$ цена потребления будет выше цены производства и ниже, если $k < 1$, если $k=0$ – фирмы не будут иметь прибыли, стоимость товара в этом случае на рынке будет равна величине издержек. Такие случаи бывают довольно часто, особенно в период кризисных ситуаций в экономике. В случаях, когда *k* в несколько раз больше единицы, например, при инвестициях в наукоемкую продукцию, то формула цены будет иметь вид: $W=C + 9Pcp$, то есть прибыль по данному сегменту рынка будет превышать средний общественно нормальный её уровень в 9 раз. Так показывала практика прошлых лет в нашей стране, когда на каждый вложенный рубль в науку отдача составляла 9 рублей. Но если эта избыточная инновационная прибыль изымалась государством у коллективов предприятий, то

трудова́я теория́ стоимо́сти на по́верхности о́бщественно-экономической жи́зни высту́пала как за́тратная у о́тдельных на́ших о́тественных эконо́мистов [3, с. 15–34].

Социалистическое товарное производство существенно сужает область действия закона стоимости, поскольку эквивалентный обмен товарами сохраняется преимущественно между трудовыми коллективами, а не частными лицами, что не исключает, безусловно, наличия и частного предпринимательства наряду с социалистическим коллективным предпринимательством. Двойственный характер труда, сформулированный К. Марксом, будет по-прежнему сохранять своё фундаментальное значение, поскольку механизм ценообразования в рыночной экономике копирует эту двойственность и, соответственно, детерминирует необходимость формирования стоимости и цены товара как со стороны продавца, так и покупателя.

1. Аройо, Ж. Закон стоимости при социализме [Текст] / Ж. Аройо. М., 1998. С. 21.
2. Алчиан, Ар.А. Значение измерения полезности [Текст] / Ар.А. Алчиан // Теория потребительского поведения и спроса / под ред. В.Н. Гальперина. СПб., 1993. 380 с.
3. Брагинский, С.В. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления [Текст] / С.В. Брагинский, Я.Н. Певзнер, М., 1991. 299 с.
4. Маркс, К. Капитал Т. 1 [Текст] / К. Маркс. М., 1978. С. 55.
5. Понемасов, А.Д. Использование стоимостных инструментов в реформировании российской экономики: монография [Текст] / А.Д. Понемасов. Екатеринбург, 2009. 224 с.
6. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения [Текст] / Д. Рикардо. М., 1955. С. 314–315.

References

1. Arroyo J. *Zakon stoimosti pri socializme* [The law of value under socialism]. Moscow, 1998, 21 p. (in Russian).
2. Alchian Ar.A. *Znachenie izmerenija poleznosti* [The value of measuring utility]. *Teoriya potrebitel'skogo povedenija i sprosa* (The theory of consumer behavior and demand). St. Petersburg, 1993, 380 p. (in Russian).
3. Braginskij S.V. *Politicheskaja jekonomija: diskussionnye problemy, puti obnovenija* [Political economy: discussion problems, ways of updating]. Moscow, 1991, 299 p. (in Russian).
4. Marks K. *Capital Volume 1*. Moscow, 1978, 55 p. (in Russian).
5. Ponemasov A.D. *Ispol'zovanie stoimostnyh instrumentov v reformirovanii rossijskoj jekonomiki* [Using cost tools in reforming Russian economy]. Yekaterinburg, 2009, 224 p. (in Russian).
6. Rikardo D. *Nachala politicheskoy jekonomii i nalogovogo oblozhenija* [Principles of Political Economy and Taxation]. Moscow, 1955, pp. 314–315 (in Russian).

UDC 330.101 (073.3)

ECONOMIC BASES OF LABOUR THEORY OF VALUE: LOGIC AND GNOSEOLOGICAL ANALYSIS

Lavrov Vladimir Nikolaevich,

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.Yeltsin, Head of the Chair of Theory and Practice of Management, Doctor of Economic Sciences, Professor, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: vs.semenenko@net-ustu.ru

Ponemasov Anatolij Dmitrievich,

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.Yeltsin, Associate Professor of the Chair of Economic Theory and Economic Policy, Doctor of Economic Sciences, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: vs.semenenko@net-ustu.ru

Annotation

The article considers problems of value and price determination in modern market economy. The authors suggest considering price and value determination as a process, running on gradually through four phases of social reproduction: in the process of production itself, where only manufacturing price is formed, in distribution, in the process of circulation and finally in the process of consuming, where the final market price is formed. Into the production price of Karl Marx the authors include the index, which corrects the price in accordance with consumer preferences and other factors affecting price and value of goods. The authors consider use value to be primary, it historically and genetically precedes exchanged value and is a substratum – a base of the latter.

Key concepts:

Value,
Goods,
Abstract labour,
Concrete labour,
Socially useful labour,
Production value,
Sell price,
Price adjustment.

УДК 338.432, 332.142.4

ИНДИКАТОРЫ ДОСТОЙНОГО ТРУДА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКИ ОЦЕНКИ

Неживенко Елена Алексеевна,

Южно-Уральский профессиональный институт,
проректор
по научно-исследовательской работе,
доктор экономических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: mrcpk@list.ru

Аннотация

В статье излагаются результаты оценки современного состояния достойности труда работников, занятых в российской экономике. Приводятся актуальные данные, характеризующие дефицит достойности труда по видам экономической деятельности и регионам Российской Федерации. Вскрываются проблемы обеспечения достойности труда, решение которых необходимо для обеспечения конкурентоспособности региональной и национальной экономики.

Ключевые понятия:

достойность труда,
индикаторы достойности труда,
дефицит достойности труда.

Одним из важных национальных приоритетов России в настоящее время является формирование условий для обеспечения достойного труда. Актуальность обеспечения соответствия принципам достойного труда как основной задачи, от эффективности решения которой зависит конкурентоспособность российской экономики и уровень жизни граждан Российской Федерации, отражена в Генеральном соглашении между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2014–2016 годы [1].

Современная концепция достойного труда базируется на идеях, сформулированных Международной организацией труда в 90-х годах XX века. Значимость этих идей усиливается в условиях глобализации и преимущественного перехода к новому экономическому укладу. В указанных условиях достаточно остро обозначилась проблема достойности труда, разрешение которой требует обеспечения защищённости прав трудящихся, в том числе:

- возможности трудящегося оказывать влияние на формирование и функционирование трудовых отношений в рамках социального партнёрства;
- свободы доступа к возможности зарабатывать;
- адекватности трудового дохода условиям потребления;
- безопасности труда и его производительности;
- надёжности социально-экономического состояния и перспектив развития работника и его семьи.

Исследование данной проблемы связано с получением аналитических характеристик достойности труда, дающих возможность адекватного сопоставления. В связи с этим перечисленные качественные параметры нуждаются в количественном отражении. Причём количественное измерение данных параметров должно иметь объективную и достоверную основу, а потому базироваться на доступных для расчёта официальных статистических данных, а также взвешенных экспертных оценках.

В официальной статистике [4; 7; 8] представлены результаты обследования населения по проблемам занятости, результаты выборочных и сплошных обследований организаций, дающие возможность судить об индикаторах достойного труда, рекомендованных Международной организацией труда (таблица 1).

Условия доступа к возможности заработка в составе индикаторов достойности

Таблица 1

Выборочные индикаторы достойного труда в России

Перечень показателей, рекомендуемых Международной организацией труда*	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
М – Доля занятых лиц в общей численности населения в возрасте (15–72), %												
Всего	54,2	60,2	59,4	60,3	61,3	61,7	63,1	63,2	62,0	62,7	63,9	64,9
Мужчины	61,1	64,8	64,0	64,9	65,9	66,0	67,8	68,6	66,9	68,0	69,2	70,4
Женщины	48,3	56,1	55,3	56,3	57,2	57,8	58,9	58,5	57,7	58,0	59,2	60,1
М – Уровень безработицы (15 – 72), %												
Всего	8,9	7,9	8,2	7,8	7,1	7,1	6,0	6,2	8,3	7,3	6,5	5,5
Мужчины	9,3	7,9	8,5	8,0	7,3	7,4	6,4	6,5	8,9	7,9	6,9	5,8
Женщины	8,5	7,9	8,0	7,5	6,9	6,7	5,6	5,9	7,7	6,8	6,0	5,1
М – Молодёжь, которая не учится и не работает в возрасте 15–24 лет, в общей численности населения соответствующей возрастной группы, %												
Всего	15,7	14,4	14,9	14,3	13,5	13,5	12,3	12,8	15,2	13,8	12,7	12,0
Мужчины	13,2	12,0	12,9	11,9	11,2	11,7	10,7	10,2	12,9	11,6	10,3	9,7
Женщины	18,3	16,8	16,8	16,7	15,8	15,2	14,1	15,6	17,6	16,1	15,1	14,4
М – Доля занятых с низким уровнем заработной платы (ниже 2/3 медианы почасового заработка), %												
Всего									29,0		28,8	
Мужчины									19,5		19,6	
Женщины									36,5		36,5	
М – Неформальная занятость												
Доля неформального сектора в общей занятости, %												
Всего	14,1	14,2	15,8	16,8	18,3	18,2	18,3	19,5	19,3	16,4	18,2	19,0
Мужчины	14,2	14,3	16,0	17,2	18,7	18,6	19,0	20,4	20,5	18,1	19,6	20,4
Женщины	14,0	14,2	15,5	16,4	18,0	17,8	17,5	18,6	18,0	14,7	16,8	17,6
М – Доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов (более 48 часов в неделю), %												
Всего	7,3	6,8	7,2	6,9	7,1	6,4	6,5	6,8	5,7	4,7	4,4	4,3
Мужчины	9,0	8,4	9,1	8,7	8,9	8,1	8,3	8,7	7,3	6,2	5,8	5,7
Женщины	5,4	5,1	5,1	5,1	5,3	4,7	4,6	4,8	4,0	3,1	3,0	2,9
М – Уровень производственного травматизма со смертельным исходом (на 100 000 работающих), человек												
	15	13,8	13,1	12,9	12,4	11,9	12,4	10,9	9,0	9,4	8,6	
А – Уровень производственного травматизма с несмертельным исходом (на 100 000 работающих), человек												
	482	436	381	331	300	277	262	238	203	215	198	

труда в контексте данных официальной российской статистики характеризуются параметрами занятости и безработицы.

Так, доля занятых лиц в 2012 году в общей численности в возрастной категории от 15 до 72 лет составила 64,9%. При этом у мужчин доля занятости превышала долю занятости женщин на 10,3%. По сравнению с 2001 годом, доля занятости в целом увеличилась на 10,7%. Уровень безработицы в 2012 году в общей численности лиц в возрасте 15–72 года снизился по сравнению с 2001 годом на 3,4%. Причём доля безработных женщин превышала в 2012 году долю безработных мужчин на 0,7%, и уровень такого разрыва практически постоянен на протяжении 10 лет.

Важным индикатором достойности труда служит уровень безработицы среди молодёжи. В Российской Федерации молодёжь, которая не учится и не работает в возрасте 15–24 лет, в общей численности населения соответствующей возрастной группы в 2012 году составила 12%. В том числе наблюдается превышение этого показателя у женщин (14,4%) по сравнению с мужчинами (9,7). Следует отметить наметившуюся положительную тенденцию сокращения доли безработной молодёжи, что при прочих равных условиях свидетельствует о позитивных изменениях в создании условий достойного труда. Так, по сравнению с 2001 годом в 2012 доля безработной молодёжи уменьшилась на 3,7%.

В системе Международной организации труда нет характеристики неформальной занятости. Однако для российской экономики это явление имеет существенное распространение. По этой причине нельзя не учитывать его в числе индикаторов достойности труда. Рост доли занятости в неформальном секторе с (14,1 до 19% в целом, а также с 14,2 до 20,4% у мужчин и с 14,0 до 17,6% у женщин) с позиций оценки достойности труда можно трактовать двояко. С одной стороны, в условиях ухудшения экономического положения рост доли занятых в неформальном секторе экономики означает отток трудовых ресурсов в хозяйствующие субъекты, не имеющие государственной регистрации в качестве юридического лица, что свидетельствует об увеличении масштабов самоорганизации занятости населения и возможности восполнения недостатка рабочих мест в формальном секторе экономики. С другой стороны, социальная защищённость, а зачастую условия труда и производительность в этом секторе, существенно уступают формальному сектору, ввиду чего считать тенденцию роста доли занятых в неформальном секторе экономики полностью

позитивной с точки зрения обеспечения достойности труда вряд ли возможно.

Важнейшим индикатором достойности труда является адекватность его оплаты. В связи с этим в официальной статистике представляются показатели доли занятых с низким уровнем заработной платы. В настоящее время доля работников организаций (без субъектов малого предпринимательства), получающих заработную плату ниже прожиточного минимума трудоспособного населения, составляет практически треть занятых в экономике (28,8%). Причём гендерный разрыв этого показателя свидетельствует о том, что женский труд имеет гораздо более низкую характеристику достойности, чем мужской: доля мужчин, имеющих низкую заработную плату, в общем числе занятых мужчин составляет 19,6%, у женщин такой показатель на 16,9% выше и составляет 36,5%.

В социально-экономическом контексте изучения индикаторов достойности труда заслуживает внимания дополнительная характеристика неравенства в распределении доходов, величина которого имеет тенденцию к росту.

В состав учитываемых при оценке достойности труда индикаторов не включены собственно характеристики уровня заработной платы. Однако эти характеристики могут стать дополнением в такой оценке. Их можно также рассматривать при определении факторной зависимости формирования индикаторов достойного труда. В связи с этим заслуживают внимания данные об уровне и соотношении номинальной начисленной и реальной заработной платы работников.

В официальной статистике аккумулируются данные о номинальной и реальной заработной плате как в разрезе регионов РФ, так и в разрезе видов экономической деятельности, позволяющие судить о состоянии и динамике изменения заработной платы. Эти данные дают возможность судить о надёжности социально-экономического состояния и перспектив развития работника и его семьи, а также об адекватности трудового дохода условиям потребления.

На современном этапе сведения, представленные в официальной статистике, позволили установить следующее.

По данным на 28.01.2014 в 2000–2013 гг. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата и темпы её роста составили следующие величины (таблица 2).

За рассматриваемый период номинальная заработная плата выросла почти в 3,5 раза, что можно трактовать как пози-

Таблица 2

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работникам в целом по экономике Российской Федерации в 2005–2013 гг.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
руб.	8555	10634	13593	17290	18638	20952	23369	26629	29730
% к предыдущему году	126,9	124,3	127,8	127,2	107,8	112,4	111,5	113,9	113,2

тивные изменения, означающие сокращение дефицита достоинства труда. Однако при этом темп роста показателя в целом был замедляющимся.

Индикаторы достоинства труда являются важными характеристиками конкурентоспособности регионов. Ряд авторов, рассматривающих характеристики региональной конкурентоспособности [2; 3; 5; 6], учитывают некоторые из трудовых показателей, однако не включают в рассмотрение собственно показатели достоинства труда. Вместе с тем эти показатели, на наш взгляд, существенно дополняют оценку конкурентоспособности регионов России. Например, среднемесячная заработная плата работников существенно различается по субъектам Российской Федерации. Соответственно, следует отметить регио-

нальные различия и в уровне достоинства труда (таблица 3).

Самый высокий уровень номинальной среднемесячной заработной платы отмечается в г. Москве и Тюменской области. При этом для г. Москвы характерны и наиболее высокие темпы роста этого показателя. В Уральском федеральном округе показатель номинальной среднемесячной заработной платы выше среднероссийского, однако темпы его роста – самые низкие среди регионов России.

Самый низкий уровень номинальной среднемесячной заработной платы отмечается в Северо-Кавказском федеральном округе (в 1,59 раз ниже среднероссийского уровня).

Темпы роста номинальной и реальной заработной платы имеют существенные

Таблица 3

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работникам в целом по экономике по субъектам Российской Федерации, руб.

Регионы России	2000	2012	Темп роста, раз	Ноябрь 2013
Российская Федерация	2223,4	26628,9	11,98	30289,6
Центральный федеральный округ	2173,0	32466,0	14,94	36527,3
г. Москва	3229,3	50628,2	15,68	54881,8
Северо-Западный федеральный округ	2531,5	29057,8	11,48	33346,2
Южный федеральный округ	1586,8	19822,7	12,49	23156,0
Северо-Кавказский федеральный округ	1213,0	16725,0	13,79	20384,5
Приволжский федеральный округ	1783,0	20020,4	11,23	23092,0
Уральский федеральный округ, в том числе:	3486,5	31598,4	9,06	34194,2
Курганская область	1461,9	17180,3	11,75	19871,4
Свердловская область	2273,8	25138,8	11,05	28881,5
Тюменская область	6706,8	47177,3	7,03	47248,1
Челябинская область	2086,2	22500,5	10,78	26720,8
Сибирский федеральный округ	2269,6	23788,5	10,48	27355,3
Дальневосточный федеральный округ	3113,6	33584,0	10,78	37850,2

отличия. Приведём сопоставления этого показателя в разрезе субъектов РФ за 2012 г. (таблица 4). Наибольший разрыв в темпах роста реальной и номинальной заработной платы наблюдается в Курганской области, где отставание скорости изменения реальной заработной платы от её номинального уровня составило 6,32%. Наименьший разрыв в таких показателях наблюдается в Центральном федеральном округе (-3,81%).

осуществляющих различные виды экономической деятельности, показывает существенную степень дифференциации условий достойности труда по надёжности социально-экономического состояния и перспектив развития работников различных отраслей. Наиболее высокий уровень этого показателя характерен для добычи полезных ископаемых (50400,6 руб. в 2012 г.) и производства кокса и нефтепродуктов (59195,0 руб. в том же году).

Таблица 4

Темпы роста среднемесячной номинальной и реальной начисленной заработной платы работникам в целом по экономике по субъектам Российской Федерации в 2012 г. по сравнению с 2011 г., %

Регионы России	Темп роста номинальной заработной платы	Темп роста реальной заработной платы	Отставание темпов роста реальной заработной платы по сравнению с темпами роста номинальной заработной платы
Российская Федерация	113,9	108,4	- 5,5
Центральный федеральный округ	112,11	108,3	- 3,81
г. Москва	112,76	106,4	- 6,36
Северо-Западный федеральный округ	112,73	107,6	- 5,13
Южный федеральный округ	115,00	109,4	- 5,6
Северо-Кавказский федеральный округ	120,33	115,0	- 5,33
Приволжский федеральный округ	114,12	108,8	- 5,32
Уральский федеральный округ, в том числе	112,63	107,5	- 5,13
Курганская область	115,82	109,5	- 6,32
Свердловская область	113,34	107,6	- 5,74
Тюменская область	111,56	107,7	- 3,86
Челябинская область	112,42	106,7	- 5,72
Сибирский федеральный округ	113,87	108,2	- 5,67
Дальневосточный федеральный округ	114,54	108,8	- 5,74

Приведённые выше характеристики соотношения динамических показателей номинальной и реальной заработной платы дают основание судить об адекватности трудового дохода условиям потребления в различных регионах России. Так, среди регионов УрФО самой низкой покупательной способностью, очевидно, обладает номинальная заработная плата работников Курганской и Свердловской областей. Это в свою очередь дает основание считать, что в этих областях имеется больший по сравнению с другими областями УрФО дефицит достойности труда.

Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций,

Работники организаций, осуществляющих данные виды деятельности, имеют среднемесячную зарплату, превышающую среднероссийский уровень соответственно в 1,89 и 2,22 раза. Самая низкая заработная плата – в текстильном и швейном производстве (12095,4 руб.). Зарплата работников, занятых в этом производстве, в 2,2 раза ниже среднероссийского уровня и почти в 5 раз ниже заработной платы работников, занятых в производстве кокса и нефтепродуктов. Следует отметить, что по видам деятельности, определяющим технический прогресс российской экономики, таким как производство машин и оборудования (25671,0 руб.), производство электрообору-

дования, электронного и оптического оборудования (26353,8 руб.), производство транспортных средств и оборудования (27659,5 руб.), среднемесячная заработная плата в среднем соответствует среднероссийскому уровню, но существенно отстаёт от уровня добывающих отраслей. Это создаёт дополнительные предпосылки дефицита достойности труда в отраслях, призванных обеспечивать технико-технологический прорыв в конкурентоспособности российской экономики.

Достойность труда небезынтересно рассмотреть и через призму заработной платы в разрезе средней начисленной заработной платы по уровню образования и динамики уровня и структуры затрат организаций на рабочую силу (таблица 5).

Из приведённых в таблице данных следует, что наиболее высокий уровень заработной платы имеют работники с высшим образованием, что даёт основание считать их труд наиболее высоко оцениваемым с позиций достойности.

Важнейшей характеристикой достойности труда является надёжность сохранения рабочего места, риск его потери и лишения заработка. Однако структура российской официальной статистики не предусматривает подобной оценки. Для ее получения и анализа состояния достойности труда в разрезе отраслей, видов экономической деятельности и регионов требуется специальное исследо-

вание. При оценке достойности труда необходимо учитывать также параметры продолжительности рабочего времени и безопасности труда. В связи с этим следует отметить, что доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов (свыше 48 час. в неделю) в период с 2001 по 2012 год сократилась на 3,0%. Такое сокращение наблюдается и у мужчин, и у женщин. Причём чрезмерная занятость мужчин выше, чем у женщин. Например, в 2012 году этот показатель у мужчин (5,7%) почти в 2 раза выше, чем у женщин (2,9%). Отмечая положительные изменения в этой области, тем не менее, следует отметить, что для 4,3% занятых сохраняются нарушения трудового законодательства, а следовательно, и условия достойного труда.

Значимым показателем достойного труда является безопасность работы, которая может оцениваться состоянием и динамикой уровня производственного травматизма. В статистике показатели травматизма на производстве представлены количеством людей, получивших травмы со смертельным и с несмертельным исходом в расчёте на 100 000 работающих. Уровень производственного травматизма со смертельным исходом за последние 10 лет сократился в 1,74 раза и составил в 2012 году 8,6 чел., с несмертельным исходом уменьшился в 2,4 раза и составил 198 чел. на 100 000 работающих в 2012 году. Несмотря на имеющуюся динамику, характеризую-

Таблица 5

Средняя начисленная заработная плата работников по уровню образования в Российской Федерации (по результатам выборочных обследований организаций, руб.)

	2005	2007	2009	2011
Все работники	8694	13570	18084	22717
В том числе имеющие образование: высшее профессиональное	11383	17799	24366	29927
Неполное высшее профессиональное	7785	12384	15882	19964
Среднее профессиональное	7722	11830	152776	18901
Начальное профессиональное	8123	12136	15321	19746
Среднее(полное) общее	7726	11787	14780	18538
Основное общее	6418	9992	12343	15970
Не имеет основного общего	5772	8997	10793	14545

вание, сопряжённое с проведением масштабных социологических опросов относительно восприятия надёжности работы в будущем. Такое исследование представляется важным с позиций формирования социально-экономической политики на уровне как национальной, так и региональной экономики.

Ющую снижение травматизма в Российской Федерации, уровень его остается высоким, что указывает на существенные резервы роста уровня достойности труда.

Оценка показателей достойности труда свидетельствует о наличии значительных резервов снижения дефицита достойного труда

и необходимости их учёта при формировании социально-экономической политики в России и её регионах.

1. Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2014–2016 годы // Российская газета. 2013. 30 дек.

2. Головихин, С.А. Конкурентоспособность экономики регионов России: Монография [Текст] / С.А. Головихин. Челябинск: Центр научного сотрудничества, 2012. 356 с.

3. Головихин, С.А. О новой концепции базовых свойств конкурентоспособности и региональном рейтинге конкурентоспособности [Текст] / С.А. Головихин // Социум и власть. 2013. № 2 (40). С. 74–80.

4. Индикаторы достойного труда. Методологические пояснения к расчёту [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения: 29.04.2014).

5. Полякова, А.Г. Стратегические аспекты обеспечения конкурентоспособности экономической системы региона [Текст] / А.Г. Полякова, Д.И. Кузнецов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 1. С. 40–42.

6. Полякова, А.Г. Типологизация российских регионов по уровню конкурентоспособности [Текст] / А.Г. Полякова, Д.И. Кузнецов // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2012. № 4. С. 69–79.

7. Статистический ежегодник по Челябинской области: Стат.сборник [Текст] / Челябинскстат. Челябинск, 2013. 526 с.

8. Уровень средней заработной платы за январь-сентябрь 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/statistics/employment/ (дата обращения: 10.01.2014).

References

1. General'noe soglasenie mezhdru obshherossiiskimi ob#edinenijami profsojuzov, obshherossiiskimi ob#edinenijami rabotodatelej i Pravitel'stva Rossijskoj Federacii na 2014–2016 gody, Rossijskaja gazeta. 2013. 30 dek. (in Russian).

2. Golovihin S.A. *Konkurentosposobnost' jekonomiki regionov Rossii* [Competitiveness of Russian regional economy]. Cheljabinsk, Centr nauchnogo sotrudnichestva, 2012, 356 p. (in Russian).

3. Golovihin S.A. *Socium i vlast'*, 2013, no. 2 (40), pp. 74–80 (in Russian).

4. Indikatory dostojnogo truda. Metodologicheskie pojasnenija k raschetu, available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (accessed 29 April 2014) (in Russian).

5. Poljakova A.G., Kuznecov D.I. *Intellekt. Innovacii. Investicii*, 2012, no. 1, pp. 40–42 (in Russian).

6. Poljakova A.G., Kuznecov D.I. *Vestnik UrFU. Serija: Jekonomika i upravlenie*, 2012, no. 4, pp. 69–79 (in Russian).

7. Statisticheskij ezhegodnik po Cheljabinskoj oblasti: Stat.sbornik. Cheljabinskstat. Cheljabinsk, 2013, 526 p. (in Russian).

8. Uroven' srednej zarabotnoj platy za janvar'-sentjabr' 2013 g., available at: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/statistics/employment/ (accessed 10 January 2014) (in Russian).

UDC 338.432, 332.142.4

INDICATORS OF DECENT WORK IN THE CONTEXT OF RUSSIAN PRACTICE OF EVALUATION

Nezhivenko Elena Alekseevna,

South Ural Vocational Institute, Pro-rector for Research, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: mrcpk@list.ru

Annotation

The article presents the results of evaluating modern state of decency of work of people engaged in Russian economics. The article gives up-to-date data characterizing imbalance of decency of work by type of economic activity and regions of the Russian Federation. The author reveals problems of providing decency of work, solution of which is necessary for providing competitiveness of regional and national economy.

Key concepts:

decency of work,
indicators of decent work,
imbalance of decency of work.

УДК 332.14

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ходоровский Михаил Яковлевич,

Уральский федеральный университет
имени первого президента России
Б.Н. Ельцина,
заведующий кафедрой банковского дела,
доктор экономической наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: gd@sinara-group.com

Иванов Андрей Викторович,

Уральский федеральный университет
имени первого президента России
Б.Н. Ельцина,
соискатель кафедры банковского дела,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: and_rey2002@bk.ru

Аннотация

В статье представлен методический подход к оценке эффективности функционирования и устойчивости развития регионов Российской Федерации на основе концепции «Регион – рынок капитала – предприятия – население» в соответствии с социо-эколого-экономическими критериями.

Ключевые понятия:
региональная экономика,
устойчивое развитие,
эффективность функционирования,
методика оценки.

В последнее время всё большее внимание уделяется проблемам обеспечения эффективности функционирования и устойчивости социо-эколого-экономического развития регионов, что предопределяет эффективность и поступательное развитие экономики государства в целом.

Устойчивое развитие означает такое развитие, при котором достигается удовлетворение жизненных потребностей ныне живущих людей, и для будущих поколений сохраняется возможность удовлетворять свои потребности [1].

Эффективное функционирование – есть деятельность, выполнение функций в относительно неизменных условиях в требуемом объеме и с необходимым качеством, при соблюдении условий превышения результатами функционирования региона объема затраченных ресурсов.

К настоящему времени научные исследования в области эффективности функционирования и устойчивости развития региона содержат достаточно много комплексных подходов либо подходов к оценке социальной, экономической или экологических региональных подсистем.

Всё более широко для оценки эффективности функционирования региона применяются инструменты корпоративного менеджмента, что предопределено развитием и популяризацией такой концепции регионального развития, как «регион-квазикорпорация». А.В. Мягкова использует для оценки эффективности региональной экономики такой инструмент, как региональная точка безубыточности, выделяя в системе региональных счетов те, которые, по мнению автора, соответствовали бы постоянным и переменным затратам на уровне промышленного предприятия, а ВРП приравнивает к показателю маржинального дохода [7].

Уральская школа региональных исследований в последние годы развивается в рамках направления использования и совершенствования систем показателей оценки функционирования региона, его социальной сферы и инфраструктуры региона на основе концепции сбалансированной системы показателей [5; 6; 9].

Для оценки социально-экономического развития региона используют либо системы показателей, либо комплексные (синтетические, интегральные) показатели. При этом оценивают не только соответствие показателей нормативным или плановым уровням, но и их динамику с использованием индексных методов.

Методика измерения уровня регионального социально-экономического развития предложена в исследованиях М.А. Голышева и основывается на оценке следующих групп индикаторов:

1) степень дифференциации доходов: отношение душевых денежных доходов к прожиточному минимуму, отношение душевых денежных доходов к стоимости минимального продовольственного набора;

2) уровень занятости – уровень общей безработицы, уровень занятости экономически активного населения, уровень зарегистрированной безработицы;

3) уровень бедности – доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, уровень крайней бедности и т.д.;

4) уровень физического здоровья и продолжительность жизни – ожидаемая продолжительность жизни, младенческая и материнская смертность, заболеваемость туберкулёзом, ВИЧ/СПИД;

5) уровень образования взрослого населения, охват образованием детей и молодёжи, суммарное число учащихся школ, ПТУ, колледжей и вузов на 10 тыс. населения и т.д.[3].

При этом автор утверждает, что критерии для регионов России должны быть «традиционалистическими» – набор индикаторов должен отражать общие для всех регионов проблемы; требования к индикаторам должны включать: достоверность, структурный охват и способность отражать изменения; использование интегральных оценок для целей социальной политики должно быть концептуально обоснованным, базироваться на применении методов интегрирования.

В.С. Антонюк и И.Ю. Нестеренко в своих исследованиях в основу классификации регионов закладывают комбинацию значений макроэкономических параметров в пределах региона:

1) степени экономического спада (подъёма), характеристикой которого является индекс физического объёма промышленной продукции;

2) величины общей безработицы;

3) уровня инфляции, показателем которого является индекс потребительских цен [2, с. 104–120].

На основе различных сочетаний трёх групп показателей авторы выделяют 8 типов регионов, для которых предлагают типы вариативной региональной макроэкономической политики.

Также в подходах к оценке уровня развития региона обосновывается такой при-

знак развития и дифференциации регионов, как «конкурентные преимущества региона», определяемые природой, обусловленные эффективностью функционирования общественно-политической и государственно-правовой систем, определяемые уровнем развития науки, техники, технологий и организацией использования научно-технических достижений в производственном процессе региона [10, с. 143].

В своем исследовании мы поддерживаем мнение российских исследователей, что социо-эколого-экономическая система региона имеет сложную внутреннюю структуру, в состав которой входят подсистемы: население, производство, непродовольственная сфера, экология, пространство, финансы, внешняя экономическая сфера, что повышает актуальность оценки региональной ресурсной эффективности.

В существующих методиках оценки уровня функционирования и развития регионов представлены три основные группы показателей, которые основаны: на наличии единого показателя (например, на душу населения); на декомпозиции через агрегированные группы первичных показателей; на интегральной оценке уровня функционирования и развития региона.

Кроме этого, необходимы показатели не только исследуемого региона, но также средние общероссийские значения данных показателей, и, по возможности, средние значения по федеральному округу, к которому относится исследуемый регион.

В данном исследовании авторы считают справедливым утверждение о том, что уровень эффективности функционирования и устойчивости развития конкретного региона зависит одновременно от следующих четырёх составляющих:

1) стабильности функционирования и развития региона;

2) стабильности функционирования и развития регионального рынка капитала и страхования;

3) уровня эффективности деятельности и устойчивости развития совокупности предприятий, функционирующих на территории региона;

4) уровня жизни, в части экономической стабильности, совокупности индивидуальных, проживающих на данной территории.

При этом только гарантия устойчивого развития всех элементов данной системы позволит судить об уровне эффективности функционирования и устойчивости развития (ЭФиУР) региона.

Авторский подход к оценке уровня эффективности функционирования и устойчивости развития региона реализован на основе комплексной интегральной оценки, предусматривающей реализацию следующих этапов:

1) выборка и внесение в программу абсолютных значений сорока отобранных по четырём составляющим системы «Регион – рынок капитала – предприятия – население» статических показателей за 2005–2012 гг. Период обусловлен охватом предкризисных, кризисных и посткризисных значений показателей:

– составляющая общерегиональных показателей (ОП):

п. 1.1 «Соотношение индексов роста ВРП и промышленного производства»;

п. 1.2 «Индекс роста процента износа ОППФ»;

п. 1.3 «Соотношение экспорта и импорта»;

п. 1.4 «Индекс роста объёма промышленного производства»;

п. 1.5 «Индекс роста объёма производства продукции сельского хозяйства»;

п. 1.6 «Индекс роста оборота розничной торговли»;

п. 1.7 «Индекс роста числа организаций, выполняющих научные исследования»;

п. 1.8 «Объём выбросов загрязняющих веществ в атмосферу к объёму их улавливания»;

п. 1.9 «Объём потребления оборотной и последовательно используемой воды к объёму использования свежей воды»;

п. 1.10 «Объём загрязнённых сточных вод в поверхностные водные объекты к объёму использования свежей воды»

– составляющая региональных показателей рынка капитала и страхования (РПКИС):

п. 2.1 «Отношение числа кредитных организаций в регионе к общему числу кредитных организаций»;

п. 2.2 «Отношение филиалов кредитных организаций в регионе к общему числу филиалов кредитных организаций»;

п. 2.3 «Отношение объёмов кредитов к депозитам физических лиц, в рублях»;

п. 2.4 «Индекс роста кредитов к депозитам юридических лиц, в рублях»;

п. 2.5 «Индекс роста кредитов к депозитам физических лиц, в валюте»;

п. 2.6 «Индекс роста кредитов к депозитам юридических лиц, в валюте»;

п. 2.7 «Выплаты по договорам страхования к страховым премиям»;

п. 2.8 «Отношение доходов к расходам бюджета»;

п. 2.9 «Доля безвозмездных доходов в доходах бюджета»;

п. 2.10 «Индекс роста доли расходов на национальную экономику в расходах бюджета»;

– составляющая показателей совокупности предприятий региона (ПСПр):

п. 3.1 «Коэффициент автономии»;

п. 3.2 «Коэффициент обеспеченности собственными материальными оборотными средствами»;

п. 3.3 «Рентабельность активов»;

п. 3.4 «Коэффициент текущей ликвидности»;

п. 3.5 «Рентабельность оборота»;

п. 3.6 «Индекс роста нормы прибыли»;

п. 3.7 «Реинвестиции к приросту капитала»;

п. 3.8 «Индекс роста коэффициента деловой активности»;

п. 3.9 «Отношение дебиторской задолженности к кредиторской»;

п. 3.10 «Индекс производства отрасли специализации региона»;

– составляющая показателей регионального рынка труда (ПРТ):

п. 4.1 «Индекс роста численности населения»;

п. 4.2 «Индекс роста соотношения числа женщин и мужчин»;

п. 4.3 «Отношение экономически активного населения к населению региона»;

п. 4.4 «Индекс роста занятых в экономике к экономически активному населению региона»;

п. 4.5 «Индекс роста населения в трудоспособном возрасте»;

п. 4.6 «Коэффициент рождаемости»;

п. 4.7 «Уровень безработицы»;

п. 4.8 «Индекс роста отношения среднедушевых доходов к потребительским расходам»;

п. 4.9 «Население с доходами ниже прожиточного минимума»;

п. 4.10 «Индекс роста числа зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения».

2) расчёт частных показателей и индексов их роста в случае необходимости (каждый последующий год к предыдущему);

3) разработка критериев оценки статических и динамического показателей по трёхбалльной шкале (лучшая оценка – 3 балла, худшая – 1 балл);

4) количественная (балльная) оценка показателей в соответствии с системой критериев [4];

5) определение веса показателей внутри блока (составляющей) показателей. По-

казатели приняты равновесными, однако их вес дифференцирован согласно числу оцениваемых параметров по каждому показателю. Например, абсолютное значение и индекс роста конкретного показателя;

б) взвешенная оценка значения показателей путём умножения балла на вес показателя;

7) определение балльной оценки каждой составляющей показателей за период по формулам 1–4.

$$\text{Балл}^{\text{ОП}} = (\text{Балл}^{\text{П.1.1}} + \text{Балл}^{\text{П.1.2}} + \dots + \text{Балл}^{\text{П.1.10}}) / 10, \quad (1)$$

$$\text{Балл}^{\text{РПКИС}} = (\text{Балл}^{\text{П.2.1}} + \text{Балл}^{\text{П.2.2}} + \dots + \text{Балл}^{\text{П.2.10}}) / 10, \quad (2)$$

$$\text{Балл}^{\text{ПСПр}} = (\text{Балл}^{\text{П.3.1}} + \text{Балл}^{\text{П.3.2}} + \dots + \text{Балл}^{\text{П.3.10}}) / 10, \quad (3)$$

$$\text{Балл}^{\text{ПРРТ}} = (\text{Балл}^{\text{П.4.1}} + \text{Балл}^{\text{П.4.2}} + \dots + \text{Балл}^{\text{П.4.10}}) / 10, \quad (4)$$

где $\text{Балл}^{\text{ОП}}$, $\text{Балл}^{\text{РПКИС}}$, $\text{Балл}^{\text{ПСПр}}$, $\text{Балл}^{\text{ПРРТ}}$ – среднеарифметическая балльная оценка каждой составляющей авторской системы показателей оценки эффективности функционирования и устойчивости развития региона;

$\text{Балл}^{\text{П.1.1}} \dots \text{Балл}^{\text{П.4.10}}$ – балльная оценка каждого из сорока показателей авторской системы.

8) определение итоговой оценки интегрального показателя ЭФиУР за период по формуле 5. При этом каждый из четырёх блоков (составляющих) показателей разделён весом в 25% от общей оценки.

$$\text{ЭФиУР} = \text{Балл}^{\text{ОП}} \times 0,25 + \text{Балл}^{\text{РПКИС}} \times 0,25 + \text{Балл}^{\text{ПСПр}} \times 0,25 + \text{Балл}^{\text{ПРРТ}} \times 0,25 \quad (5)$$

Реализация предложенной методики оценки позволила реализовать ранжирование регионов РФ путем сортировки значений показателей каждой составляющей по критерию: чем выше показатель, тем выше ранг (место) региона в рейтинге, что позволило выделить четыре типа регионов: с отличными (2,5–3 балла); хорошими (2–2,5 балла); удовлетворительными (1,5–1,99 балла); неудовлетворительными показателями каждой составляющей (1–1,49 балла).

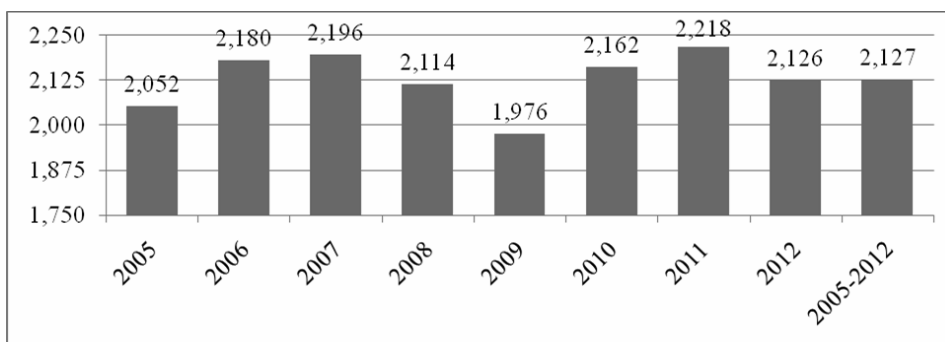
На основе результатов частных рейтингов по составляющим системы показателей проведено ранжирование регионов по уровню интегрального показателя ЭФиУР. Фрагмент результатов анализа для 2012 г. представлен в табл. 1.

На основе анализа значений интегральных показателей ЭФиУР по регионам определено значение среднерегionalного интегрального показателя ЭФиУР (рис. 1).

Таблица 1

Результаты интегральной балльной оценки уровня эффективности функционирования и устойчивости развития регионов РФ за 2012 г.

Место	Регион	Балльная оценка составляющей				Интегральный показатель ЭФиУР 2012 г.
		ОП	РПКИС	ПСПр	ПРРТ	
1	Республика Татарстан	2,500	2,300	2,250	2,550	2,400
2	Новосибирская область	2,400	2,300	2,050	2,650	2,350
3	Новгородская область	2,500	2,667	2,100	2,100	2,342
4	Свердловская область	2,400	2,500	1,950	2,500	2,338
5	Магаданская область	2,700	2,000	2,550	2,100	2,338
...	...	...	...	...	...	...
75	Кабардино-Балкарская Республика	1,900	1,889	1,950	1,800	1,885
76	Республика Карелия	2,000	2,000	1,200	2,200	1,850
77	Республика Калмыкия	1,500	2,625	1,350	1,900	1,844
78	Республика Дагестан	1,700	2,000	1,450	2,000	1,788
79	Ставропольский край	1,900	1,778	1,650	1,700	1,757
80	Чеченская Республика	1,700	1,714	1,600	2,000	1,754
	Средние значения	2,270	2,136	1,902	2,196	2,126

Рис. 1. Результаты балльной оценки среднерегионального интегрального показателя эффективности функционирования и устойчивости развития

Таблица 2

Результаты исследования значений минимальных и максимальных границ интегральных показателей ЭФиУР

Интегральный показатель	Минимальный	Средний	Максимальный
Значение, балл	1,481	2,127	2,610
Период	2009	2005–2012	2011
Регион	Чеченская Республика	Среднерегиональное значение	Пермский край
Разность оценок*	0,646		
		0,483	
Границы	Низкий уровень ЭФиУР**	1,481	1,912
	Средний уровень ЭФиУР***	1,912	2,288
	Высокий уровень ЭФиУР****	2,288	2,610

Примечания:

*Разность средней и минимальной (0,646 балла), максимальной и средней оценок (0,483 балла) послужили основой определения границ интегральных показателей для типологизации регионов по уровню ЭФиУР.

** 1,481 – минимальная оценка интегрального показателя за 2005–2012 гг.

1,912 = 1,481 + 0,646/3×2

*** 2,288 = 1,912 + 0,646/3×1+0,483/3×1

**** 2,610 = 2,288 + 0,483/3×2.

Отмечается его рост в период 2005–2007, 2009–2011 гг., и существенное сокращение в период с 2008–2009 и 2012 гг.

Деление регионов на типы по уровню ЭФиУР производилось на основе исследования значений минимальных и максимальных границ интегральных показателей (табл. 2).

В таблице 3 представлены результаты количественной оценки типологизированных по уровню эффективности функционирования и устойчивости развития регионов РФ.

Отмечается увеличение количества регионов с низким уровнем ЭФиУР в период с 2007 по 2009 г. и сокращение в этом период регионов в высоком уровне ЭФиУР, что позволяет выделить предкризисный, кризисный и посткризисный периоды в экономике регионов РФ.

Регионы Уральского федерального округа входят в группу регионов со средним уровнем эффективности функционирования и развития. Именно регионы данной группы являются наиболее перспективными для ре-

Таблица 3

Результаты количественной оценки типологизированных по уровню ЭФиУР регионов РФ

Период	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2005–2012
Высокий уровень ЭФиУР	4	22	19	7	2	19	30	9	2
Средний уровень ЭФиУР	61	54	60	62	56	55	48	65	75
Низкий уровень ЭФиУР	15	4	1	11	22	6	2	6	3
Период	Предкризисный			Кризис		Посткризисный			X

Таблица 4

Результаты анализа направлений для повышения уровня эффективности функционирования и устойчивости развития регионов УрФО по блоку общерегиональных показателей

Номер показателя*	Среднее значение	Лучшее значение	Худшее значение	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Челябинская область	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Челябинская область
п.1.1	1,072	1,574	0,845	1,021	1,058	1,103	1,054	УВ	УВ		УВ
п.1.2	1,000	0,659	1,234	1,006	1,007	0,995	1,016	УВ	УВ		УВ
п.1.3	3,079	35,559	0,011	2,136	2,674	25,542	1,533	УВ	УВ		УВ
п.1.4	1,055	1,291	0,949	1,059	1,103	0,988	0,988	УВ	УВ		УВ
п.1.5	1,055	2,000	0,713	0,713	0,932	0,913	0,811	УВ	УВ	УВ	УВ
п.1.6	1,144	2,861	0,469	1,140	1,121	1,168	1,104	УВ	УВ		УВ
п.1.7	0,971	1,176	0,472	1,000	0,920	0,983	1,034		УВ		
п.1.8	2,452	0,019	66,415	0,456	0,118	66,415	0,175			УВ	
п.1.9	4,077	31,244	0,000	5,438	12,593	5,148	16,662				
п.1.10	0,409	0,020	1,175	0,672	0,789	0,084	1,175	УВ	УВ		УВ

* п.1.1 «Соотношение индексов роста ВРП и промышленного производства»; п.1.2 «Индекс роста процента износа ОППФ»; п.1.3 «Соотношение экспорта и импорта»; п.1.4 «Индекс роста объема промышленного производства»; п.1.5 «Индекс роста объема производства продукции сельского хозяйства»; п.1.6 «Индекс роста оборота розничной торговли»; п.1.8 «Объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу к объему их улавливания»; п.1.9 «Объем потребления оборотной и последовательно используемой воды к объему использования свежей воды»; п.1.10 «Объем загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты к объему использования свежей воды»

Примечание: серым цветом выделены показатели, лучшее значение которых – минимальное.

ализации управленческих решений по повышению уровня эффективности функционирования и стабилизации развития региональных социо-эколого-экономических систем.

На основе анализа сорока показателей авторской системы за 2012 год определены лучшие, худшие и средние значения показателей, что позволило выявить позицию каждого региона Уральского федерального округа и идентифицировать направления управленческих воздействий (УВ) в целях повышения уровня эффективности функционирования и устойчивости развития каждого региона, представленные в табл. 4 на примере блока общерегиональных показателей.

По результатам анализа показателей общерегиональной составляющей лучшее положение занимает Тюменская область, у которой практически все показатели лучше средних по РФ значений. Положение остальных регионов УрФО – существенно хуже средних по РФ показателей.

Для обеспечения роста уровня эффективности функционирования и устойчивости развития в Курганской, Свердловской и Челябинской областях необходимо:

По п. 1.1 – обеспечить опережение темпов роста ВРП по сравнению с темпами роста промышленного производства региона (экономика).

По п. 1.2 – внедрять мероприятия, направленные на обновление основных фондов с целью сокращения степени их износа (экономика).

По п. 1.3 – обеспечить устойчивое превышение экспорта над импортом и рост соотношения в динамике (экономика).

По п. 1.4 – обеспечить устойчивый рост промышленного производства (экономика).

По п. 1.5 – обеспечить устойчивый рост производства сельскохозяйственной продукции (экономика).

По п. 1.6 – содействовать наращиванию оборота розничной торговли на душу населения (экономика).

По п. 1.10 – обеспечить сокращение соотношения объема загрязнённых сточных вод в поверхностных водные объекты к объёмам (экологическая сфера).

Свердловской области, помимо указанных направлений, необходимо обеспечить активизацию деятельности организаций, выполняющих научные исследования (п. 1.7).

В Тюменской области требуется:

по п. 1.5 – обеспечить устойчивый рост производства сельскохозяйственной продукции (экономика).

По п. 1.8 – обеспечить наращивание объёма улавливаемых выбросов загрязняющих атмосферу веществ (экологическая сфера).

Представленный подход к оценке уровня эффективности функционирования и устойчивости развития региона позволяет на основе анализа позиции региона среди показателей прочих составляющих авторской системы сформировать комплекс решений по каждому региону в разрезе экономической, экологической и социальной сфер региона, реализация которых, в свою очередь, позволит достичь главной цели – социо-эколого-экономического развития России.

1. Алибасов, М.Л. Региональные аспекты перехода Чеченской Республики к устойчивому развитию [Текст] / М.Л. Алибасов: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. 24 с.

2. Антонюк, В.С. Типология регионов и реализация вариативного компонента макроэкономической политики [Текст] / В.С. Антонюк, И.Ю. Нестеренко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 7. Экономика России: проблемы и перспективы. 1999. № 2. С. 104–120.

3. Гольшев, М.А. Методика измерения уровня регионального социально-экономического развития [Текст] / М.А. Гольшев // Власть. 2010. № 5. С. 95.

4. Иванов, А.В. Оценка эффективности функционирования и развития региона на основе данных совокупности предприятий региона [Текст] / А.В. Иванов, Р.И. Кантор // Социум и власть. 2012. № 4(36). С. 87–93.

5. Ивлев, А.В. Управление развитием социальной сферы регионов на основе сбалансированной системы показателей [Текст] / А.В. Ивлев: дисс. ... канд. экон. наук. Челябинск: ЮУрГУ, 2012. 172 с.

6. Логачёва, Н.М. Оценка и типологизация регионов России по уровню сбалансированности развития инфраструктуры здравоохранения и образования [Текст] / Н.М. Логачёва // Регионы России: Стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития: Тр. Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. научного сотрудничества и междунар. связей; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2012. Ч. 1. С. 533–537.

7. Мягкова, А.В. Оценка безубыточности экономики региона [Текст] / А.В. Мягкова: дисс. ... канд. экон. наук. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2009. 177 с.

8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004...2013: стат. сб. / Росстат. М., 2004...2013. 997 с.

9. Силифонкина, С.В. Сбалансированная система показателей для диагностики устойчивого

развития экономики региона [Текст] / С.В. Силифонкина // Экономический анализ: теория и практика, 2011. № 40 (247). С. 48–56.

10. Татаркин, А.И. Формирование конкурентных преимуществ регионов [Текст] / А.И. Татаркин // Регион: экономика и социология. 2006. № 1. С. 141–154.

11. Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbsd.gks.ru/> (дата обращения 29.04.2014).

References

1. Alibasov M.L. *Regional'nye aspekty perehoda Chechenskoj respubliki k ustojchivomu razvitiyu* [Regional aspects of transition of Chechen Republic to stable development]. Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova, 2008, 24 p. (in Russian).

2. Antonjuk V.S., Nesterenko I.Ju. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Ser. 7. Jekonomika Rossii: problemy i perspektivy*, 1999, no. 2. pp. 104–120 (in Russian).

3. Golyshev M.A. *Vlast'*, 2010, no. 5, p. 95 (in Russian).

4. Ivanov A.V., Kantor R.I. *Socium i vlast'*, 2012, no. 4 (36). pp. 87–93 (in Russian).

5. Ivlev A.V. *Upravlenie razvitiem social'noj sfery regionov na osnove sbalansirovannoj sistemy pokazatelej*. Cheljabinsk, 2012, 172 p. (in Russian).

6. Logacheva N.M. *Ocenka i tipologizacija regionov Rossii po urovnju sbalansirovannosti razvitiya infrastruktury zdavoohranenija i obrazovanija* [Evaluating and typing Russian regions according to the level of healthcare and education level]. Regiony Rossii: Strategii i mehanizmy modernizacii, innovacionnogo i tehnologicheskogo razvitiya: Tr. Vos'moj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / RAN. INION. Otd. nauchnogo sotrudnichestva i mezhdunar. svjazej; otv. red. Ju.S. Pivovarov (Russian regions: Strategies and mechanisms of modernization, innovative and technological development: The eighth international scientific and practical conference/ Russian Academy of Sciences. Institute of Scientific Information on Social Sciences. Department of scientific cooperation and international links; associate editor Yu. S. Pivovarov). Moscow, 2012, pp. 533–537 (in Russian).

7. Mjagkova A.V. *Ocenka bezubytochnosti jekonomiki regiona* [Break even evaluation of regional economy]. Cheljabinsk, 2009, 177 p. (in Russian).

8. Regiony Rossii. *Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2004...2013: stat. sb.* / Rosstat. Moscow, 2004...2013, 997 p. (in Russian).

9. Silifonkina S.V. *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika*, 2011, no. 40 (247), pp. 48–56 (in Russian).

10. Tatarin A.I. *Region: jekonomika i sociologija*, 2006, no. 1, pp. 141–154 (in Russian).

11. Central'naja baza statisticheskikh dannyh Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki, available at: <http://cbsd.gks.ru/> (accessed 29 April 2014) (in Russian).

UDC 332.14

EVALUATING EFFECTIVENESS OF FUNCTIONING AND DEVELOPMENT STABILITY OF REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Khodorovskiy Mikhail Yakovlevich,
Ural Federal University named after the
First President of Russia B.N.Yeltsin,
Head of the Chair of Banking, Doctor of
Economic Sciences, Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: gd@sinara-group.com

Ivanov Andrey Victorovich,
Ural Federal University named after the
First President of Russia B.N.Yeltsin,
Degree Seeking Applicant of the Chair of
Banking, Doctor of Economic Sciences,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: and_rey2002@bk.ru

Annotation

The article presents methodical approach to evaluating effectiveness of functioning and stability of regions of the Russian Federation basing on the conception "Region – capital market – enterprise – population" in accordance with social, ecological and economical criteria.

Key concepts:

Regional economy,
Stable development,
effectiveness of functioning,
methods of evaluating.

УДК 336.051

АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ

Коротина Наталья Юрьевна,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий кафедрой экономики
и финансов,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: korotina@rane74.ru

Аннотация

В статье проводится апробация методики оценки финансового состояния муниципальных бюджетов на примере четырёх крупнейших городов Челябинской области. Предлагаемая методика позволяет оценить сбалансированность, финансовую независимость, бюджетную устойчивость и долговую политику муниципальных образований, направленность муниципальной бюджетной политики в сфере бюджетных расходов.

Ключевые понятия:

муниципальный бюджет,
сбалансированность местного бюджета,
устойчивость местного бюджета,
финансовая независимость местного бюджета,
долговая зависимость местного бюджета,
муниципальная бюджетная политика.

Термин «финансовое состояние» традиционно употребляется как оценочный индикатор в системе финансов хозяйствующих субъектов. Однако необходимость повышения эффективности и результативности бюджетной сферы привело к тенденции заимствования приёмов и методов корпоративного управления в теории и практике управления общественными финансами. Это послужило предпосылкой распространения категории «финансовое состояние» на сферу деятельности региональных и местных органов власти. В связи с этим задача разработки концептуальных положений по анализу и управлению финансовым состоянием территорий становится одной из приоритетных на современном этапе эволюции финансово-экономических отношений.

Экономический анализ бюджетных показателей, обоснованность их структуры, динамики, соотношения и других параметров являются важнейшим элементом системы оценки социально-экономического развития муниципальных образований. Невозможно оценить уровень развития территории, не зная состояния финансовой сферы, так как именно она является базой реализации социально-экономических программ и проектов. В показателях бюджета отражена политика муниципальных органов власти в области социального развития территории.

Анализ финансового состояния бюджетов муниципальных образований позволяет определить уровень финансовой сбалансированности, устойчивости и самодостаточности бюджетов муниципального образования, установить обоснованность бюджетной политики, проводимой местной администрацией.

Ранее нами была предложена [2] методика комплексной оценки финансового состояния местных бюджетов на основе пяти групп показателей:

- показатели сбалансированности местного бюджета;
- показатели финансовой независимости муниципального образования;
- показатели, характеризующие направленность муниципальной бюджетной политики в сфере бюджетных расходов;
- показатели бюджетной устойчивости;
- показатели долговой зависимости муниципального образования.

Апробация данной методики была проверена на муниципальных образованиях Челябинской области. В области так же, как и по всей России, проблема финансовой обеспеченности муниципалитетов стоит достаточ-

но остро [1]. В статье приведены результаты оценки финансового состояния бюджетов 2013 года четырёх крупнейших городских округов области: Челябинского, Магнитогорского, Златоустовского и Миасского.

Первая группа показателей – показатели сбалансированности местного бюджета (таблица 1).

зует степень покрытия общей суммы расходов бюджета на реализацию собственных полномочий муниципального образования доходами без учёта утверждённого объёма безвозмездных поступлений. Значение показателя собственной сбалансированности бюджетов свидетельствуют о том, что расходы на выполнение собственных полно-

Таблица 1

Показатели сбалансированности местного бюджета

Показатели	Магнитогорский ГО	Челябинский ГО	Миасский ГО	Златоустовский ГО
<i>Коэффициент покрытия расходов муниципального бюджета, %</i>	97	98	93	96
<i>Коэффициент наличия дополнительных средств бюджета, %</i>	0	0	0	0
<i>Коэффициент дефицита муниципального бюджета, %</i>	6	45	7,2	2,2
<i>Коэффициент собственной сбалансированности местного бюджета, %</i>	81	60	59	62

Коэффициент покрытия расходов муниципального бюджета характеризует степень покрытия общей суммы расходов муниципальных органов власти общими доходами местного бюджета. Результаты анализа покрытия расходов бюджетов рассматриваемых городов показывают, что в 2013 году ни в одном городе доходов не хватило на полное покрытие расходов. Во всех городах бюджет был исполнен с дефицитом, поэтому значение *коэффициента наличия дополнительных средств местного бюджета*, характеризующего долю профицита бюджета в его расходах, для всех представленных городов было нулевым. Степень покрытия дефицита местного бюджета доходными источниками без учёта утверждённого объёма безвозмездных поступлений характеризует *коэффициент покрытия дефицита муниципального бюджета*. Для муниципальных образований данный показатель не должен превышать 10%*. Этот критерий в анализируемых городах соблюдался.

Коэффициент собственной сбалансированности местного бюджета характери-

мочий города самостоятельно покрывают только на 59–81%.

Вторая группа показателей – показатели финансовой независимости муниципальных образований (таблица 2).

Эта группа показателей характеризует степень финансовой независимости муниципальных образований от средств вышестоящих бюджетов. Показатели представляют собой соотношение различных элементов доходов бюджетов.

Коэффициент финансовой независимости местных бюджетов показывает соотношение величины налоговых и неналоговых доходов местного и общей суммы доходов бюджета муниципального образования. Коэффициент характеризует долю доходов, объём которых зависит от усилий муниципальных органов власти по увеличению поступлений от налогов и муниципальной собственности.

Коэффициент налоговой независимости показывает, в какой части доходы местного бюджета формируются за счёт поступлений от налогов. При определении этого коэффициента учитываются все налоговые поступ-

*Статья 92.1. п.3. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 31.07.1998 N 145-ФЗ (в ред. от 01.01.2014). «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, N 31, ст. 3823.

Таблица 2

Показатели финансовой независимости местного бюджета

Показатели	Магнитогорский ГО	Челябинский ГО	Миасский ГО	Златоустовский ГО
<i>Коэффициент финансовой независимости местных бюджетов, %</i>	51,2	43,0	37,1	41,5
<i>Коэффициент налоговой независимости местных бюджетов, %</i>	40,0	34,9	31,9	34,5
<i>Коэффициент чистой налоговой независимости, %</i>	27,6	28,7	14,6	10,8
<i>Коэффициент общей финансовой зависимости местного бюджета, %</i>	48,8	56,8	62,9	58,5

ления, независимо от статуса налогов (федеральные, региональные или местные) и действующей системы регулирования в части разграничения доходных источников и организации потока налоговых ресурсов.

Значения этих коэффициентов у анализируемых городов показывают, что доходные источники менее чем наполовину сформированы из налоговых и неналоговых платежей. Минимальное значение коэффициента финансовой независимости в Миассе (37,1%), максимальное – в Магнитогорске 51,2%. Налоги формируют доходные части бюджетов на 32–40%.

В какой части налоговые доходы местного бюджета сформированы за счёт поступлений от местных налогов, показывает *коэффициент чистой налоговой независимости*. Фактически указанный коэффициент является индикатором эффективности налоговой политики муниципального образования, так как только по местным налогам муниципальные образования обладают полномочиями полного самостоятельного их регулирования. Данные этого показателя, в отличие от других показателей группы, отличаются значительно – разница составляет 2,5 раза. Наименьшее значение коэффициента – в Златоусте, местные власти в состоянии влиять на 10,8% доходов города, наибольшее – в Магнитогорске (27,6%).

Для сравнения, средний показатель по России составляет 13,5%, по Челябинской области – 16%. Данные расчёты подтверждают, что местные налоги не играют необходимой бюджетообразующей роли при формировании муниципальных бюджетов даже в промышленно развитых городах.

Коэффициент общей финансовой зависимости местного бюджета показывает долю финансовой помощи из вышестоящего бюджета в общем объёме доходов местного бюджета. Чем больше значение указанного показателя, тем в большей мере доходы местного бюджета сформированы за счёт поступлений из бюджета субъекта Федерации, тем выше степень финансовой зависимости муниципального образования от региональных органов власти.

Значения коэффициентов общей финансовой зависимости (48,8–62,9%) подтверждают, что бюджеты указанных городов в значительной степени зависимы от областного бюджета.

Третья группа показателей – показатели, характеризующие направленность муниципальной бюджетной политики в сфере бюджетных расходов (таблица 3).

Коэффициент текущих расходов местного бюджета характеризует долю расходов бюджета на обеспечение текущего функционирования органов муниципального управления, муниципальных учреждений, оказание финансовой помощи отдельным отраслям экономики от общей суммы расходов местного бюджета. Чем выше значение коэффициента, тем большая часть всех расходов направляется на финансирование текущих расходов, и тем меньшая часть остается на покрытие инвестиционных потребностей муниципального образования. Данные анализа показывают, что свыше 90% расходов бюджетов во всех городах направляется на текущее обеспечение, и менее 10% (об это свидетельствует *коэффициент инвестиционной активности*) идёт на реализацию масштабных инвестиционных

Показатели, характеризующие направленность муниципальной бюджетной политики в сфере бюджетных расходов

Показатели	Магнитогорский ГО	Челябинский ГО	Миасский ГО	Златоустовский ГО
<i>Коэффициент текущих расходов бюджета, %</i>	98	93	98	97
<i>Коэффициент инвестиционных расходов бюджета, %</i>	2	7	2	3
<i>Коэффициент относительной стоимости содержания органов местного самоуправления, %</i>	7	3	5	7
<i>Коэффициент социальной ориентированности бюджета, %</i>	78	71	77	73
<i>Коэффициент программных расходов бюджета, %</i>	76	95	93	н/д

проектов, которые направлены на решение муниципальных проблем. Таким образом, бюджеты городов фактически являются не бюджетами развития соответствующих территорий, а бюджетами обеспечения, то есть не создаётся материальная основа для повышения объёма и качества муниципальных услуг, не формируются условия для модернизации экономики и изменения модели экономического роста.

Коэффициент относительной стоимости содержания органов местного самоуправления показывает удельный вес расходов на организацию и реализацию муниципального управления в общей сумме общественно расходов бюджетов. Чем выше значение коэффициента, тем дороже обходятся органы власти бюджету. В анализируемых объектах указанный показатель колеблется от 3 до 7%.

Коэффициент социальной ориентированности местного бюджета показывает удельный вес расходов на функционирование социальной сферы (образование, здравоохранение, культуру, искусство, средства массовой информации, физическую культуру и спорт, социальную поддержку граждан) в общей сумме расходов местного бюджета. Чем выше значение коэффициента, тем большее внимание оказывается гражданам со стороны муниципальных органов власти. Значение указанного коэффициента (71–78%) свидетельствует о том, что бюджеты муниципалитетов являются социально направленными.

Оценить, в какой мере управление в муниципалитете ведется в рамках достижения целей и обеспечивается обоснованность расходов, позволяет *коэффициент программных расходов бюджета*. Он отражает применение программно-целевого подхода к управлению экономикой муниципалитета.

Коэффициент программных расходов местного бюджета показывает удельный вес расходов в рамках государственных и муниципальных программ в общей сумме расходов местного бюджета. Чем выше значение коэффициента, тем больше расходов осуществляется на основе программно-целевых принципов.

Высокие значения коэффициента программных расходов (76–95%) свидетельствуют о достаточно высокой ориентированности муниципального управления на «управление результатами». Финансирование в рамках целевых программ, в отличие от сметного финансирования, позволяет получить более высокий результат по критерию «стоимость – эффективность».

Четвёртая группа показателей – показатели бюджетной устойчивости муниципального образования (таблица 4).

К этой группе относятся коэффициенты, характеризующие соотношение различных доходных источников и текущих расходов бюджета. Показатели отражают способность муниципалитета обеспечить функционирование органов местного самоуправления и деятельность муниципальных организаций.

Коэффициент общей финансовой устойчивости местного бюджета характеризует степень покрытия текущих расходов местного бюджета налоговыми и неналоговыми доходами. Коэффициент показывает способность муниципалитета покрыть текущие расходы налогами и средствами, полученными в результате управления имуществом. Устойчивость бюджета характеризуется коэффициентом выше 100%. В Российской Федерации подавляющее число

доходов от местных налогов. Этот показатель носит название *коэффициента собственной (чистой) налоговой устойчивости* [3]. В существующих условиях в Российской Федерации значение данного показателя в большинстве муниципальных образований, особенно в муниципалитетах, крайне низкое. Это подтверждается расчётными данными – местные налоги способны покрыть текущие расходы бюджетов менее чем на треть в Магнитогорске и Челябинске, на

Таблица 4

Показатели бюджетной устойчивости

Показатели	Магнитогорский ГО	Челябинский ГО	Миасский ГО	Златоустовский ГО
<i>Коэффициент общей финансовой устойчивости бюджета, %</i>	51,0	46,1	39,2	43,1
<i>Коэффициент совокупной финансовой устойчивости, %</i>	99,6	98,4	99,2	97,4
<i>Коэффициент собственной (чистой) налоговой устойчивости, %</i>	29,1	30,8	16,1	11,4

муниципальных образований не способны покрыть текущие расходы налоговыми и неналоговыми доходами и являются финансово неустойчивыми. Этот тезис подтверждают расчёты указанного коэффициента по крупнейшим муниципалитетам Челябинской области. В Магнитогорском городском округе указанный показатель составляет 51%, в остальных городах – ниже 50%, то есть без финансовой помощи из вышестоящего бюджета органы местного самоуправления способны обеспечить текущую деятельность менее чем наполовину.

Для местных бюджетов более актуальным является показатель *совокупной финансовой устойчивости местного бюджета*, который позволяет оценить степень покрытия текущих расходов совокупными доходами соответствующего бюджета. Даже с учётом трансфертов из областного бюджета ни в одном муниципальном образовании совокупные доходы не покрывают полностью текущие расходы, что подтверждает выводы по данным предыдущей таблицы о недостаточности средств муниципалитетов для инвестирования муниципальной экономики.

Можно рассчитывать подобный коэффициент, используя в числителе показатель

одну шестую в Миассе, и на одну десятую часть в Златоусте.

Пятая группа показателей – коэффициенты долговой зависимости муниципального образования (таблица 5).

Коэффициент долговой ёмкости бюджета показывает степень покрытия муниципального долга доходными источниками без учёта утверждённого объёма безвозмездных поступлений и поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений. В соответствии с федеральным законодательством этот коэффициент должен быть менее 100%*. Все анализируемые муниципалитеты имеют муниципальный долг в допустимых размерах, но в Челябинском и Миасском городских округах долговая ёмкость бюджета значительно выше, что отражает их более активную долговую политику.

Коэффициент долговой зависимости бюджета показывает соотношение муниципального долга и общей суммы расходов бюджета. Фактически этот коэффициент показывает, какая часть расходов текущего года была бы потрачена на покрытие муниципального долга, если бы все платежи по нему приходились бы на текущий период.

*Статья 107 Бюджетный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 31.07.1998 N 145-ФЗ (в ред. от 01.01.2014). «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, N 31, ст. 3823.

Показатели долговой зависимости муниципального образования

Показатели	Магнитогорский ГО	Челябинский ГО	Миасский ГО	Златоустовский ГО
<i>Коэффициент долговой емкости бюджета, %</i>	0,3	34,9	26,1	2,8
<i>Коэффициент долговой зависимости бюджета, %</i>	0,14	14,7	9,9	1,1
<i>Коэффициент долговой нагрузки бюджета, %</i>	0,14	0,3	0,31	0,007
<i>Коэффициент долговой нагрузки на одного гражданина, тыс.руб./чел.</i>	9,1	4,1	2,49	0,261
<i>Коэффициент предела обслуживания муниципального долга, %</i>	0,20	0,44	0,52	0,008

Активные муниципальные заимствования предопределили более высокое значение указанного показателя в Челябинске и Миассе. В целом значения этого коэффициента отражают платёжеспособность всех анализируемых органов местного самоуправления в отношении муниципальных долговых обязательств.

Коэффициент долговой нагрузки бюджета показывает долю текущих расходов по обслуживанию муниципального долга в общей сумме расходов бюджета. *Коэффициент предела обслуживания муниципального долга* показывает долю текущих расходов по обслуживанию муниципального долга в общей сумме расходов без учёта субвенций из вышестоящего бюджета. Предельный размер этого коэффициента – 15%*. Во всех анализируемых объектах значения этого показателя значительно ниже одного процента, что характеризует муниципальную долговую политику как консервативную.

Коэффициент долговой нагрузки на одного жителя характеризует бремя, приходящееся на каждого жителя. Законодательных пределов того коэффициента не существует, но при значительной величине предыдущих показателей для анализа представляется полезным сравнение коэффициента долговой нагрузки на одного жителя с подушевыми налоговыми и неналоговыми доходами. Самый низкий муниципальный долг, приходящийся на одного жителя в Златоусте (261 рубль), самый высокий – в Магнитогорске (9,1 тыс. рублей).

При анализе долговой зависимости муниципального образования большое значе-

ние имеет оценка средневзвешенной процентной ставки, по которой привлекались муниципальные кредиты и её сравнение с действующими среднерыночными ставками. Это сравнение позволит оценить возможность реструктуризации муниципальных займов.

Указанная группа коэффициентов позволяет определить развитие долговой ситуации, возможности погашения долга, позволяет отследить ухудшение экономических условий функционирования муниципальной экономики. Расчёт этих коэффициентов крайне важен, так как превышение установленных нормативных значений влечёт за собой определённые ограничения для органов местного самоуправления, которые установлены Бюджетным кодексом РФ и региональными нормативными актами.

Анализ состояния бюджетов по предложенным коэффициентам в крупнейших городах Челябинской области позволил выявить несбалансированность местных бюджетов, показал высокую финансовую зависимость от вышестоящих бюджетов, недостаточную бюджетную устойчивость, недостаточность средств на развитие территорий. Данные города имеют развитые сферы промышленности и торговли, большую в масштабах области численность населения, что предопределяет значительную доходную базу для формирования местных бюджетов. Но даже это не позволяет обеспечить финансовую независимость и достаточность ресурсов для полного и своевременного исполнения функций и задач местного самоуправления.

*Статья 111 Бюджетный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 31.07.1998 N 145-ФЗ (в ред. от 01.01.2014). «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, N 31, ст. 3823.

С другой стороны, проведённый анализ позволил оценить социальную направленность расходов бюджетов, достаточно высокую ориентированность муниципального управления на «управление результатами», взвешенную долговую политику.

Данные, полученные в результате анализа финансового состояния бюджета, могут быть использованы для интегральной оценки состояния местных бюджетов и построения рейтинга муниципальных образований по критерию бюджетной обеспеченности. Для этого требуется определение весовых значений коэффициентов, определение типов муниципальных образований в зависимости от значений интегрального коэффициента и установление пороговых значений уровня финансового состояния для отнесения муниципалитетов к определённому типу по уровню бюджетной обеспеченности.

Предложенные показатели могут лежать в основе механизма бюджетного регулирования. Методика может быть использована для принятия управленческих решений в части повышения эффективности управления муниципальными финансами.

1. Коротина, Н.Ю. Проблемы финансовой обеспеченности муниципальных образований поселенческого типа (по материалам Челябинской области) [Текст] / Н.Ю. Коротина // Муниципалитет: экономика и управление. 2013. № 2 (5), сентябрь. С. 65–70.

2. Коротина, Н.Ю. Финансовая самостоятельность муниципальных образований: методологические основы, методика оценки и особенности обеспечения в Российской Федерации [Текст] / Н.Ю. Коротина // в кн. Развитие социально-экономических процессов: концепции, гипотезы исследования. Челябинск, 2013. С. 152–166.

3. Кузнецова, Е.В. Оценка качества сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации [Текст] / Е.В. Кузнецова // Финансы. 2011. № 2. С.15–19.

References

1. Korotina N.Ju. *Municipalitet: jekonomika i upravlenie*, 2013, no. 2 (5), pp. 65–70 (in Russian).

2. Korotina N.Ju. *Finansovaja samostojatel'nost' municipal'nyh obrazovanij: metodologicheskie osnovy, metodika ocenki i osobennosti obespechenija v Rossijskoj Federacii* [Financial autonomy of municipal units: methodological basis, methods of evaluating and peculiarities providing in the Russian Federation]. *Razvitie social'no-jekonomicheskikh processov: koncepcii, gipotezy issledovanija* (Development of social and economic processes: conceptions, hypothesis of the research). Cheljabinsk, 2013, pp. 152–166 (in Russian).

3. Kuznecova E.V. *Finansy*, 2011, no. 2, pp.15–19 (in Russian).

UDC 336.051

PRACTICAL APPROVAL OF THE METHODOLOGY OF DIAGNOSING THE FINANCE OF THE MUNICIPAL BUDGETS

Korotina Natalya Yuryevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Head of the Chair Of Economics and Finance, Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: korotina@rane74.ru

Annotation

The article presents practical approval of the methodology of diagnosing the finance of the municipal budgets basing on the research of the four largest cities of Chelyabinsk region. The suggested method allows estimating the balance, financial independence, fiscal stability and the debt policy of municipalities, municipal orientation of fiscal policy in the sphere of budget costs.

Key concepts:

municipal budget,
balance of local budget,
stability of local budget,
the debt policy,
the municipal budget policy.

УДК 658.5

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: МЕТОДИКА ОЦЕНКИ

Артёмова Ольга Васильевна,
Уральский социально-экономический
институт (филиал) Академии труда и
социальных отношений,
директор,
доктор экономических наук,
профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: rect@ursei.ac.ru

Зубков Михаил Сергеевич,
ООО «Южноуральский
механический завод»,
начальник отдела коммерции и МТС,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: zubkov@yurmz.ru

Аннотация

В статье представлена методика оценки экономической устойчивости промышленного предприятия, включающая формирование системы из четырёх блоков показателей, определение критериев балльной оценки их статических и динамических значений. Методика получила апробацию на двух отечественных промышленных предприятиях, результаты которой за 2008–2012 гг. представлены в статье.

Ключевые понятия:
экономическая устойчивость,
эффективность функционирования,
стабильность развития,
выполнение обязательств,
независимость решений.

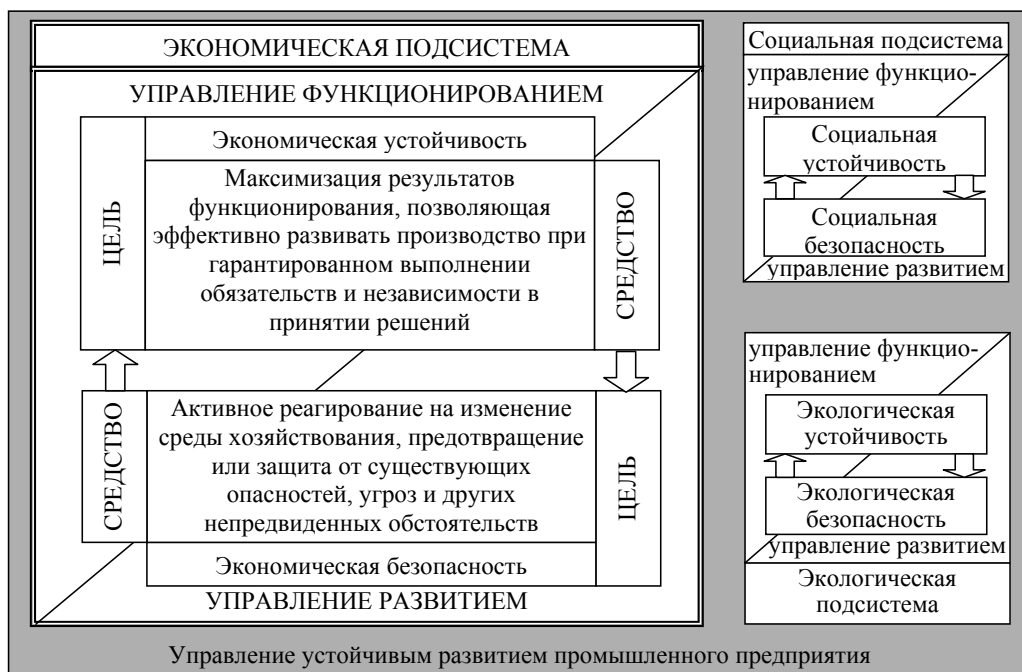
Производственно-хозяйственная деятельность промышленных предприятий в течение последнего века привела к существенному ухудшению состояния биосферы: сокращаются природные ресурсы, накапливаются вещества, приводящие к ухудшению окружающей природной среды в экономических системах разных территориальных уровней. Данные последствия влекут потерю устойчивости прежде всего экономических систем, осуществляющих активную промышленную деятельность, что в дальнейшем может привести к бифуркации социо-эколого-экономической среды как этих территорий, так и биосферы в целом [3, с. 3]. Исследуя проблему устойчивости экономической системы, нельзя не затронуть её терминологический аспект. Мы поддерживаем мнение ряда авторов в части трактовки терминов «устойчивость экономической системы», «устойчивое развитие», «экономическая устойчивость». В частности, «устойчивое развитие» – в формулировке ООН – развитие общества, которое позволяет удовлетворять потребности нынешних поколений, не нанося при этом ущерба возможностям, оставляемым в наследство будущим поколениям для удовлетворения их собственных потребностей [4, с.125]. Устойчивое развитие любой экономической системы предполагает сбалансированное функционирование всех её элементов. Экономическая устойчивость является одним из видов устойчивости, традиционно включающими: производственную, энергетическую, социально-экологическую, финансово-экономическую и рыночную устойчивость [2, с. 8].

Экономическая устойчивость предприятия рассматривается нами как состояние эффективного функционирования и стабильного развития предприятия в условиях возможности выполнения обязательств и независимости в принятии ключевых управленческих решений.

Взаимосвязь и место экономической устойчивости в контуре управления развитием промышленного предприятия отражена на рис. 1.

Оценка уровня экономической устойчивости промышленного предприятия, исходя из авторской трактовки термина «экономическая устойчивость», проводится с использованием сбалансированной системы показателей по следующим блокам: 1) оценка эффективности функционирования; 2) оценка стабильности развития; 3) оценка степени выполнения обязательств; 4) оценка независимости в принятии решений.

Рис. 1. Взаимосвязь и место экономической устойчивости в контуре управления устойчивым развитием промышленного предприятия

1. Оценка эффективности функционирования промышленного предприятия

Функционирование экономической системы (предприятия) есть процесс переработки (преобразования) предприятием ресурсов в продукты производства, удовлетворяющие общественные потребности в материальных благах (товарах, услугах). Применительно к экономике промышленного предприятия функционирование есть процесс преобразования ресурсов (посредством их расходования) в результаты деятельности, характеризующийся определенным уровнем эффективности. Ресурсы и эффективность рассматриваются в качестве средств достижения цели – результата.

Оценка эффективности функционирования деятельности проводится на основе формул Дюпона.

Формула Дюпона для экономической рентабельности показывает зависимость показателя экономической рентабельности (R_k) от рентабельности оборота (R_u), отражающей эффективность управления затратами, ассортиментом, ценами и коэффициента деловой активности ($K_{дак}$), отражающего преимущественно эффективность управления оборотным капиталом.

$$R_k = R_u \times K_{дак}$$

Формула отражает эффективность использования капитала предприятия, привлекаемого для осуществления всех видов производственно-хозяйственной деятельности. При этом на эффективность функционирования предприятия (уровень и динамику экономической рентабельности) оказывает влияние как эффективность управления затратами, ассортиментом, ценообразованием (отражающаяся на уровне рентабельности оборота), так и эффективность управления оборотным капиталом (запасами, дебиторской и кредиторской задолженностями), отражающаяся на величине и динамике коэффициента деловой активности.

Формула Дюпона для финансовой рентабельности показывает зависимость показателя финансовой рентабельности ($R_{ск}$) от нормы прибыли ($H_{пр}$) – отношения чистой прибыли к выручке, коэффициента деловой активности ($K_{дак}$) и финансового рычага ($ФР$), характеризующего структуру капитала и отражает эффективность использования собственного капитала (степень выполнения целей и ожиданий собственников предприятия).

$$R_{ск} = H_{пр} \times K_{дак} \times ФР.$$

Эффективность использования собственного капитала прежде всего отражает степень выполнения целей и ожиданий собственни-

ков предприятия, показывает, в какой мере стратегические направления инвестиций приносят отдачу на вложенный в бизнес капитал, с учётом эффективности управления прочими доходами и расходами (влияющими на уровень нормы прибыли), капиталом в части его объёма и структуры (что оказывает влияние на уровень коэффициента деловой активности и финансового рычага).

2. Оценка стабильности развития промышленного предприятия

Развитие – необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов [5, с. 409]. Только одновременное наличие всех трёх указанных свойств выделяет процессы развития среди других изменений: обратимость изменений характеризует процессы функционирования (циклическое воспроизведение постоянной системы функций); отсутствие закономерности характерно для случайных процессов катастрофического типа; при отсутствии направленности изменения не могут накапливаться, и поэтому процесс лишается характерной для развития единой, внутренне взаимосвязанной линии. В результате развития возникает новое качественное состояние объекта, которое выступает как изменение его состава или структуры (то есть возникновение, трансформация или исчезновение его элементов или связей). Оценка стабильности развития проводится на основе сопоставления динамики капитала и финансовых результатов с «Золотым правилом бизнеса»:

$$I_{QPчист} > I_{QP} > I_{QC} > I_K > 1,0.$$

Основной смысл которого заключается в обеспечении опережающих темпов роста конечных финансовых результатов – чистой прибыли ($QPчист$) над темпами роста валовой прибыли, что обеспечивается за счёт эффективного управления коммерческими, управленческими, прочими расходами и доходами; превышения темпа роста валовой прибыли над темпом роста первичного экономического результата (выручки), которая в свою очередь должна расти быстрее привлечённого в бизнес капитала.

3. Оценка степени выполнения обязательств промышленным предприятием

Обязательства предприятия с экономической точки зрения связаны с определением его платёжеспособности – то есть, способности в срок и в полном объёме погасить кредиты и кредиторскую задолженность.

Оценка степени выполнения обязательств может быть реализована на основе «Золотого правила финансирования» [1]:

$$I_{ЦК} > I_{П} > I_{В} > 1,0,$$

где $ЦК = \sum_{t=0}^N (П_t - В_t) \times q^{-t}$ – ценность капитала, разность между дисконтированными поступлениями ($П$) и выплатами ($В$) за ряд периодов;

$П_t$ – поступления в период t ; $В_t$ – выплаты в период t ;

N – число периодов;

t – текущий индекс периода ($t=0, \dots, N$);

q – фактор дисконтирования ($1+i$), где i – ставка процента, выраженная в десятичных дробях.

«Золотое правило самофинансирования» выполняется при условиях 1 и 2.

Условие 1: $I_{QC} > I_{QC}$ при котором выручка должна расти быстрее, чем совокупные затраты предприятия (QC).

Условие 2: $I_{QC} < I_{QC}$ и $I_{A1230} < I_{П1520}$ при котором выручка растёт медленнее, чем совокупные затраты предприятия, но при этом дебиторская задолженность растёт медленнее кредиторской.

Недостаток эффективности в части формирования финансовых результатов и затрат может быть компенсирован за счёт повышения эффективности управления оборотным капиталом предприятия.

4. Оценка независимости промышленного предприятия в принятии решений

Независимость в принятии решений во многом определяется структурой капитала и спецификой построения взаимоотношений с контрагентами предприятия и оценивается в первую очередь показателями финансовой и рыночной устойчивости, которые также могут быть сгруппированы в «Золотое правило устойчивости»:

$$I_{COC} > I_{КФНЗ} / I_{УПК} \geq 1,000,$$

где COC – собственные оборотные средства предприятия (разница между перманентным капиталом и внеоборотными активами);

$К_{ФНЗ}$ – коэффициент финансовой независимости (доля собственного капитала в совокупном);

$У_{ПК}$ – уровень перманентного капитала предприятия показывает долю собственных финансовых ресурсов в составе (актива) пассива. Чем выше показатель, тем выше финансовая и рыночная устойчивость предприятия.

Для интегральной оценки уровня экономической устойчивости предприятия данные показатели должны быть оценены на основе системы критериев и наделены весом. Использование интегрального показателя оценки экономической устойчивости позволит проводить сравнительный анализ

экономической устойчивости как предприятий, так и холдинговых структур.

Критерии балльной оценки показателей и взаимосвязей методики оценки уровня экономической устойчивости представлены в таблице 1.

Исходными данными для реализации оценки экономической устойчивости двух предприятий одной отрасли (ОАО «Синарский трубный завод», ОАО «Северский трубный завод») послужили данные официальной бухгалтерской отчётности. Результаты апробации методики за период с 2010 по 2012 год – в таблице 2.

Графическая интерпретация полученных результатов представлена на рис. 2.

При проведении исследования вес каждой из четырёх составляющих принимался равным 25 %. Вес показателей внутри составляющей определялся как отношение 25 % к числу оцениваемых параметров, которых в составляющей «Эффективность функционирования» – 7, в составляющей «Стабильность развития» – 5, в остальных составляющих по 4. Максимальная оценка каждой составляющей 0,75 балла.

На обоих предприятиях отмечается сокращение уровня экономической устойчивости в период с 2010 по 2012 г., что связано с нарастанием напряжённости на трубном рынке РФ. В 2012 году ситуация ухудшается на обоих предприятиях по блоку оценки стабильности развития, что связано на ОАО «Синарский трубный завод» с сокращением инвестированного

капитала, а на ОАО «Северский трубный завод» – с падением коэффициента деловой активности. При стабильности оценок прочих составляющих на ОАО «Синарский трубный завод», на ОАО «Северский трубный завод» отмечено сокращение балльной оценки по составляющей «Эффективность функционирования», что связано в низкими значениями экономической рентабельности и ростом показателя финансового рычага, превышающего нормативное значение в 1,5 раза, а также по показателям «Оценки степени выполнения обязательств» – отмечена отрицательная динамика поступлений и выплат, снижение чистого денежного потока.

Интегральные оценки уровня экономической устойчивости на ОАО «Северский трубный завод» в 2011–2012 гг. превышают значения ОАО «Синарский трубный завод», однако их снижение более интенсивно (с 2,245 до 2,096) по сравнению с динамикой интегрального показателя ОАО «Синарский трубный завод» (2,146 снижается до 2,046), то есть второе предприятие обладает большим запасом прочности, и негативные тенденции на нём не столь существенны.

Предложенный подход к оценке экономической устойчивости промышленного предприятия с использованием сбалансированной системы показателей отличается от существующих подходов выделением четырёх «областей» экономической устойчивости: функционирование, развитие, выполнение обязательств и самостоятельность в приня-

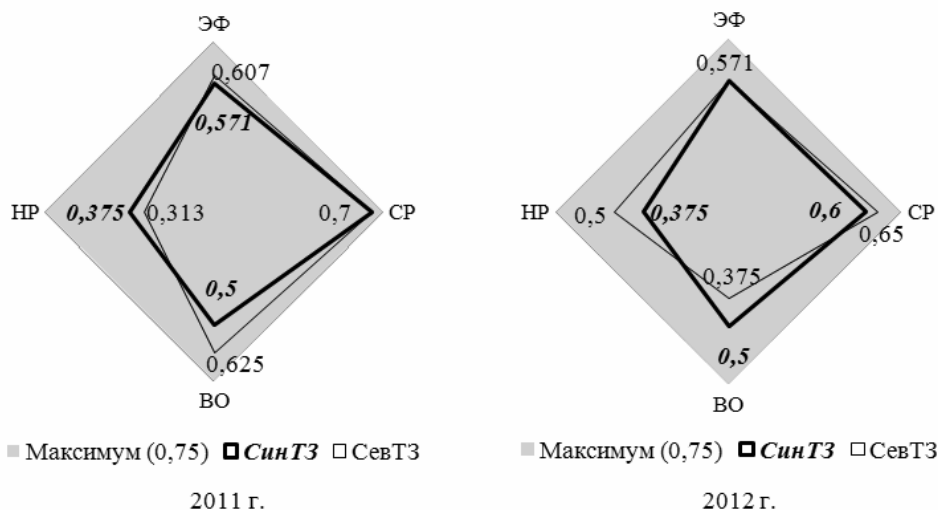

Рис. 2. Результаты оценки уровня экономической устойчивости ОАО «Синарский трубный завод» (СинТЗ) и ОАО «Северский трубный завод» (СевТЗ) в 2011 и 2012 гг.

Критерии балльной оценки показателей и взаимосвязей методики оценки уровня экономической устойчивости

Показатели	Критерии оценки, в баллах		
	1	2	3
Оценка эффективности функционирования			
Экономическая рентабельность	<0	$0-d, >1, <1$	$>cr, >1$
Рентабельность оборота	<0	$>0, <1$	$>0, >1$
Коэффициент деловой активности	$ <1$	$ =1$	$ >1$
Динамика формулы Дюпона для экономической рентабельности ($I_{Рк} > I_{Рц} > I_{Кдак}$)	Не выполняется	Выполняется частично	Выполняется
Финансовая рентабельность	<0	$0-d, >1$	$>dep, >1$
Норма прибыли	<0	$>0, <1$	$>0, >1$
Финансовый рычаг	>2	$<2, >1$	$<2, <1$
Динамика формулы Дюпона для финансовой рентабельности ($I_{Рск} > I_{Нпр} > I_{Кдак} > I_{ФР}$)	Не выполняется	Выполняется частично	Выполняется
Оценка стабильности развития			
Чистая прибыль	<0	$>0, <1$	$>0, >1$
Прибыль от продаж	<0	$>0, <1$	$>0, >1$
Выручка от реализации	$>0, <0,5$	$>0, <1$	$>0, >1$
Капитал в среднегодовом измерении	$ <1$	$ >1$	$ =1$
Золотое правило бизнеса ($I_{Опчист} > I_{Оп} > I_{Оц} > I_{К} > 1,000$)	Не выполняется	Выполняется частично	Выполняется
Оценка степени выполнения обязательств			
Ценность капитала	<0	$>0, <1$	$>0, >1$
Поступления	$>0, <0,5$	$>0, <1$	$>0, >1$
Выплаты	$>0, <0,5$	$>0, <1$	$>0, >1$
Золотое правило финансирования ($I_{Цк} > I_{п} > I_{в} > 1,000$)	Не выполняется	Выполняется частично	Выполняется
Условие 1: $I_{Оц} > I_{Ос}$	Не выполняется	Выполняется частично	Выполняется
Условие 2: $I_{Оц} < I_{Ос}$ и $I_{А240} < I_{п620}$	Не выполняется	Выполняется частично	Выполняется
Оценка независимости в принятии решений			
Собственные оборотные средства	<0	$>0, <1$	$>0, >1$
Коэффициент финансовой независимости (коэффициент автономии)	$<0,5$	$>0,5, <1$	$>0,5, >1$
Уровень перманентного капитала предприятия	$<0,6$	$>0,6, <1$	$>0,6, >1$
«Золотое правило устойчивости» ($I_{Сос} > I_{Кфнз} \geq I_{Упк} > 1,000$)	Не выполняется	Выполняется частично	Выполняется

Таблица 2

Результаты анализа экономической устойчивости предприятий

Показатели	Вес, %	ОАО «Синарский трубный завод»				ОАО «Северский трубный завод»			
		Оценка		Взвешенная оценка		Оценка		Взвешенная оценка	
		2011	2012	2011	2012	2011	2012	2011	2012
Экономическая рентабельность, %	3,571	2	2	0,071	0,071	2	2	0,071	0,071
Рентабельность оборота, %	3,571	3	3	0,107	0,107	3	3	0,107	0,107
Коэффициент деловой активности, оборотов в год	3,571	3	3	0,107	0,107	3	2	0,107	0,071
Финансовая рентабельность, %	3,571	2	2	0,071	0,071	3	3	0,107	0,107
Норма прибыли, %	3,571	3	3	0,107	0,107	3	3	0,107	0,107
Финансовый рычаг	3,571	1	1	0,036	0,036	1	1	0,036	0,036
Выполнение формул Дюпона в динамике	3,571	2	2	0,071	0,071	2	2	0,071	0,071
Оценка эффективности функционирования	25	~~X~~	~~X~~	0,571	0,571			0,607	0,571
Чистая прибыль, млн руб.	5	3	3	0,150	0,150	3	3	0,150	0,150
Прибыль от продаж, млн руб.	5	3	3	0,150	0,150	3	3	0,150	0,150
Выручка от реализации, млн руб.	5	3	3	0,150	0,150	3	3	0,150	0,150
Капитал в среднегодовом измерении, млн руб.	5	2	1	0,100	0,050	2	2	0,100	0,100
Выполнение «Золотого правила бизнеса»	5	3	2	0,150	0,100	3	2	0,150	0,100
Оценка стабильности развития	25	~~X~~	~~X~~	0,700	0,600			0,700	0,650
Ценность капитала, млн руб.	6,25	1	3	0,063	0,188	3	2	0,188	0,125
Поступления, млн руб.	6,25	3	2	0,188	0,125	3	1	0,188	0,063
Выплаты, млн руб.	6,25	3	2	0,188	0,125	3	2	0,188	0,125
Выполнение «Золотого правила финансирования»	6,25	1	1	0,063	0,063	1	1	0,063	0,063
Оценка степени выполнения обязательств	25	~~X~~	~~X~~	0,500	0,500			0,625	0,375
Собственные оборотные средства, млн руб.	6,25	2	2	0,125	0,125	1	3	0,063	0,188
Коэффициент финансовой независимости (коэффициент автономии)	6,25	1	1	0,063	0,063	1	1	0,063	0,063
Уровень перманентного капитала предприятия	6,25	2	2	0,125	0,125	2	3	0,125	0,188
Выполнение «Золотого правила устойчивости»	6,25	1	1	0,063	0,063	1	1	0,063	0,063
Оценка независимости в принятии решений	25	~~X~~	~~X~~	0,375	0,375			0,313	0,500
Интегральная оценка уровня экономической устойчивости	100	~~X~~	~~X~~	2,146	2,046			2,245	2,096

тии решений и позволяет выявить степень влияния каждого направления на интегральную оценку экономической устойчивости. Что предопределяет перспективные направления научного исследования, направленные на совершенствование механизма управления экономической устойчивостью промышленного предприятия, заключающиеся в разработке частных алгоритмов управления эффективным функционированием, развитием, гарантированным выполнением обязательств и эффективным принятием решений. Использование балльной оценки при расчёте интегрального показателя экономической устойчивости позволяет проводить сравнительный анализ промышленных предприятий в ретроспективе.

1. Зубков, М.С. Подходы к обеспечению экономической устойчивости промышленного предприятия [Текст] / М.С. Зубков, М.Я. Ходоровский // Государственный аудит: право, экономика. М., 2012. № 3. С. 58–67.

2. Павлова, О.Ю. Обеспечение устойчивости предпринимательских структур целлюлозно-бумажной промышленности на основе системы нормативных показателей [Текст] / О.Ю. Павлова: автореф. дисс. канд. экон. наук. по спец. 08.00.05. СПб.: СПбГИЭУ, 2011. 18 с.

3. Постников, Е.А. Совершенствование методов оценки и прогнозирования устойчивости экономических систем [Текст] / Е.А. Постников: автореф. дисс. канд. экон. наук. по спец. 08.00.05. Челябинск: ЧелГУ, 2005. 24 с.

4. Пряхина, А. Организационно-экономическая устойчивость промышленного предприятия: теоретические аспекты [Текст] / А. Пряхина // Предпринимательство. 2011. № 11. С. 125–130.

5. Развитие [Текст] // Большая советская энциклопедия. В 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 21. С.409.

References

1. Zubkov M.S., Hodorovskij M.Ja. *Gosudarstvennyj audit: pravo, jekonomika*, 2012, no. 3. pp. 58–67 (in Russian).

2. Pavlova O.Ju. *Obespechenie ustojchivosti predprinimatel'skih struktur celljulozno-bumazhnoj promyshlennosti na osnove sistemy normativnyh pokazatelej* [Providing stability of pulp and paper enterprises on the basis of the system of standard indicators]. St.Petersburg, SPbGIIeU, 2011, 18 p. (in Russian).

3. Postnikov E.A. *Sovershenstvovanie metodov ocenki i prognozirovaniya ustojchivosti jekonomicheskij system* [Perfecting methods of evaluating and forecasting stability of economic systems]. Cheljabinsk, ChelGU, 2005, 24 p. (in Russian).

4. Prjahina A. *Predprinimatel'stvo*, 2011, no. 11, pp. 125–130 (in Russian).

5. Razvitie [Развитие]. *Bol'shaja Sovetskaja Jenciklopedija*. V 30 t. (Great Soviet Encyclopedia). Moscow, Sovetskaja jenciklopedija, 1971, T. 21, p.409 (in Russian).

UDC 658.5

ECONOMIC STABILITY OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISE: ASSESSMENT TECHNIQUE

Artyomova Olga Vasilyevna,

Ural Social Economical Institute (branch) Of the Academy of Labor and Social Relations, Director, Doctor of Economical Sciences, Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: rect@ursei.ac.ru

Zubkov Mikhail Sergejevich,

LLC "South Ural Mechanical Plant", Head of the Sales and MTS Department, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: zubkov@yurmz.ru

Annotation

The technique of an assessment of industrial enterprise economic stability is presented in the article, including four blocks of indicators system formation, definition of criteria of a mark assessment of their static and dynamic values. The technique received approbation at two domestic industrial enterprises which results for 2008–2012 are presented in the article.

Key concepts:

economic stability,
efficiency of functioning,
stability of development,
implementation of obligations,
independence of decisions.

УДК 101.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТАФИЛОСОФИИ

Усов Владимир Николаевич,

Челябинский государственный педагогический университет, профессор кафедры философии и культурологии, доктор философских наук, доцент, г. Челябинск, Россия
E-mail: usov_vn@mail.ru

Аннотация

У истоков многообразных жизненных проблем автор обнаруживает фундаментальное различие подлинной философии и псевдофилософии. При этом внимание, естественно, обращается на преподавание самой философии, где её рефлексия требует особого профессионализма.

Ключевые понятия:

метафилософия, философия, псевдофилософия, мудрость, глупость.

В «Золотом телёнке» И. Ильфа и Е. Петрова есть описание такой ситуации: «Дружелюбный смех костыльщиков, среди которых были силачи, забивающие костыль одним ударом, сопутствовал этой операции. Однако мягкие удары о землю вскоре стали перемежаться звоном, свидетелемствовавшим, что молот иногда приходит в соприкосновение с костылём. Размахивали молотами секретарь крайкома, члены правительства, начальник Севера и Юга и гости. Самый последний костыль в каких-нибудь полчаса заколотил в шпалу начальник строительства» [8, с. 683]. Представленная комичность здесь возникает как следствие видимости серьёзной работы в некий ответственный момент.

В жизни аналогичных примеров множество. Таким образом, в искусстве выделяется псевдоискусство («мыльные оперы», «мелодрамы» типа «Богатые тоже плачут» или «Улицы разбитых фонарей»); в религии выделяется псевдорелигия (представленная различными тоталитарными сектами типа сатанистов); в спорте выделяется псевдоспорт (в частности, сопряжённый с употреблением допингов, договорные матчи); в образовании выделяется псевдообразование (обозначенное фальшивыми дипломами, диссертациями); в науке выделяется псевдонаука (по данным ИТАР-ТАСС, Президент РАН В. Фортов заявил, что в современном мире примерно половина учёных занимается лженаукой [6]) и т.д.

В основе всех этих видов и форм «псевдо», в конечном счете, лежит элементарная глупость.

Подобно тому, как продуктом подлинной философии является мудрость, глупость порождается псевдофилософией. (Заметим, что термин «псевдофилософия» употреблял ещё Г. Шпет [15, с. 311–365]). Поскольку всё чаще мы сталкиваемся с неумением отличить право от этики (пример телевизионного канала «Дождь»), политику от права (например, выражающееся в гейпропаганде), светские ценности от религиозных (в частности, недавние пляски молодых девушек в церкви), эротику от порнографии (многочисленные дискуссии в СМИ, среди депутатов Госдумы) и т.д., задача их различения становится в настоящее время одной из важнейших для нашего общества проблем.

Нередко её решение сводится к двум простейшим вариантам:

1) либо к полному отрицанию определённого «негатива» («Секса у нас нет», – говорила советская участница телемоста меж-

ду Ленинградом и Бостоном в 1986 году Л.Н. Иванова [4]; «В Сочи геев нет», – говорит сейчас мэр столицы зимних Олимпийских игр А.Н. Пахомов [13]);

2) либо к слепому копированию западных образцов (так, в названиях улиц появились «Сити»; «милиция» была переименована в «полицию»). Своеобразным символом механизма такого копирования стал пресловутый «индекс цитирования», внедряемый в качестве показателя эффективности научной работы среди наших ученых [9].

Различие философии и псевдофилософии является метафилософской проблемой, возникающей при философском осмыслении самой философии (на необходимость этого различения особое внимание обращал Дитрих фон Гильдебранд [5, с. 5–16, 209–225, 348]). Из неё вытекает бесконечное множество конкретизирующих проблем.

Что в этом плане мы сегодня имеем в преподавании философии? В настоящее время у нас есть не менее двух сот её учебников. Однако приемлемых для профессионального использования – не более двадцати. Да и то приемлемых с определёнными оговорками: чаще всего в них более-менее удачным является какой-то раздел, какой-то параграф или какой-то отдельный фрагмент текста. Причём ни в одном из них нет достаточно полного и ясного изложения предмета, метода и цели самой философии. Но с них-то и начинается метафилософия.

Существуют разнообразные определения философии. Однако все они, так или иначе, имеют своим истоком этимологию её термина. Как известно, впервые его начал использовать древнегреческий философ Пифагор. В переводе «философия» означает «любовь к мудрости». «Любовь» при этом понимается как бесконечное стремление к мудрости, которая противостоит многообразным проявлениям глупости.

Таким образом, конечной целью философии, её идеалом становится мудрость. Мудрость, как специфический (ситуативный) сплав глубоких знаний, ценностных представлений и образа действия, заключается в приращении оснований культуры. Причём предметом философии оказываются любые явления культуры, а её результатом (продуктом) – их предельные основания. Методом философии, т.е. способом философствования, является рефлексия. Философская рефлексия есть саморефлексия, т.е. рефлексия над рефлексией и неререфлексией.

Она позволяет человеку осмыслить и осознать своё отношение к миру.

Философская рефлексия также подразделяется на воспроизводящую, т.е. на выявляющую предельные основания культуры и производящую, полагающую её предельные основания. Воспроизводящая философская рефлексия находит своё выражение в форме мировоззренческой теории (в метафизике), производящая философская рефлексия представляется как теоретическое мировоззрение и выражается в прикладной форме. Противоречия этих противоположных тенденций преодолеваются в реальной истории философии. Отсюда же следуют и основные разделы в изложении философии: 1) история философии, 2) философская теория и 3) прикладная философия. В учебной практике такое подразделение подтверждается.

История философии – необходимая составная часть философского образования. Она представляет реальные предпосылки философствования – в виде образцов философского мировоззрения и философского мышления (для профессиональных философов, естественно, она является более важной. Поэтому должна изучаться ими довольно подробно. Однако для специалистов другого профиля важны лишь её основные идеи, определяющие эпохальные изменения в культуре. Поэтому при первоначальном изучении истории философии им можно ограничиваться этими идеями).

Философская теория – это концептуальная система современного философского знания. Её усвоение даёт определённый понятийный (категориальный) аппарат, являющийся необходимым условием (и средством) для решения различных философских проблем.

Прикладная философия – философия жизни, философия науки, философия техники и т.д. В обобщённой форме – это вся так называемая «социальная философия» (ранее – истмат). Усвоение прикладной философии придаёт философскому образованию определённый жизненный смысл.

Указанные разделы философии взаимно переплетаются и обуславливают друг друга. Это даёт основания для различных вариантов (сочетаний) в её изложении. Однако их качественное отличие и различное назначение (различная роль) существенны. И это надо иметь в виду во всех случаях.

В настоящее время наиболее важным представляется последний раздел приклад-

ной философии. В него вписывается и «философия образования».

«Философия образования» – сравнительно молодая ветвь современной прикладной философии, хотя её предпосылки находятся в глубокой древности и на Западе, и на Востоке. В этой области фиксируется много важных и злободневных проблем. В российском обществе они, как правило, усугубляются непрерывными реформами системы образования. Решения собственно философских проблем здесь также могут быть удачными и неудачными. К образованию человека вполне применимо и метафилософское различение подлинной философии и псевдофилософии. Естественно, его можно проиллюстрировать примером «компетентностного подхода» [2, с. 107–108] к преподаванию самой философии.

Внедряемая в настоящее время схема преподавания философии выглядит так: знания + умения + навыки. Соответственно, формулируются требования к результатам обучения: знать, уметь, владеть. Очевидно, этот подход эклектичен по сути, ориентирован на экстенсивное образование (т.е. на определённое количество знаний, умений и навыков). Какие конкретные знания являются философскими? Какие конкретные умения даёт философия? Какие конкретные навыки пригодятся в жизни? На эти вопросы уверенно вряд ли ответит и профессиональный преподаватель, преподающий саму философию. Однако выраженные в количественных показателях, они предлагаются в качестве критериев экзаменационных оценок.

Кант в своё время говорил, что научить философии нельзя, научить можно только философствовать [11, с. 682–683; 12, с. 277–282]. Философствовать – значит мыслить, осмысливать и понимать различные явления. В основе такого различия в качестве цели образования, соответственно, и в роли критерия оценки усвоения философии людьми, оказывается именно их понимание [7]. Подчёркнём, что здесь идёт речь о *философии* образования, т.е. не просто об образовании как таковом.

Понимание возникает на основе знаний и очерчивает сферу возможных действий человека, т.е. того, что он может сделать. А это и есть его умения, которые при систематическом повторении превращаются в навыки [3, с.153–166].

Философские знания, т.е. знания всеобщих, предельных оснований бытия и мышления являются главным продуктом философской теории. Прикладная фило-

софия должна давать не столько знания, сколько умения философски мыслить, решать философские проблемы в различных областях культуры. Навыки философствования определяются собственным опытом, чему способствует изучение истории философии.

Феномены псевдообразования в современном российском обществе многочисленны и разнообразны. Проблемы с ЕГЭ, коммерциализацией образования, разрыв образования, воспитания и т.д. свидетельствуют об отсутствии продуманных ценностных оснований педагогической деятельности. Как следствие, умы молодёжи заполняются современными «идолами»: «рода», «пещеры», «театра» и «рынка» (выделенными Ф. Бэконом).

Реализация Болонского соглашения создает технологическую иллюзию соответствия российской вузовской системы образования западной. Иллюзию потому, что дипломы об образовании по-прежнему остаются неравноценными, невзаимозаменяемыми.

Вводимые в вузах в качестве нормативных документов учебные программы по разным предметам чаще всего лишь призрачно намекают на содержание современной постнеклассической науки. Они изобилуют вымышленными компетенциями [10; 1]. Причём общепринятое понятие компетенции в настоящее время также отсутствует [14].

Без компетенций, конечно, не бывает профессионализма. Компетентность является своего рода операциональной способностью, позволяющей перейти от ремесла к мастерству, далее – к искусству. Профессional – это человек, в совершенстве владеющий своим делом.

Без профессионализма не может быть и подлинной философии. Она вырождается в псевдофилософию, генерирующую глупость универсально. От последней, заметил Кант, лекарства нет [11, с. 218].

Любовь к мудрости возникает тогда, когда она (мудрость) отличается от глупости. Как мотив деятельности, поведения, жизни философия становится призванием человека. Призвание выражается в творчестве. Результаты творчества, произведения всегда несут авторский дух (печать творца, автора). Рефлексивная взаимосвязь компетентности в философии и мотивации к философии нарастает как снежный ком, расширяя зону призвания и профессионализма. Речь в итоге заводится о призвании к данной профессии.

Философская компетентность определяет уровень философского профессионализма. Характеризуя степень развития (развитость) философской рефлексии, философский профессионализм выражает способность человека творчески мыслить, его способность самостоятельно решать различные философские проблемы. Критериями развития философской рефлексии оказываются возникающие в таких случаях синергетические эффекты. Они бывают положительными и отрицательными. Примерами таких положительных синергетических эффектов могут быть совместные победы в любой языковой игре (в смысле Витгенштейна), в любой дискуссии, в любом соревновании, в любом сражении и т.д. Примерами отрицательных синергетических эффектов оказываются в них обоюдные Поражения. Аналогичными примерами являются общие Праздники и Будни, Торжества и Панические настроения, состояния платонических Вдохновений (Экстаза) и Муки творчества, др.

Мудрость обладает характером положительного синергетического эффекта, поэтому она столь притягательна для человека. Как конечная цель, она определяет не только специфику философии. Используемая в качестве критерия, мудрость выступает в роли главного регулятора человеческой деятельности во всех областях культуры.

В отличие от мифологии, продуцирующей различные фантазмы и вымыслы, и религии, утверждающей веру во всевозможные чудеса, философия осмысливает реальные ситуации. Причём её критическая (эмансипирующая, освобождающая от многообразных форм «псевдо») роль совмещается с творческой. В этом заключается сила влияния философии на жизнедеятельность человека.

1. Азарова, Р.Н. Разработка паспорта компетенции: Методические рекомендации для организаторов проектных работ и профессорско-преподавательских коллективов вузов [Электронный ресурс] / Р.Н. Азарова, Н.М. Золотарева. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2010. 52 с. URL: http://main.isuct.ru/files/edu/umu/metod_razrab_PK.pdf (дата обращения: 22.02.2014).

2. Азимов, Э.Г. Компетентностный подход. Компетентность. Компетенция [Текст] / Э.Г. Азимов, А.Н. Шукин // Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

3. Айсмонтас, Б.Б. Усвоение знаний, умений, навыков [Текст] / Б.Б. Айсмонтас. Педагогическая психология. Учебное пособие для студентов. М.: МГППУ, 2004. 368 с.

4. В СССР секса нет [Электронный ресурс] // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/В_СССР_секса_нет (дата обращения: 17.02.2014).

5. Гильдебранд, Дитрих фон. Что такое философия? [Текст] / Дитрих фон Гильдебранд / пер. с нем. А.И. Смирнова. СПб.: «Алетейя», ТОО «Ступени», 1997. 374 с.

6. Глава РАН оценил число лжеучёных [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. URL: <http://rusevik.ru/ekonomika...glava-ran...lzheuchenyh.html> (дата обращения: 17.02.2014).

7. Ильинский, И.М. Понимание как цель образования [Текст] / И.М. Ильинский, П.С. Гуревич // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С.5–15.

8. Ильф, И. Золотой телёнок [Текст] / И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, Золотой телёнок. СПб.: ООО «Издательство «Кристалл»», 1999. 752 с.

9. Индекс цитирования – инструмент, а не цель! [Электронный ресурс] // Интервью С. Шахрашанэ с вице-президентом РАН, академиком В.В. Козловым и доктором философских наук, заведующей отделом Института философии РАН Н.В. Мотрошиловой; Арнольд Д., Фаулер К. Гнусные цифры / перевод: С. Кузнецова, ИСП РАН. URL: <http://ras.ru/news/shownews.aspx?id=e0587895-686c-42af...> (дата обращения: 17.02.2014).

10. Инновационные подходы к проектированию основных образовательных программ по направлению подготовки высшего профессионального образования «Философия»: Проектные разработки / сост. и общ. ред. проф. В.В. Мионов. М.: Изд-во МГУ, 2007. 166 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://inpro.msu.ru/files/nmo/books/philosophy.pdf> (дата обращения: 22.02.2014).

11. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

12. Кант, И. Логика, 1800, III. Понятие философии вообще. – Философия по школьному понятию и по понятию о мире. – Существенные потребности и цели философствования. – Самые общие и высшие задачи этой науки [Текст] / И. Кант. Соч. в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. 718 с.

13. Мэр Пахомов: В Сочи геев нет [Электронный ресурс]. URL: <http://vedomosti.ru/sochi...news...mer-pahomov...sochi-geev-net> (дата обращения: 17.02.2014).

14. Философско-методологические основания построения современной теории компетенции. Александр Попов. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3323> (дата обращения: 17.02.2014).

15. Шпет, Г.Г. Мудрость или разум? [Текст] / Г.Г. Шпет // *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 624 с.

References

1. Azarova R.N., Zolotareva N.M. *Razrabotka pasporta kompetencii: Metodicheskie rekomendacii dlia organizatorov proektnyh rabot i professorsko-prepodavatel'skih kolektivov vuzov* [Working out a passport of competence: methodological recommendations for organizers of project activities and for academic teaching staff]. Moscow, Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, Koordinacionnyj sovet uchebno-metodicheskikh ob#edinenij i nauchno-metodicheskikh sovetov vysshej shkoly, 2010, 52 p. available at: http://main.isuct.ru/files/edu/umu/metod_razrab_PK.pdf (accessed 22 February 2014) (in Russian).

2. Azimov Je.G.? Shhukin A.N. *Kompetentnostnyj podhod. Kompetentnost'. Kompetencija* [Competence

approach. Competence. Competency.]. *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam)* (New dictionary of methodological terms and notions (theory and practice of teaching languages)). Moscow, Izdatel'stvo IKAR, 2009, 448 p. (in Russian).

3. Ajsmontas, B.B. *Usvoenie znanij, umenij, navykov* [Acquisition of knowledge, skills]. Pedagogicheskaja psihologija. Uchebnoe posobie dlja studentov (Pedagogical psychology. Manual for students). Moscow, MGPPU, 2004, 368 p. (in Russian).

4. *V SSSR seksa net* [There is no sex in the USSR], available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/V_SSSR_seksa_net (accessed 17 February 2014) (in Russian).

5. Gil'debrand Ditrh fon. *Chto takoe filosofija?* [What is philosophy?]. St.Petersburg, «Aleteja», TOO «Stupeni», 1997, 374 p. (in Russian).

6. *Glava RAN ocenil chislo lzheuchenyh* [Head of the Russian Academy of Sciences judged the number of pseudo scientists], ITAR-TASS, available at: <http://rusevik.ru/ekonomika...glava-ran...lzheuchenyh.html> (accessed 17 February 2014) (in Russian).

7. Il'inskij I.M., Gurevich P.S. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2006. No. 1, pp.5-15 (in Russian).

8. Il'f I. Petrov E. *Zolotoj Telenok* [The Little Golden Calf]. St.Petersburg, OOO «Izdatel'stvo Kristall», 1999, 752 p. (in Russian).

9. *Indeks citirovanija – instrument, a ne cel'* [Citation index is a tool but not the aim!], available at: <http://ras.ru/news/shownews.aspx?id=e0587895-686c-42af...> (accessed 17 February 2014) (in Russian).

10. *Innovacionnye podhody k proektirovaniju osnovnyh obrazovatel'nyh programm po napravleniju podgotovki vysshego professional'nogo obrazovanija «Filosofija»: Proektnye razrabotki* [Innovative approaches to projecting the main educational programmes for higher vocational training specialized in "Philosophy": Pilot projects], available at: <http://inpro.msu.ru/files/nmo/books/philosophy.pdf> (accessed 22 February 2014) (in Russian).

11. *Kant I. Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Moscow, Mysl', 1964, V. 3, 799 p. (in Russian).

12. Kant I. *Logika, 1800, III. Ponjatie filosofii voobshhe. – Filosofija po shkol'nomu ponjatiju i po ponjatiju o mire. – Sushhestvennye potrebnosti i celi filosofstvovanija. – Same obshhie i vysshie zadachi jetoj nauki* [Logics, 1800, III. Notion of philosophy. – Philosophy according to school understanding and comprehension of the world. – Basic needs and purposes of philosophy. – The most general and highest targets of the science]. Moscow, ChORO, 1994, V. 8, 718 p. (in Russian).

13. Mjer Pahomov: *V Sochi geev net* [Mayor Pakhomov: There are no gays in Sochi], available at: <http://vedomosti.ru/sochi...news...mer-pahomov...sochi-geev-net> (accessed 17 February 2014) (in Russian).

14. *Filosofsko-metodologicheskie osnovanija postroenija sovremennoj teorii kompetencii* [Philosophical and methodological grounds for creating modern theory of competence]. available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3323> (accessed 17 February 2014) (in Russian).

15. Shpet G.G. *Mudrost' ili razum?* [Wisdom or intelligence?]. *Philosophia Natalis. Izbrannye psihologo-pedagogicheskie trudy* (Selected psychological and pedagogical works). Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2006, 624 p. (in Russian).

UDC 101.1

ACTUAL PROBLEMS OF META-PHILOSOPHY

Usov Vladimir Nikolaevich,

Chelyabinsk state pedagogical university,

Professor of the Chair

of Philosophy and Cultural Studies,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate

Professor,

Chelyabinsk, Russia.

E-mail: usov_vn@mail.ru

Annotation

At the headwaters of multifarious life problems the author finds out fundamental difference between true philosophy and pseudo-philosophy. Naturally, attention is paid to teaching philosophy itself where its reflection needs special professionalism.

Key concepts:

meta-philosophy,
philosophy,
pseudo-philosophy,
wisdom,
stupidity.

УДК 101.1

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕМПОРАЛЬНЫХ И ДОТЕМПОРАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЯХ БЫТИЯ

Баркова Валентина Васильевна,

Челябинский государственный педагогический университет, профессор кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук, доцент.
г. Челябинск, Россия.
E-mail: barkovavv@cspu.ru

Аннотация

Рассматриваются темпоральные и дотемпоральные состояния бытия как в историко-философском, так и естественнонаучном аспектах с позиций особенностей их формирования в макро-, микро- и мегамирах. Обозначается матричная основа для соотнесения катахрез вечность и время.

Ключевые понятия:

состояние бытия, временность, дление, вечность, материя, хаос, аттракторы, дотемпоральность бытия, темпоральность бытия.

Мудрецы античных и древних восточных традиций нередко задумывались над тем, какие реалии скрываются за смысловыми конфигурациями, интуитивно высвечивающимися в процессах мыследеятельности некие подвижные особенности бытия человека и природы. «Вызрев» в недрах философских рефлексий до «понятийной полноты», эти первоначальные интуиции явили себя целым каскадом смыслов, отпечатавших в обретенных смыслоформах такие феноменальные состояния бытия природы и человека, как время, временность, дление, мгновение, вечность. Приобретая «всеобщность», удостоверенную в своём конкретном содержании как бы самой действительностью, эти катахрезы не просто демонстрировали возможности «знающего себя разума», но и обнажали факт того, что в лоне, категориально схваченных темпоральных состояний бытия, которые нельзя переадресовать другим, развёртывается подлинная онтология существования природы, плетутся нити дления жизни каждого индивидуума, социума, человечества и природы в целом. Действительно, ни один уровень организации бытия не обходится без изменения его состояний. Но только человек, входя в мир непотаённого «здесь и сейчас бытия», осваивая и обобщая собственные опыты жизнедеятельности, опыты других, через факты несобственной повседневной бытийности осознаёт конечность основы земного существования других и его самого, свою временность, преходящность. Понимает, как бы сказал Г. Гегель, что в живом целом одновременно «положены»: смерть, противоположение, рассудок.

Временность, открываясь как одно из темпоральных состояний бытия, побуждает индивидуумов «собирать себя» в целостность на границах природного, повседневного и культурного бытия, придавать смыслы своей жизнедеятельности и оперировать ими, оценивать и понимать себя – как себя, всё и всякое иное – как некое иное. Вместе с тем рефлектирующий разум, продолжая устремляться в своей всеоткрытости за горизонты явлений повседневной бытийности, пытается ухватить в самих истоках ландшафтность осмысляемых темпоральных состояний бытия, «чеканя» для этого ряд ключевых концептуальных вопросов: «Что есть время?», «Как соотносятся между собой время и вечность?», «Возможно ли их соотношение и если да, то, что выступает «родовой» матрицей последнего?»

Принимая в целом существование бытия в парменидовской интерпретации: «бытие есть – небытия нет», философы создавали различные версии конечного и бесконечного, вечного и временного, длинного и мгновения. И неизменно в дискурсах на поверхность «всплывал» факт того, что, проясняя природу схваченных катахрезами темпоральных состояний бытия, человеческий разум постоянно натывается на апории в их понимании. С точки зрения Гераклита, Платона, Плотина, Аристотеля, Августина Блаженного, Фомы Аквинского и других мыслителей последние порождаются самой, ускользающей от схватывания спецификой природы рассматриваемой цепочки темпоральных состояний бытия. Безусловно, философы пытались найти объяснение природе этих апорий. В классической античности его находили в космических стихиях, в эпоху эллинизма в формах жизни мировой души. Отцы Церкви видели причину возникновения апорий в существенном несовпадении природы рассматриваемых состояний бытия. Новоевропейская философия, ориентируясь на возрастающую значимость рационализма в научном познании, его математизацию и оптиматизацию экспериментальной деятельности, делает акцент на относительность и субъективность в понимании природы темпоральных состояний бытия, имеющих, однако, объективную основу для своего существования – длительность. По мысли Декарта, Спинозы, Ньютона, Лейбница длительность является одновременно атрибутом как Бога, т.е. вечности, так и времени, которое представляет собой субъективный инструмент измерения событий объективной длительности [2, с. 10].

В XIX–XX вв. образы темпоральных характеристик бытия органично вплетаются в предметные поля эволюционизма, историзма, психологизма, философии жизни, экзистенциализма, феноменологии и т.д., где получают осмысление через призму фундаментальных конструктов экзистенциализма. Это позволило обнажить глубинные переживания человеком временности своего бытия, своей беспомощности в открытом горизонте онтологической беспредельности. Как ни парадоксально, но катахрезы темпоральности обрели в экзистенциализме статус коррелята бытия. А.Ахматова с отчаянием вопрошала мир о том, как быть с тем ужасом, который когда-то «бегом времени» был наречен. М.Хайдеггер, как бы слыша этот крик отчаяния, метафори-

чески констатирует факт того, что везде, где что-то существует, лежит открытой протокольной книгой, в которую записывается время. Время набрасывает своё «вот – бытие» на всё, что существует. Оно выдавливает бытие из самого себя, неумолимо приближая человека, «его другое», «его иное» к конечному моменту «бытия всего» в посюсторонних формах его организации. Неотвратимому взлому печати с тайны механизмов темпорального «размыкания» бытия и процессов его «схлопывания». Когда «мы сами с общим провалом сущего, ускользаем тоже и от себя» навстречу Ничто – вечности [6, с. 21]. Причём по Хайдеггеру, Ничто-вечность всегда даёт знать о себе, поскольку разомкнувшееся бытие в просветах обнажает, что присутствие есть, следовательно, Ничто не отрицает сущее, наоборот, порождает его, а значит, оно первоначальнее, чем Нет или отрицание [8, с. 23].

Философской рефлексии важно ухватить и понять Ничто таким, каким оно даёт знать о себе самом в виду его самого. Для этого необходимо обратиться к историко-философскому опыту осмысления феномена вечности в различных философских традициях. Так, повседневное смысловое пространство античности было «насквозь» пронизано пониманием значимости времени и вечности в жизнебытии греков. Термин, вечность, связывался с понятием целостной и полнокровной жизненной силы. Время обозначало убывание, угасание жизненных сил. Еврипид вечность и время связывал с пониманием катахрез судьба и свобода. Вечность неподвластна судьбе, которая властвует над временем. Досократики сущность вечности видели в воде (Фалес), огне (Гераклит), воздухе (Анаксимен). Гераклит сравнивал вечность с играющим в шашки ребёнком. Игра является, с его точки зрения, глобальным принципом организации жизни космоса, миробытия в целом, представляя собой единство всех возможных противоположностей. Платон стал первым среди своих современников, кто, опираясь на труды предшественников, древние и священные тексты восточных учителей, сумел свести воедино всё, сделанное до него, в изучении рассматриваемых феноменов. «Вечность», – писал он в «Тимее», – это умопостигаемое бытие, неизменное, неподвижное, самотождественное. О ней нельзя сказать, что она была или будет. Здесь нет ни прошедшего, ни будущего, но только – «есть». Вечность

пребывает в «едином», поскольку она есть целостность в своих многообразных ликах проявления. Соотнося время и трансцендентность вечности, Платон различает три онтологических уровня существования миробытия, акцентируя при этом несовпадение феноменов вечности и времени. Он писал: в мире есть то, что существует вечно (не рождено, не создано). То, что существует всегда (создано, но не подвержено гибели) и то, что существует временно (что создано и погибнет). Вечность как атрибут трансцендентного бытия – непостижимого, надвременного – рассматривалась как то, что творит из себя мир и само время [3, с. 56–58].

Плотин, развивая идеи Платона, отмечал, что к вечности, как «вместилищу» всяких предстоящих или состоявшихся переходов, применимы только категории настоящего. Мир, окружающий человека, с точки зрения Плотина, существует постоянно, вечно по причине своей несотворимости и неуничтожимости, а не потому, что существует в бесконечном времени. Он стал первым мыслителем, кто отказал вечности в темпоральности бытия, сформулировав онтологическое понимание последней: вечность – это полнота бытия. Плотин метафорически даже воссоздаёт процесс рождения времени в некоей точке вечно бытия. По его мнению, была некоторая природа беспокойно-деятельная и стремящаяся господствовать над самой собой и принадлежать самой себе. Она хотела обрести больше, чем у неё было. Так она пришла в движение, а вместе с ней в движение «пришло» время, и стало двигаться к всегда – будущему и позднему, то есть всегда к иному, а не к тождественному. Отпав от «единого», она в подражание ему создала чувственный мир» [4, с. 7–11] и властвовать в ней стало время.

Отцы Церкви окончательно отделили время от вечности. Время становится хронометром земных событий и анализируется сквозь призму связи последнего с памятью. Августин, осмысливая время как процесс «растяжения души», в качестве инструмента растяжения использует понятие движения. Именно движение засекает лоно памяти накопленным опытом прошлого, делая её сокровищницей мысли и знания. Рассматривая время как взаимосвязь помнящей, созерцающей и ожидающей души, Августин раскрывает парадоксальность феномена времени: оно складывается из того, чего уже нет (прошедшего), того, чего ещё нет

(будущего) и того, что есть, но не имеет длительности – мгновений настоящего. Все три модуса времени удерживаются лишь человеческим сознанием. Вечность, согласно Августину, не измерима временными отрезками. Она – атрибут Бога. Земное время – это «тьма вечности», «смена вещей». Оно сотворено и движется в лоне земных темпоральностей от акта божественного творения к Страшному суду, обретая векторность и необратимость. Фома Аквинский в «Сумме против язычников» писал, что время и вечность не суть одно и то же. Вечность в каждом своем мгновении целокупна, времени же это не присуще, поскольку оно всего лишь мера дления. Время акцидентно и нуждается в субстанции как своем носителе. Материальные субстанции не могут сразу и полностью обладать бытием, хотя всегда устремлены к этой полноте, которую достигают последовательно: теряя одну часть, обретая другую. Поэтому длительность их существования «рассыпается» на неопределённое множество последовательных моментов. Это и есть время.

Исследование темпоральных состояний бытия было продолжено в Новое время. В эту эпоху широкое распространение получило эмпирико-сенсуалистическое понимание времени (Локк, Юм). Оно нивелировало различия между временем и длительностью, временем и вечностью. Вечность стали рассматривать как бесконечное время. В результате эмпирический мир вечного становления объявлялся единственно реальным состоянием мироздания. В контексте выдвинутой эмпирико-сенсуалистической парадигмы время осмыслялось как темпоральное состояние бытия, отражающее порядок последовательностей существования событий. Пространство как порядок сосуществования различных последовательностей событий.

Вместе с тем развивающееся научное естествознание стремилось к тому, чтобы исследование темпоральных характеристик бытия опиралось на наблюдения, эксперимент и математику, а не только на авторитет Библии и свидетельства древних философов. Поиск эффективных методологических ключей для расширения эпистемологических возможностей исследования темпоральных характеристик бытия, схватывания специфики их отражения в мыследеятельности человека побудил Канта заняться решением этих вопросов. Стремясь освободиться от психологизма с его склонностью к скептицизму (Юм) и

поддержать необходимость и всеобщность развивающегося естественнонаучного знания, он вводит в эпистемологию понятие «трансцендентальный субъект». По Канту, эмпирический мир опыта как внешний, изучаемый естествознанием, так и внутренний, как предмет эмпирической психологии, существует лишь в отношении к трансцендентальному субъекту, как его корреляту. Последний конструирует мир с помощью априорных форм чувственности – пространства и времени и априорных форм рассудка – категорий. Время, являя себя априорной формой внутреннего чувства, не обладает трансцендентальной реальностью. Но оно имеет реальность эмпирическую ибо составляет условие возможности мыслить обо всех явлениях как внутренних, так и внешних, играя роль связующего звена между чувственностью и рассудком. Способ деятельности сознания, состоящий в последовательном синтезе предметов восприятия, и был назван Кантом временем.

Вслед за ним Фихте, Шеллинг и Гегель, отвергнув онтологию субстанциональности времени, переходят в своих размышлениях тот Рубикон, который разделял нетварный, вечный и тварный, временный миры. На первые позиции выходит идея абсолютного развития «всего и вся» как процесс разворачивания всей полноты инобытия Абсолютной идеи. Исследование специфики различных темпоральных состояний бытия через призму развития «всего и вся», вывело этот процесс на новый уровень их изучения: к осмыслению последних через диалектику соотношения этих характеристик в макро-, мега- и микромирах, а также философского обоснования выявляемых при этом закономерностей. Философская рефлексия, улавливая изменения в эпистемологических подходах к изучению природы рассматриваемых темпоральных состояний бытия на различных уровнях организации последнего, констатировала не просто размывание линейных традиций в осмыслении последних, но и обозначила тенденции, которые Деррида назвал осознанием многомерности и нелинейной временности единой реальности. Философствующий разум давно осознавал, что объективно – реальное, несубстанциональное динамическое время – другого времени в природе нет, – прежде чем существовать, должно было возникнуть, иметь начало отсчёта. В недрах возникшего времени обретают своё конкретное бытие не только человек,

но свои времена образовали физические, химические, биологические, исторические и любые другие реально существующие процессы, начиная от микропроцессов и заканчивая процессами расширения Вселенной как целого.

Динамическое время образуется движением, несущим качественные изменения, которые выступают причиной становления, возникновения, изменения, исчезновения материальных объектов и процессов как таковых. И вместе с тем движение обуславливает неуничтожимость, сохраняемость, неисчерпаемость материи как единственной субстанциональной реальности. Время, по причине своей несубстанциональности, собственными свойствами не обладает. Оно всего лишь специфически отражает свойства образующих его процессов. При этом оно необратимо, не поворачивается вспять даже при обратном протекании процессов. Означает ли это, что наша Вселенная, однажды родившись, когда-нибудь завершит своё существование, исчерпав возможности для своего бытия? И следует ли в поисках ответа на вопрос «в чём же заключается вечность бытия?», исходить из допущения, что вечность – это тест на неуничтожимость самой Вселенной. И не напоминает ли нам, в этом случае, лик вечности бытия образ «колеса Калачакры», обеспечивающего в соответствии с идеей «вечного возвращения» последовательность циклов: Большой взрыв – расширение и охлаждение – сжатие и свёртывание до математической точки – снова Большой взрыв и так до бесконечности.

Принимая тест о рождении нашей Вселенной, который Фридман изложил в работе «О кривизне пространства» [5], и, следуя логике его рассуждений, можно утверждать, что Вселенная непрерывно расширяется и охлаждается. Конечно, учитывая второе начало термодинамики, Вселенная может, в общем, достичь некоего равновесного состояния, но отдельные её участки будут испытывать флуктуации, то есть некие выбросы энергии. Эти флуктуации и не дадут запуститься процессу превращения всех видов энергии в исключительно тепловую энергию. Современная наука оспаривает теорию тепловой смерти Вселенной и с позиций общей теории относительности. Согласно ей Вселенная представляет собой систему, находящуюся в переменном гравитационном поле. Из этого следует, что она нестабильна и закон возрастания энтропии, то есть уста-

новление равновесного состояния Вселенной, здесь невозможен. Вселенная, какие бы в ней ни происходили процессы, всегда остается Вселенной и своего собственного, единого времени не образует. В этой связи напрашивается только одно решение вопроса о феномене вечности. Вечность – это вечность Вселенной, неисчерпаемость существенных механизмов «самостроительства» материи как единственной субстанциональной реальности, которая несменяема и неизменна при многообразии и сменяемости форм её проявлений. Следовательно, вечность связана с субстанцией, а время – с субстанциональной сферой, с изменяющейся стороной субстанции. Хотя между временем и вечностью существует бесконечное различие, они представляют собой единство противоположностей: сохранения и изменения, стабильности и нестабильности материального мира. Это и есть вечный тест на единство противоположных сторон бытия материи, находящий своё выражение в неуничтожимости движения, являющегося атрибутом и механизмом субстанционирования материи. Хайдеггер в «Бытие и время» писал, что бытие непрерывно связано с неустранимой незавершённостью. Бытие «даёт себя» как открытая возможность. Для эпистемологии незавершённость мира есть закон самого мироустройства, форма проявления безусловного принципа его вечности.

Конечно, физический вакуум не может рассматриваться как эквивалент философско-онтологического ничто. Но всё меняется, когда мы восходим к исходному хаосу. В хаосе нет событий в привычном смысле слова, а есть флуктуации, каждая из которых может рассматриваться, как попытка создать мир с темпоральным порядком. В его исходном состоянии нет ничего, что могло бы выступать в виде физической «чтойности». Частицы появляются лишь на более поздней стадии развития. Хаос выступает как царство возможностей, из которых ещё должен родиться новый мир сущего, бытия «становящегося». Здесь нет последовательности свершившихся событий, а значит, понятие времени теряет всякий смысл. Но если время отсутствует, то что предпослано его появлению? С философской точки зрения времени предпослано бытие. Однако это бытие не может быть совершенно лишено движения и некой первичной структуры, выражаемой физикой в категориях симметрии. Возникает мысль о пространстве возможных

порядков, заключающем в себе первичную дотемпоральную динамику, в которой нет сформировавшихся онтологических «чтойностей». Нет реальности того, что с античных времен носит имя сущего. Это не мир в обычном понимании, ибо мирам, с присущей им темпоральностью, ещё только предстоит родиться. Здесь нет ничего свершившегося, а, следовательно, нет времени как последовательности событий. Более приемлемым в подобной ситуации становится понятие пространства. Но и оно не является пространством состоявшихся событий, а рассматривается лишь как пространство возможностей, связанное с сосуществованием тенденций-аттракторов в исходном хаосе. Можно сказать, что мы имеем дело с пространством, бурлящего возможностями бытия, в котором ещё не сформировался мир сущего. Хайдеггер писал об этом, что именно всякий раз сущее как сущее является в свете бытия. У Хайдеггера понятие «является» обозначает тест «не является мне», а «являет себя», т.е. рождается. Единство сущего и времени приводит к пониманию того, что не только сущее, но и время впервые рождаются из бытия, дотемпоральная динамика которого может быть осмыслена только через категорию пространства.

В XX в. возникли попытки подняться в исследовании природы темпоральных и дотемпоральных состояний бытия на такие уровни осмысления проблемы, где пророческое утверждение Сартра о том, что существование предшествует сущности, логически совпало бы с пригожинским вектором развития бытия от хаоса к порядку. Такой подход предполагает переоценку и переформатирование идеалов эпистемологии. Специфика дотемпоральных и темпоральных состояний бытия и переменность их функционирования требуют особых способов описания и прогнозирования этих состояний, разработку сценариев поведения систем в точках бифуркации, а также дополнение аксиоматически-дедуктивных методов теоретическими описаниями, основанными на применении методов аппроксимации. Внедрение исторических реконструкций предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Естественные и гуманитарные науки сегодня, как никогда ранее, едины в желании понять и «ухватить» природу рождения разнообразных темпоральных ритмов бытия всего, в том числе и человека. По-новому прочесть, по

словам С.В. Борисова, «хайдеггеровский призыв вернуть утраченное единство бытия и времени» [1, с. 123].

1. Борисов, С.В. Что значит быть современным (в контексте статьи А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности») [Текст] / С.В. Борисов // Социум и власть. 2013. № 3. С. 123–126.

2. Гайденко, П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке [Текст] / П.П. Гайденко. М., 2006. 464 с.

3. Платон. Тимей [Текст] / Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Пер. С.С. Аверинцева. М., 1994. Т. 3. 654 с.

4. Плотин. Эннеады III [Текст] / Плотин. М., 1995. 394 с.

5. Фридман, А.А. О кривизне пространства [Текст] / А.А. Фридман. Избранные труды. М., 1966. С. 280–287.

6. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / пер. В.В. Библихина. М., 1997. 452 с.

7. Хайдеггер, М. Что такое метафизика [Текст] / М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. 443 с.

8. Barbour, J. The End of Time: The Next Revolution in Physics [Text] / J. Barbour. N.Y., 2001. 384 p.

References

1. Borisov S.V. *Socium i vlast'*, 2013, no. 3, pp. 123–126 (in Russian).

2. Gajdenko P.P. *Vremja. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropejskoj filosofii i nauke* [Time. Continuance. Eternity. The problem of time in European philosophy and science]. Moscow, 2006, p. (in Russian).

3. *Platon. Timej* [Timaeus]. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* / Per. S.S. Averinceva (Selection of works in 4 volumes / Translated by S.S. Averintsev). Moscow, 1994, T. 3, p. (in Russian).

4. *Plotin. Jenneady III* [The Enneads III]. Moscow, 1995, 394 p. (in Russian).

5. Fridman A.A. *O krivizne prostranstva* [On a space warp]. Moscow, 1966, pp. 280–287 (in Russian).

6. Hajdegger M. *Bytie i vremja* [Existence and time]. Per. V.V. Bibihina. Moscow, 1997, 452 p. (in Russian).

7. Hajdegger M. *Chto takoe metafizika* [What metaphysics is]. *Vremja i bytie. Stat'i i vystuplenija* (Existence and time. Articles and speeches). Moscow, 1993, 443 p. (in Russian).

8. Barbour J. *The End of Time: The Next Revolution in Physics*. N.Y., 2001, 384 p. (in English).

UDC 101.1

REFLECTING UPON TEMPORAL AND PRE- TEMPORAL STATE OF BEING

Barkova Valentina Vasilyevna,

Chelyabinsk State Pedagogical University,
Professor of the Chair of Philosophy and
Cultural Studies, Candidate of Philosophical
Sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.

E-mail: barkovavv@cspsu.ru

Annotation

The author considers temporal and pre-temporal states of being both in historical philosophical aspects and aspects of natural sciences from the perspective of peculiarities of their forming in macro-, micro- and mega worlds. The author marks the matrix basis for correlating catachreses "eternity" and "time".

Key concepts:

states of being,
temporality,
longitude,
substance,
chaos,
attractors,
pre-temporality of being,
temporality of being.

УДК 101.1

ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ТЕЛА СВЕРХЧЕЛОВЕКА (НА ОСНОВЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ Ф. НИЦШЕ)

Дыдров Артур Александрович,
Южно-Уральский государственный
университет (НИУ),
доцент кафедры философии
и социологии,
кандидат философских наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: zenonstok@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена сравнительно малоизученной проблеме – конструированию образа тела сверхчеловека. Концепт сверхчеловека (одно из ключевых понятий философии Ницше) изучался довольно основательно, но исследователи акцентировали внимание на ценностном мире сверхчеловека, на отношении к морали, закону, религии. Складывается ошибочное впечатление, что образ человека будущего бесплотен, сверхчеловек как будто не обладает телом. Данная статья призвана разрешить поставленную проблему.

Ключевые понятия:
сверхчеловек,
тело,
образ,
высший человек.

Философия Ф. Ницше о сверхчеловеке фундирована положением: человек есть нечто, что должно превзойти [10, с. 6]. Человек – одно из тех существ, что могут создать что-нибудь «выше» себя [10, с. 6]. На человека пророк Заратустра – нарратор в одном из главных произведений философа – возлагает необходимость преодолеть «слишком человеческое».

Активным началом переустройства человека объявляется сам же человек, а не Абсолют, не Тот, кто, по убеждению Ф. Ницше, давно мёртв, оставив на земле «отравителей», надеющихся на «надземное» вечное существование [10, с. 7]. Бог объявляется «бедной частью» человеческого Я, поэтому вернее было бы сказать, что очаг «жизни» Бога ещё теплится постольку, поскольку существуют люди, «отравленные» мечтами о загробной вечной, богоподобной жизни. Эти люди – едва ли не самые заклятые враги сверхчеловеческого, так как вера и религия «отравленных» объявила «смертельную войну» высшему типу человека, сделала сверхчеловека отверженным, врагом рода *homo sapiens* [8, с. 131].

Пропитанные христианским «ядом» существа (впрочем, не только они) – промежуточное звено, «канатные плясуны», через которых можно и должно перепрыгнуть, погубив их души, наполненные добродетелями «маленьких людей», уничтожив их тела, что и так медленно разлагаются из-за «тирании» духа.

Человек должен не просто сконструировать идеал, к которому должно привести преодоление самого себя, но достигать совершенства, «прыгать» через своё «слишком человеческое». Сверхчеловек, как отмечал Ф.Е. Джейранов, способен найти в себе воплощённый идеал, [4, с. 139–140] однако следует добавить то, что осознать необходимость переустройства Я человеку нужно сегодня: такое осознание и практические усилия – основа торжества сверхчеловеческого Эго в будущем.

В некоторой размытости штрихов портрета сверхчеловека угадывается, конечно, существо, обладающее, прежде всего, новым миром ценностей. Нельзя утверждать, что сверхчеловек – нечто абсолютно новое. Ф. Ницше писал о том, что высшие люди существовали и существуют, но лишь как исключение, тогда как их существование должно стать правилом [8, с. 131]. Но философ зачастую весьма немногословен, когда повествует о сверхчеловеке, а эта немногословность ведёт к риску утраты

образом высшего человека необходимой целостности.

Следует согласиться с отечественным исследователем философии Ф. Ницше Д.А. Беляевым в том, что философ практически ничего не говорит о новом физиологическом измерении сверхчеловека [2, с. 42]. Тем не менее, это «практически ничего» (в значении «почти ничего») всё же не означает «усечённости» образа сверхчеловека у Ф. Ницше. В философской системе немецкого мыслителя сверхчеловек как основной её элемент не предстаёт бестелесным существом.

Энциклопедические издания (как общие, так и философские) предлагают следующие дефиниции сверхчеловека: «венец развития человечества» [6]; персонифицированная несущая конструкция учения Ницше, репрезентирующая идею освобождения жизни в самом человеке (по оценке М. Фуко) [7]; существо, преодолевшее «черты» человеческой природы, например, структуры чувственности; сверхчеловек – образ в философии Ф. Ницше, вбирающий гармонию и синтез дионисического начала с его радостным утверждением инстинктивной жажды жизни, и начала аполлоновского, придающего этой бьющей через край жизни одухотворяющую стройность и цельность идеала [9]. Легко заметить, что перед нами – образ с расплывчатыми контурами. Авторы статей (в том числе тех, цитирование положений которых приведено выше) акцентируют внимание на ценностном мире сверхчеловека, забывая о том, что тело для сверхчеловека тоже есть ценность. «Аморфность» образа объясняется не только и даже не столько отсутствием детализации в тезисах о сверхчеловеке у самого Ф. Ницше, но и как будто намеренным игнорированием многими исследователями конструирования целостного образа сверхчеловека.

Подобная «деформация» образа присутствует и в философской традиции. Конечно, следует учитывать, что многие мыслители не имели цели репрезентировать комплекс идей Ницше о сверхчеловеке.

Если хотя бы бегло взглянуть на философскую традицию, содержащую, в частности, анализ и критику ницшеанства (а без рассмотрения идей о сверхчеловеке исследование философии Ф. Ницше вряд ли представляется адекватным), то возникает иллюзия: сверхчеловек будто бы отличен от человека-«моста» только мировоззрением, отношением к миру, ценностями и оценка-

ми, характером действий или бездействия. Так, в «модном теперь ницшеанстве» (по мнению Н.Ф. Фёдорова) [13] законченное выражение нашли эгоизм и индивидуализм. Сверхчеловек полагается «привилегированным» существом, наделённым, вероятно, бессмертием; существом, величие которого должно быть признано другими.

Сверхчеловек, согласно точке зрения С.Л. Франка, вообще есть «формальный нравственный образ», олицетворение моральных идеалов, «призраков». Сущностью высшего существа является «благородство» – удалённость от всего «обыденного», практически полезного, ординарного. Мыслитель де-факто превращает сверхчеловека в метафору. За иносказанием скрывается «возвышенный» человек, вынашивающий в душе «плод» идеала, человек с твёрдыми, «чистыми» нравственными принципами [14]. Бесспорно, позиция С.Л. Франка довольно серьёзно обоснована, но, тем не менее, нельзя забывать о том, что сверхчеловек – это не только человек, у которого ценностный мир претерпел метаморфозы. Сверхчеловек как человек отдалённого будущего (и как исключение, и как правило) не может не иметь физиологического измерения, каким бы «незначимым» оно ни полагалось.

Отношения между людьми и «сверхлюдьми» будут, по мнению В.С. Соловьёва, отношениями, наполненными презрением. Ницше, согласно убеждению русского философа, требует это презрение узаконить. Саму идею сверхчеловека В.С. Соловьёв считает «демонической», а высшее существо (согласно философии Ф. Ницше) называет «сильным», «одарённым», «властительным». Воля сверхчеловека – закон для всех прочих. Это положение русский философ и считает главным заблуждением ницшеанства. Религиозный мыслитель обращает внимание на наиболее актуальную для сверхчеловека (или желающего иметь такой статус) задачу – обретение бессмертия. Бессмертие и станет ядром существования сверхчеловека. Сверхчеловеку, считает В.С. Соловьёв, вовсе не нужно менять «формы» своего человеческого существа, а следует лишь корректировать способы функционирования в этих «формах» (не создавать сотню глаз, а улучшать зрение в имеющихся двух) [12]. Религиозный философ, пожалуй, один из немногих мыслителей, кто не акцентирует внимания на принципиальном различии идеалов человека и сверхчеловека. Для него сверхче-

ловек – продолжение эволюционной цепи, перерастание наличной действительности, существо «с телом».

В зарубежной философской традиции сверхчеловека рассматривали и как «одарённого» стремлением к власти, аристократа, выступающего против ценностей толпы [11, с. 890–891], и как антипод функционера «демократически-социалистического общества» [5], и как «львиную душу», выходящую из шкуры верблюда [1].

Ж. Делез – один из немногих, кто акцентировал внимание на том, что сверхчеловек обладает не только иными в сравнении с «маленькими» людьми ценностями, но и иным телом. Необходимо помнить о том, что Ж. Делез предлагает оригинальный ответ на вопрос о том, что такое сверхчеловек, и тем самым сознательно отдаляется от философских воззрений Ф. Ницше. Силы в человеке образуют новую форму, не являющуюся уже ни формой-Богом, ни формой-человеком. Человек вступает в отношения с «конечно-бесконечными» силами (ограниченный набор элементов – безграничное количество комбинаций). Исследование цепочек генетического кода и операции с генетическим материалом, программирование развития, «берущие реванш» над организмом силы «генетических составляющих», – вот что, в частности, видит французский мыслитель в сверхчеловеке, а также надеется, что форма-сверхчеловек будет не лучше и не хуже, чем две предшествующие формы [3].

Однако это вовсе не означает того, что физиология, тело сверхчеловека – темы, совсем не интересующие Ф. Ницше. В противном случае образ сверхчеловека становится «смятым», а высшее звено в цепи эволюции мыслилось бы «существом без тела». В центральном произведении о сверхчеловеке – работе «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» – Ф. Ницше недвусмысленно рассуждает о должном отношении человека к собственному телу, выражая, тем самым, позицию, весьма далёкую от установок религиозного сознания, зачастую воспевающего аскетизм.

Пророк сверхчеловека Заратустра выступает против «бегства от тела» – феномена, квинтэссенцией которого является, во-первых, интеллигентное разделение тела и духа как неравноценных субстанций, во-вторых, наделение безусловной ценностью духа, в-третьих, позиционирование тела как «оков» вечного, абсолютно

истинного в человеке. Тело «отравителями» – адептами «умирающего» трансцендентного Начала – позиционируется не просто как тварное, производное, но как тленное. Нетождественность бытия тела, материальность, протяжённость, изменчивость (в том числе и в особенности, разрушение) словно заставляют верующих отказываться от собственной «протяжённой субстанции», но отказываться постепенно, планомерно уничтожая «физическую оболочку», стесняющую дух.

Между тем, полагает Ф. Ницше, окунами бытия проводников и проповедников веры служит как раз не тело. Все, презирающие тело, больны и умирают [10, с. 29], заключив себя в кандалы иллюзии, мысли, как будто выражающей истину. «Убежать» от тела означает остаться «немым». Под «немотой» понимается, конечно, нечто большее, нежели неспособность к речи. «Бежать» от тела – утратить Я, лишиться самости, перестать быть. Основная и, пожалуй, наиболее опасная химера для человеческого Эго – вера в существование души и слияние её с бесконечно Благим. Душа, констатирует Заратустра, есть только слово для чего-то в теле. Структурная единица языка стала довлеющей сущностью, «пустое» понятие (как утверждали бы эмпирики, позитивисты, механицисты и другие представители различных философских учений, школ, течений и направлений) сделалось орудием, направленным на разрушение реальности, физического в человеке. Из сказанного никоим образом не следует, что Ф. Ницше являлся представителем какой-то из перечисленных групп мыслителей, но нельзя отрицать и того, что категория души становится в проповедях Заратустры условностью, тем, чем «по традиции» называют «нечто» в человеке.

Всё, что связано с телом и физиологией, объявляется ревнителями Бога второстепенным, в пределе же – вредным, противным человеческой сущности. Понятие греха, родившееся в гибнущем сознании верующих «маленьких» людей, ассоциируется, прежде всего, с телесными удовольствиями, «сладострастием» [10, с. 44]. Сладострастие – «жало», «кол» для всех, носящих власяницу [10, с. 204]. Эти люди презирают сладострастие постольку, поскольку презирают и тело. Даже рождение греховно, потому как требует соития, происходит через плотское удовольствие. Для Ницше, напротив, каждый ребёнок – «невинность»

и «забвение», «новое начинание», «святое слово утверждения» [10, с. 23]. Тело ребёнка – фундамент нового Я, возможно, того Я, что будет укоренено в бытии как «высший человек». Сам Заратустра живет уверенностью, что ребёнок, тело которого есть данность, не будет пренебрегать подарком природы.

Новый человек отбросит не какие-то абстрактные ценности и идеалы прошлого, но, в числе прочего, «опасные» убеждения об ущербности тела (равно как и необходимости аскетизма) и доминанте души.

Сверхчеловек обладает крепким телом, он заботится о нём, он, собственно, его «делает» и поддерживает его существование. Весьма показательной является история о канатном плясуне. Наличие иносказания здесь не вызывает сомнения; основываясь на этой аллегории, можно, однако, сделать вполне конкретные выводы. Сверхчеловек предстаёт ловким, быстрым, решительным и дерзким «детинкой», влюблённым в опасность. Канатный плясун (человек как «переход» и «гибель») для сверхчеловека «хромоног», ущербен. «Уличный артист» выглядит жалко, ему не хватает сноровки, телу явно недостает гибкости и силы. Тягаться с сильным сверхчеловеком, легко прыгающим через плясуна, циркачу не под силу. Итогом противостояния сверхчеловека и человека стало, конечно, падение последнего («изодранное», «разбитое» тело) и торжество мощи первого.

Необходимо учитывать, что «Так говорил Заратустра» – книга, наполненная аллегориями, метафорами и скрытыми смыслами. Но и это, тем не менее, даёт основания делать вполне точные выводы, а не оперировать иносказаниями, как будто в «ответ» философу.

Сверхчеловек контрастирует с человеком: высшее существо изображается не слабым и неуверенным, а мощным и дерзким. Причём именно силой и ловкостью подкреплено попираание «слишком человеческих» ценностей. Не будет заблуждением кажушееся наивным утверждение о том, что сверхчеловек не должен и не может мыслиться «слабаком».

Философская и религиозная традиции рассматривали «канат над пропастью» как дуальное существо: человек существует в мире как единство тела и души. Заратустра критично относится к метафизике, он констатирует лишь то, что тело для человека как переходного звена ещё остается в

некоторой степени загадочным явлением, в теле есть «что-то», понимаемое в философской и религиозной традициях как душа. Вполне вероятно, что сам «переход» между приматом и сверхчеловеком стал источником такой надуманной «загадочности». Между тем, наше Я – это, прежде всего, наше тело. Тело не говорит «Я», но его делает [10, с. 31]. Самость – «неведомого мудреца», «могущественного господина» – Ницше если и не отождествляет с телом, то утверждает, тем не менее, что она и есть тело. Самость, безусловно, не только тело, но и разум, сознание. Но что есть сознание без тела? Для философа этот вопрос является, пожалуй, риторическим.

Телом фундируется Я – таков тезис Ф. Ницше, если и не высказанный прямо, то по меньшей мере наиболее вероятный. Весь широкий спектр ощущений возможен только потому, что есть тело, и оно – источник ощущений для Я – вместе с тем является образующим Я. Именно тело «внушает», «приказывает»: «испытывай радость», «ощущай боль», а Я ничего не остаётся делать, как повиноваться «командам».

Без физического, без того, что приносится ревнителями веры, желающими парадоксальным образом на коленях подняться к Богу, никакой сверхчеловек не возможен. «Давящие» стены и своды храмов ничуть не смущают противников сверхчеловека, пропитанных иллюзией вечной загробной жизни. Адепты религии полагают то время (а затем и безвременье) собственного развития, когда душа отделится от тела, и они обретут вечную жизнь без физической оболочки. Но Заратустра уверяет в том, что без тела невозможно дальше созидать себя [10, с. 32]. Без тела невозможна война и победа, труд-борьба [10, с. 46].

Будущее – поле, на котором перемена ценностей даст свои всходы, а урожай соберут вовсе не те, кто полагал, что тело – «оковы» некоей «души». Пророк сверхчеловека призывает любить не ближнего, воспринимающего едва ли не каждое плотское наслаждение как грех, а дальнего, для которого «Я» старше, чем «Ты» [10, с. 61], нет единородства с непостижимым и неразумным [10, с. 87]. Это сверхчеловеческое Я невозможно без крепкого, здорового, выносливого тела. «Благородным» типом человека можно полагать, например, крестьянина, близкого к природе, сильного физически, но, тем не менее, ещё

слишком ущербного в выборе жизненных ценностей и ориентиров, а потому далёкого от состояния сверхчеловека. Заратустра констатирует то, что даже самого великого находил он слишком человеческим. Сверхчеловек не наличествует среди маленьких и даже высших людей, но высшие люди, освобождающиеся от диктата «души», от иллюзии вечной неземной жизни, одержимые волей к власти, не презирающие собственное тело, – наиболее прочные «мосты» к цели.

Уважение, любовь к собственному телу – неотъемлемая составляющая цельного, здорового себялюбия, должного биться ключом в Я сверхчеловека [10, с. 206].

Те, чья самость «умирает», «мертвеет» сознание, «свёртывается» дух, «разлагается» разум, не способны творить сверх себя, не способны быть «мостом», «переходом» и «гибелью». Разум, пропитанный «ядом» надежды на небеса, веры в Абсолютное Начало, не просто забывает о теле, но намеренно губит его, презирает и отворачивается от того, благодаря чему, по сути, существует и вообще возможен. Разум, захваченный целью разрушить тело, разрушает себя.

Необходимо отметить тот факт, что Заратустра – пророк сверхчеловека – называет людей «мостом» к высшему звену эволюционной цепи. Собственно, с этого очевиднейшего положения философии Ф. Ницше и начиналась данная статья. Человек – канатный плясун, через которого сверхчеловек перепрыгнет, обрекая «циркача» на падение и медленную мучительную гибель. Примечательно то, что людям, презирающим тело, Заратустра отказывает даже в праве именоваться «мостом». В них нарратор, соответственно, не находит ничего от высшего человека; в ненавидящих тело отсутствует и то, что хотя бы в самой малейшей степени способствовало обретению статуса высшего человека.

Сверхчеловек – цель и завершение человека – существо с «самостью-телом», не отрицающее очевидного «факта»: личность возможна постольку, поскольку существует её фундамент – тело. Преисполненное новых этических норм Я не является для сверхчеловека чем-то метафизическим. Я не есть «душа» как сущность, беспричинное Начало, субстанция; Я сверхчеловека, прежде всего, – его тело, полное благодатных ощущений. Здоровое, крепкое тело – прочнейший фундамент здорового

и крепкого Я. Образ сверхчеловека, таким образом, невозможен, не будучи фундированным представлением о теле.

1. Ауробиндо, Ш. Мысли и афоризмы [Электронный ресурс] / Ш. Ауробиндо. URL: <http://lib.ru/SATPREM/aurobindo1.txt> (дата обращения: 27.01.2014).

2. Беляев, Д.А. К вопросу о понимании идеи сверхчеловека в философии Ф. Ницше [Текст] / Д.А. Беляев // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 42–44.

3. Делез, Ж. О смерти человека и о сверхчеловеке [Электронный ресурс] / Ж. Делез // Фридрих Ницше. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/deleuze/> (дата обращения: 26.01.2014).

4. Джейранов, Ф.Е. Философия Ф. Ницше сквозь призму отчуждения и свободы человека [Текст] / Ф.Е. Джейранов // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 18. С. 139–145.

5. Лукач, Г. Ницше как предшественник фашистской эстетики [Текст] / Г. Лукач // Литературный критик. 1934. № 12. С. 27–53.

6. Сверхчеловек [Электронный ресурс] // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 29.01.2014).

7. Можейко, М.А. Сверхчеловек [Текст] / М.А. Можейко // История философии. Энциклопедия. Минск, 2002. С. 931–933.

8. Ницше, Ф. Антихрист [Текст] / Ф. Ницше // Эссе Номо. Антихрист. СПб.: Азбука-классика, 2009. 224 с.

9. Ницше, Фридрих [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь. URL: <http://www.e-reading.co.uk/book.php?book=149350> (дата обращения: 29.01.2014).

10. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого [Текст] / Ф. Ницше. М.: АСТ, 2007. 397 с.

11. Рассел, Б. История западной философии [Текст] / Б. Рассел. В 3 кн.: 3-е изд., испр. / Подготовка текста В.В. Целищева. Новосибирск: Сиб. ун-в. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. 992 с.

12. Соловьёв, В.С. Идея сверхчеловека [Электронный ресурс] / В.С. Соловьёв // Электронная библиотека «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/soloviev/sverhchel.html> (дата обращения: 23.01.2014).

13. Фёдоров, Н.Ф. Бессмертие, как привилегия сверхчеловеков [Электронный ресурс] / Н.Ф. Фёдоров. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/fedorov/fedor072.htm> (дата обращения: 25.01.2014).

14. Франк, С.Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» [Электронный ресурс] / С.Л. Франк. URL: <http://philosophy.ru/library/frank/frank.html> (дата обращения: 25.01.2014).

References

1. Aurobindo Sh. *Mysli i aforizmy* [Thoughts and aphorisms], available at: <http://lib.ru/SATPREM/aurobindo1.txt> (accessed 27 January 2014) (in Russian).
2. Beljaev D.A. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya*, 2012, no. 4, pp. 42–44 (in Russian).
3. Delez Zh. *O smerti cheloveka i o sverhcheloveke* [On human death and on overman], available at: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/deleuze/> (accessed 26 January 2014) (in Russian).
4. Dzhejranov F.E. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 18, pp. 139–145 (in Russian).
5. Lukach G. *Literaturnyj kritik*, 1934, no. 12, pp. 27–53 (in Russian).
6. Sverhchelovek [Overman]. *Malyj jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* (The Brockhaus and Efron Small encyclopedic dictionary), available at: <http://slovari.yandex.ru/> (accessed 29 January 2014) (in Russian).
7. Mozhejko M.A. Sverhchelovek [Overman]. *Istorija filosofii. Jenciklopedija (History of philosophy. Encyclopedia)*. Minsk, 2002, pp. 931–933 (in Russian).
8. Nicshe F. Antihrist [Antichrist]. *Ecce Homo. Antihrist. St.Petersburg, Azbuka-klassika*, 2009, 224 p. (in Russian).
9. Nicshe Fridrih. *Novejsnij filosofskij slovar'* [Nietzsche Friedrich. The newest philosophic dictionary], available at: <http://www.e-reading.co.uk/book.php?book=149350> (accessed 29 January 2014) (in Russian).
10. Nicshe F. *Tak govoril Zaratustra: kniga dlja vseh i ni dlja kogo* [Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None]. Moscow, AST, 2007, 397 p. (in Russian).
11. Rassel B. *Istorija zapadnoj filosofii* [The history of West philosophy]. Novosibirsk, Sib. univ. izd-vo; Izd-vo Novosib. un-ta, 2001, 992 p. (in Russian).
12. Solov'ev V.S. *Ideja sverhcheloveka* [Idea of an overman], available at: <http://www.vehi.net/soloviev/sverhchel.html> (accessed 23 January 2014) (in Russian).
13. Fedorov N.F. *Bessmertie, kak privilegija sverhchelovekov* [Immortality as a privilege of overmen], available at: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/fedorov/fedor072.htm> (accessed 25 January 2014) (in Russian).
14. Frank S.L. Fr. *Nicshe i jetika «ljubvi k dal'nemu»* [Friedrich Nietzsche and ethics of "love for faraway"], available at: <http://philosophy.ru/library/frank/frank.html> (accessed 25 January 2014) (in Russian).

UDC 101.1

THE PROBLEM OF THE IMAGE CONSTRUCTION OF AN «OVERMAN» BODY (ON THE CONCEPTS OF NIETZSCHE'S PHILOSOPHY)

Dydov Artur Aleksandrovich,

South Ural State University (National Research University), Associate Professor of the Chair of Philosophy and Sociology, Candidate of Philosophical Sciences, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: zenonstoik@mail.ru

Annotation

This article focuses on the little-known problem – the image construction of an «Overman» body. The «Overman» concept (one of the key concepts of Nietzsche's philosophy) has been studied quite thoroughly, but the researchers have focused on the world of «Overman» values, his (or her) attitudes to morality, law and religion. One gets the wrong impression that the image of the future human incorporeal, as if «Overman» does not have the body. This article seeks to solve the posed problem

Key concepts:

Overman,
Body,
Image,
Higher Man.

УДК 334.6(471) «195» (09)

СОВЕТСКАЯ ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ 1950-х гг.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ*

Пасс Андрей Аркадьевич,
Челябинский государственный
университет,
заведующий кафедрой
политических наук,
доктор исторических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: pass_andrey@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу научных публикаций, освещающих деятельность кооперативных предприятий (промысловых артелей) России в хронологический период между завершением восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) и полным государствлением кооперативной промышленности в 1960 г.

Ключевые понятия:

промысловая кооперация,
историография,
периодизация изучения советской
кооперативной промышленности,
советский и постсоветский этапы ис-
следования кооперативной
проблематики.

В современной России реализация долговременных планов экономического роста представляется проблематичной. Их способность обеспечить приемлемый уровень благосостояния для большинства населения также вызывает сомнение. Это актуализирует научный анализ результатов исследований альтернативных хозяйственных форм в виде кооперативных предприятий, существовавших в нашей стране вплоть до 1960 г. и возрождённых в 1987 г. Ранее они успешно противостояли сокрушительному натиску этатистской автократии, теперь же достаточно уверенно чувствуют себя в «стихии рынка».

Историография российской промышленной кооперации довольно обширна. Но применительно к рассматриваемым временным рамкам, тем более в заявленном региональном разрезе, количество публикаций невелико. Тем не менее, знакомство с ними позволяет определить периодизацию накопления научных знаний. Такие попытки недавно стали предприниматься. Это свидетельствует о растущем внимании исследователей к интересующей нас проблеме [12].

В качестве первого периода отечественной историографии выделяется хронологический отрезок 1950 – начало 1990-х гг. с несколькими подэтапами (1950–1960 гг.; 1960–1987 гг.; 1987–1991 гг.), необходимыми для структурирования критических обзоров. Второй период берёт начало в 1990-е гг. и продолжается по настоящее время. Данный подход учитывает, что в течение последних 20 лет был изжит идеологический диктат по отношению к сообществу учёных, которые получили возможность формулировать и излагать широкую палитру альтернативных взглядов.

В начале 1950-х гг. печатались работы эмпирической направленности о месте и роли промысловой кооперации в социалистическом народном хозяйстве СССР [1; 40]. Авторы ориентировались на идею претворения в жизнь «ленинского кооперативного плана», само существование которого современные учёные подвергают сомнению [29].

Свою лепту в изучение вопроса внесли экономисты. Некоторые соискатели, защитившие диссертации в первой половине 1950-х гг., исходили из понимания кооперативной промышленности как постоянно-го и долговременного помощника крупной государственной промышленности [54; 2].

*Статья подготовлена при поддержке гранта РФНФ (проект 14-01-00100).

Они опирались на рассуждения И.В. Сталина, изложенные в работе 1952 г. «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней руководитель партии и правительства писал, что «... групповая – колхозная собственность, товарное обращение в настоящее время ... с успехом используются нами для развития социалистического хозяйства, и они приносят нашему обществу несомненную пользу. Несомненно, что они будут приносить пользу и в ближайшем будущем» [47, с. 203].

Однако ниже провозглашалась цель постепенной замены торговли между промышленностью и сельским хозяйством продуктообменом с тем, чтобы «колхозы получали за свою продукцию не только деньги, а, главным образом, необходимые изделия». Подчеркивалось, что «такая система потребует громадного увеличения продукции, отпускаемой городом деревне, поэтому её придётся вводить без особой торопливости, по мере накопления городских изделий» [47, с. 223]. В соответствии с данным тезисом другая часть молодых учёных акцентировала внимание на необходимости крутого подъёма промкооперацией выпуска товаров народного потребления. В их трудах доказывалось, что для решения поставленной задачи имеются все необходимые условия [32].

Третья группа исследователей, упорно толкуя тезис о невозможности «добиться ни изобилия продуктов, могущего покрыть все потребности общества, ни перехода к формуле «каждому по потребностям», оставляя в силе такие экономические факты, как колхозно-групповая собственность, товарное обращение и т.п.» [47, с. 202], выступали за скорую национализацию промысловых кооперативов [9]. Не претендуя на какой-либо вердикт по поводу теоретической значимости книги И.В. Сталина и её вклада в марксизм-ленинизм, отметим, что эта работа, с одной стороны, стала результатом напряжённых дискуссий, которые велись в советской науке в конце 1940-х – начале 1950-х гг. по ключевым вопросам социально-экономического развития СССР, а с другой – не только не положила им конец, но оставила самое широкое поле для разнообразных интерпретаций содержащихся в ней положений.

Параллельно научным изысканиям, в 1950-е гг. продолжала выходить литература, посвящённая повседневному нуждам артелей и их союзов: обобщался опыт хозяйствования, обсуждались способы фи-

нансирования, выяснялись особенности правового статуса [40; 20]. Ряд публикаций был осуществлён по инициативе учебных заведений, готовивших кадры для кооперативной промышленности [15; 50; 41; 17; 13]. Несмотря на узкую источниковую базу и отсутствие собственно исторических сюжетов, эти материалы дают общую картину состояния кооперативного сектора в общесоюзном масштабе.

Отдельно следует упомянуть брошюры, в которых освещены усилия трудовых коллективов артелей по внедрению передовых (в то время) технологий и методов производства: стахановского движения, борьбы за снижение себестоимости продукции, опыта молодёжных бригад и бригад коммунистического труда [46; 21; 43; 38].

Продолжалось изучение специализированных видов кооперации. В частности, представители Всероссийского союза инвалидов скрупулёзно собирали информацию о текущем состоянии дел в системе, а также планах на будущее [31; 15]. Художественными промыслами интересовались искусствоведы. Их занимали проблемы технологической специфики отрасли, внедрения нововведений, сохранения традиций мастеров-артельщиков в декоративно-прикладном искусстве [11; 22].

Рассматриваемый период характеризуется тем, что появляются работы, в которых кооперативная промышленность представлена на микро-уровне. В. П. Бородин принял исследование географии промыслов одного из районов Кировской области и попытался с научной точки зрения объяснить их конфигурацию [8]. Председатель Челябинского областного промыслового союза В.С. Васильев сравнил развитие местной и кооперативной промышленности Южноуральского региона в послевоенное десятилетие и пришёл к заключению, что последняя по темпам роста заметно опережала малые госпредприятия [10].

В 1955 г. в издательстве «Посев» (ФРГ) печатается монография видного деятеля русского зарубежья профессора А.Д. Билимовича. Отдельный параграф посвящён реалиям и перспективам ремесленной и кустарной кооперации в СССР [7]. Учёный отмечал, что в ходе индустриализации и Второй мировой войны от неё осталась лишь кооперативная вывеска. В настоящий момент она «запряжена» советской властью в работу на государство, а потому очень мало может давать населению, хотя по целому ряду предметов первой необходимости является единственным источни-

ком. Её судьба – стать жертвой «грубого этатизма» [7, с. 127, 128]. Следует признать, что его негативный прогноз вскоре осуществился.

Вторая половина 1950-х гг. отмечена выходом альманаха, приуроченного к 40-летию советской промысловой кооперации [53]. Интерес вызывают данные о валовом выпуске продукции, росте технической вооружённости, количестве артелей, их группировке по числу членов, представленные на середину десятилетия. Из них явствует, что в стране шёл процесс концентрации кооперативного производства, что позволяло системе играть всё большую роль в повышении благосостояния народа.

Итак, литература первого подэтапа историографии избранной темы (1950–1960 гг.), весьма разнородна. Научные работы характеризуются дискуссионным настроением относительно перспектив и возможностей негосударственного сектора экономики, ориентированного на удовлетворение потребностей населения, а опубликованные информативно-инструктивные и учебные материалы могут служить исходной базой для ознакомления с проблематикой, которая волновала кооператоров в то время. Отчётливо заявил о себе регионально-краеведческий аспект, в рамках которого происходил сбор фактов для последующего анализа.

Хронологический отрезок 1960–1987 гг. был ознаменован подготовкой фундаментальных трудов, раскрывающих разнообразные стороны социально-экономической истории советского общества [24; 23]. Отдельным предметом рассмотрения становится бытовое обслуживание населения. Констатируется, что к началу 1950-х гг., как и в довоенные годы, промысловая кооперация продолжала играть в этом деле ведущую роль [24, с. 489]. В кооперативном секторе вводилось в эксплуатацию большое количество новых предприятий бытового назначения, оснащённых современными машинами, механизмами и оборудованием [24, с. 494]. Авторы не отрицают, что постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 апреля 1956 г. о передаче наиболее крупных специализированных предприятий промкооперации в государственную промышленность привело к массовому оттоку из системы квалифицированных специалистов, которые предпочли статус кустаря-частника [24, с. 491, 502].

В 4-м томе «Истории советского рабочего класса» также присутствует сюжет

о промысловых артелях в исследуемый период. Касательно проблемы их огосударствления в 1960 г. есть замечание, что последующая практика свидетельствовала о неоправданности этого шага, поскольку «имела негативные социально-экономические последствия» и потенциальные возможности кооперативных предприятий «не были до конца использованы». В свете сказанного совершенно надуманным выглядит утверждение о том, что, якобы, технический прогресс и лучшие условия труда позволили осуществить перевод её членов в ряды рабочего класса [23, с. 70, 106].

Следует отметить научную добросовестность отдельных учёных, которым осуждение Л.И. Брежневым совнархозов позволило ещё в начале 1970-х гг. заявить о свёртывании Н. С. Хрущёвым промысловых артелей как о неправильном решении. Они писали, что «не будь этого шага ... в них могло бы работать до 30% населения СССР, в первую очередь, крестьянство и жители малых городов» [3].

В итоге второй подэтап историографии оказался малопродуктивен в плане количества изданных работ, но он содержал критику экономической политики КПСС в отношении производственных кооперативов, послужившую стимулом для продолжения исследований по данной теме.

На январском 1987 г. Пленуме КПСС М.С. Горбачёв назвал ликвидацию промкооперации ошибочной [30, с. 9]. Последующее принятие Верховным Советом СССР «Закона о кооперации» [19, с. 387–441] вновь пробудило интерес общественности к этой проблематике. Вышли работы, посвящённые как отдельным видам кооперации, так и различным дискурсам их существования при социализме [45; 28; 39]. Написанные экономистами, они слабо учитывали опыт прошлого.

Предпринималась попытка новых трактовок наследия идеологов кооперации. Увидели свет монографии и статьи о творчестве А.В. Чайнова и М.И. Туган-Барановского [49; 25; 42; 48; 14], без обращения к которому невозможно составить объективное представление о судьбах отечественной кооперации. Как известно, в СССР она утратила статус массового социального движения, став малым коллективным предприятием, сохранившимся в таких отраслях, как производство товаров повседневного спроса, бытовое обслуживание, сельская торговля, где у неё либо не было конкурентов, либо они действовали неэффективно.

К достижениям третьего подэтапа историографии следует отнести углублённое изучение кооперативной теории и результатов её прикладного использования, что вооружило исследователей парадигмальным видением социально-экономических процессов, связанных с коллективной, групповой и частной формами собственности.

Постсоветские публикации открывают новый этап изучения кооперативной проблематики. В 1992 г. при участии Международного кооперативного альянса в России создаётся Межрегиональная ассоциация исследователей проблем кооперации и предпринимательства. Появляются первые специальные работы по теме, написанные в историческом ключе. Челябинский учёный П.Г. Назаров в 1991 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию, а в 1994–1995 гг. написал несколько научно-популярных брошюр о воздействии центральной власти на промкооперацию [33; 34; 35; 36]. Он обосновал периодизацию государственной политики в отношении промысловой системы, а также выявил сочетание рыночных и плановых начал в деятельности Роспромсовета. Рассмотрев отраслевые, кадровые, организационные и финансовые аспекты работы этого кооперативного органа, П.Г. Назаров реконструировал мероприятия по огосударствлению предприятий, находившихся в его ведении. Ценность его работ заключается в привлечении устных источников – интервью бывших руководителей промкооперации СССР и РСФСР, которые позволили сделать вывод о том, что её ликвидация в 1960 г. была импульсивной и непродуманной. Однако последствия проводимого политического курса, с которыми пришлось столкнуться артелям и промысловым советам на местах, в частности на Урале и в Челябинской области, остались за пределами внимания исследователя.

Распад СССР побудил по-иному интерпретировать эпоху «реального» социализма. Значимой вехой стало появление коллективного двухтомника «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал» [44]. В статье Л.М. Тимофеева «Институциональная коррупция социалистической системы» находим важный вывод о роли всеобъемлющих теневых отношений, которые, в конце концов, и опровергли все построения коммунистов [44, с. 509]. Как известно, промысловая кооперация была своеобразным инкубатором этих отношений.

Стремление избежать тотального отрицания при обращении к советскому наследию отличает книгу А.А. Данилова и А.В. Пыжикова [18]. Оценивая дискуссии в руководстве страны в конце 1940-х – начале 1950-х гг., авторы указывают на то, что их итоги не только не исключали ограниченное применение рыночных регуляторов, но открыто санкционировали их в условиях, когда экономика, сохранявшая мобилизационный характер, не обеспечивала необходимых объёмов производства ширпотреба. Однако по мере преодоления дефицита товаров и услуг, вызванного положительными эффектами индустриального развития и (в немалой степени!) деятельностью кооперативов, последние подлежали свёртыванию.

Первое десятилетие XXI в. отмечено рядом диссертаций, в которых актуализируется региональное измерение заявленной проблемы, в том числе в интересующем нас временном отрезке. Усилиями Б.Д. Цирянова, Ю.Т. Никонова, И.Н. Балахоновой, Н.Я. Чуваева на материалах областей и автономных республик раскрыты такие вопросы, как мотивация труда, социальное положение, материально-бытовые условия членов промартелей [51; 37; 4; 52]. Перечисленные работы содержат обильный материал для применения сравнительно-исторического подхода.

В последние годы арсенал средств изучения кооперативной проблематики пополнился интернет-ресурсами. О. Каменева разместила на сайте одного из периодических изданий очерк истории ассоциацией инвалидов в России, где проанализировала причины слияния их производственных структур с промкооперацией вплоть до полного упразднения (соответственно 1953 и 1960 гг.) [26]. А. Балиев обратил внимание на то, что огосударствление артелей имело особо пагубные последствия для сельских районов РСФСР, в экономике которых, по его словам, доля промыслов стабильно превышала 25%, а в снабжении продовольственными и промышленными товарами составляла 40% [5].

Вышеизложенное позволяет заключить, что в течение 1990-х – 2000-х гг. в условиях отмены цензурных ограничений оформились оригинальные интерпретации событий отечественной истории второй половины XX в., объясняющие, среди прочего, и те коллизии, которые испытал кооперативный сектор. Накопление знаний выразилось в привлечении учёными широкого комплекса опубликованных

источников, материалов центральных и местных архивов, документальных свидетельств личного характера. Заявили о себе исследователи, работающие в жанре исторического регионоведения. Появились интернет-публикации, в доступной форме излагающие переломные моменты истории отечественной кооперации. Растущий интерес исследователей выразился в том, что кооперативная промышленность на федеральном и местном уровне стала, наконец, самостоятельным предметом изучения.

Вместе с тем, анализ совокупности имеющихся публикаций приводит к выводу об описательности, эпизодичности изложения, разрозненности и однообразии данных, которыми оперируют историки, особенно провинциальные. Это не позволяет квалифицировать их работы как завершённые исследования. В накопленных к настоящему моменту научных знаниях об организационной и отраслевой структурах промысловой системы, о низовых звеньях её аппарата, имевших выход на местные органы власти, о повседневных деловых практиках артельщиков имеются многочисленные лакуны. Только после их заполнения понимание сущности производственных кооперативов и их роли в советской мобилизационной экономике образца 1950-х гг. будет адекватным, что, в свою очередь, поможет разобраться и в общих закономерностях её функционирования.

1. Агашкова, Т.В. Современная кооперативная промышленность как форма социалистического производства [Текст] / Т.В. Агашкова. Москва, 1950. 273 с.

2. Агашкова, Т.В. Советская кооперативная промышленность как форма социалистического производства [Текст] / Т.В. Агашкова: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Киев, 1952. 15 с.

3. Багров, В.Д. Роль промышленности местного подчинения и промыслов в увеличении товарных ресурсов [Текст] / В.Д. Багров. Москва, 1972. 122 с.

4. Балахонова, И.Н. Осуществление партийно-государственной политики в промысловой кооперации Горьковской области в 1917–1960 гг. [Текст] / И.Н. Балахонова: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2009. 259 с.

5. Балиев, А. Как разрушали российскую глубинку [Электронный ресурс] / А. Балиев // Столетие: инф.-анал. изд-е фонда Истор. перспективы. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/kak_razrushali_rossijskiju_glubinku_2011-04-22.htm (дата обращения: 07.10.2011).

6. Белов, Е.Н. Практическое пособие по техническому нормированию для работников артелей промысловой кооперации [Текст] / Е.Н. Белов, М.А. Демина. Москва, 1954. 166 с.

7. Билимович, А.Д. Кооперация России до, во время и после большевиков [Текст] / А.Д. Билимович. Москва, 2005. 192 с.

8. Бородин, В.П. География сельской промышленности Кирово-Слободского района [Текст] / В.П. Бородин: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Москва, 1955. 16 с.

9. Бунич, П.Г. Промысловая кооперация СССР и её роль в дальнейшем увеличении производства предметов народного потребления в пятой пятилетке [Текст] / П.Г. Бунич: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 1955. 22 с.

10. Васильев, В.С. Вопросы экономики местной и кооперативной промышленности Южного Урала [Текст] / В.С. Васильев. Челябинск, 1958. 43 с.

11. Варваров, В.М. Художественные промыслы РСФСР [Текст] / В.М. Варваров, З.И. Тангибердыев. Москва, 1959. 119 с.

12. Воробьёва, А.Ю. Кооперативная промышленность послевоенного СССР в отечественной историографии [Текст] / А.Ю. Воробьёва // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ. Вып. 2. Челябинск, 2006. С. 43–49.

13. Воронцов, С.М. Финансовое планирование в промкооперации [Текст] / С.М. Воронцов. Москва, 1955. 180 с.

14. Выдрин, Д.И. Отец русской кооперации [Текст] / Д.И. Выдрин // Молодой коммунист. 1990. № 3. С. 53–58.

15. Головин, А.Ф. Планирование производства в промысловой кооперации [Текст] / А.Ф. Головин. Москва, 1951. 132 с.

16. Голубев, В.И. За снижение себестоимости на каждой производственной операции. Опыт артели «Вперёд» [Текст] / В.И. Голубев. Москва, 1952. 54 с.

17. Данилевич, Е.П. Ценообразование в промкооперации [Текст] / Е.П. Данилевич. Москва, 1954. 100 с.

18. Данилов, А.А. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы [Текст] / А.А. Данилов, А.В. Пыжиков. Москва, 2001. 304 с.

19. Девятая сессия Верховного Совета СССР: Одиннадцатый созыв 24–26 мая 1988 г. [Текст] / Стенографический отчет. Москва, 1999. С. 387–441.

20. Евенко, И.А. Кооперативная промышленность СССР и её роль в производстве товаров народного потребления [Текст] / И.А. Евенко. Москва, 1954. 40 с.

21. Зюяков, Т.Н. Передовые методы труда в артелях промысловой кооперации [Текст] / Т.Н. Зюяков, С.Е. Семечкин. Киев, 1952. 55 с.

22. Ильин, М.А. Русское народное искусство [Текст] / М.А. Ильин. Москва, 1959. 69 с.

23. История рабочего класса СССР. В 6 т. Т. 4. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества 1945–1960 гг. [Текст]. Москва, 1987. 519 с.

24. История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х гг. [Текст]. Москва, 1980. 589 с.

25. Кабанов, В.В. Александр Васильевич Чаянов [Текст] / В.В. Кабанов // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 146–167.

26. Каменева, О. «Не везет им в смерти?» – судьба инвалидов кооперативов в России [Текст] / О. Каменева // Отечественные записки. 2004. № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=17&article=856>. (дата обращения: 15.10.2011).

27. Кооперативная собственность при социализме: возможности и перспективы [Текст]. Москва, 1989. 181 с.

28. Лушина, Н.Л. Мелкое производство и социализм [Текст] / Н.Л. Лушина. Москва, 1988. 129 с.

29. Марьяновский, В.А. Советская экономика и кооперация – несостоявшийся альянс [Текст] / В.А. Марьяновский. Москва, 1993. 119 с.

30. Материалы Пленума ЦК КПСС. 25–28 января 1987 г. [Текст]. Москва, 1987. 94 с.

31. Михайлов, С. Кооперация инвалидов РСФСР [Текст] / С. Михайлов. Москва, 1950. 71 с.

32. Мохнацкая, Б.П. Роль кооперативной промышленности СССР в осуществлении круглого подъема производства предметов народного потребления [Текст] / Б.П. Мохнацкая: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 1954. 24 с.

33. Назаров, П.Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика советского государства. 1950–1960 гг. [Текст] / П.Г. Назаров: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1991. 227 с.

34. Назаров, П.Г. История инвалидной и художественной промкооперации в России [Текст] / П.Г. Назаров. Челябинск, 1994. 49 с.

35. Назаров, П.Г. История российской промышленной кооперации, 1932–1952 [Текст] / П.Г. Назаров. Челябинск, 1994. 71 с.

36. Назаров, П.Г. История российской промышленной кооперации (1799–1960) [Текст] / П.Г. Назаров. Челябинск, 1995. 134 с.

37. Никонов, Ю.Т. История промышленной кооперации Удмуртии. 1920–1960 [Текст] / Ю.Т. Никонов: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000. 224 с.

38. Расин, Б.И. Опыт бригад коммунистического труда в артелях Ленинградской облпромкооперации [Текст] / Б.И. Расин. Ленинград, 1960. 93 с.

39. Селунская, В.М. Ленинское учение о кооперации и современность [Текст] / В.М. Селунская. Москва, 1989. 62 с.

40. Сенько, А.Н. Местная государственная и кооперативная промышленность в СССР [Текст] / А.Н. Сенько. Москва, 1952. 27 с.

41. Серебряная, Н.М. Капитальное строительство в промкооперации [Текст] / Н.М. Серебряная. Москва, 1957. 82 с.

42. Серова, Е.В. Сочетание форм кооперации в учении А.В. Чайнова и кооперативное строительство в СССР [Текст] / Е.В. Серова // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. № 12. С. 32–44.

43. Симонов, Е.Д. Их труд служит родине. Опыт работы молодежных бригад промкооперации РСФСР [Текст] / Е.Д. Симонов. Москва, 1954. 63 с.

44. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал [Текст]: в 2-х т. / Под общей ред. Ю.Н. Афанасьева. Москва, 1997. 509 с.

45. Социалистическая кооперация: история и современность [Текст]. Москва, 1989. 223 с.

46. Ставрицкий, А.И. По примеру Лидии Корабельниковой. Стахановцы промкооперации [Текст] / А.И. Ставрицкий. Москва, 1950. 78 с.

47. Сталин, И. В. Сочинения [Текст] / И.В. Сталин. Т. 16. Москва, 1997. 385 с.

48. Татарникова, С. Теоретик кооперации: к 125-летию со дня рождения М.И. Туган-Барановского [Текст] / С. Татарникова // Советская потребительская кооперация. 1988. № 12. С. 5–9.

49. Фигуровская, Н.К. К 100-летию со дня рождения А.В. Чайнова [Текст] / Н.К. Фигуровская // Вопросы экономики. 1988. №1. С. 9–14.

50. Фролов, К.И. Организация работы правления кооперативной артели [Текст] / К.И. Фролов. Москва, 1954. 140 с.

51. Цириянов, Б.Д. История промышленной кооперации в Бурят-Монгольской АССР. 1923–1960 гг. [Текст] / Б.Д. Цириянов: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 177 с.

52. Чуваев, Н.Я. Промысловая кооперация Алтая (1945–1960 гг.) [Текст] / Н.Я. Чуваев. Магистерская диссертация. Барнаул, 2010. 160 с.

53. Яковлев, П.И. Промысловая кооперация СССР за 40 лет [Текст] / П.И. Яковлев. Москва, 1957. 52 с.

54. Янгузаров, А.М. Промысловая кооперация, её значение и развитие в социалистическом народном хозяйстве: на материалах БАССР [Текст] / А.М. Янгузаров: дис. ... канд. экон. наук. Свердловск, 1953. 239 с.

References

1. Agashkova T.V. *Sovremennaja kooperativnaja promyshlennost' kak forma socialisticheskogo proizvodstva* [Modern cooperative industry as a form of socialist production]. Moscow, 1950, 273 p. (in Russian).

2. Agashkova T.V. *Sovetskaja kooperativnaja promyshlennost' kak forma socialisticheskogo proizvodstva* [Soviet cooperative industry as a form of socialist production]. Kiev, 1952, 15 p. (in Russian).

3. Bagrov V.D. *Rol' promyshlennosti mestnogo podchinenija i promyslov v uvelichenii tovarnyh resursov* [Role of industry of local subordination and business in increasing commercial resources]. Moscow, 1972, 122 p. (in Russian).

4. Balahonova I.N. *Osushhestvlenie partijno-gosudarstvennoj politiki v promyslovoj kooperacii Gor'kovskoj oblasti v 1917–1960 gg.* [Implementing party and state policy in nonagricultural producers' cooperatives of Gorky region in 1917–1960]. Nizhni Novgorod, 2009, 259 p. (in Russian).

5. Baliev A. *Kak razrushali rossijskuju glubinku* [How they destroyed Russian province], available at: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/kak_razrushali_rossijskuju_glubinku_2011-04-22.htm (accessed 7 November 2011) (in Russian).

6. Belov E.N., Djomina M.A. *Prakticheskoe posobie po tehničeskomu normirovaniju dlja rabotnikov artelej promyslovoj kooperacii* [Practical manual on technical rating for people of working associations of nonagricultural producers' cooperatives]. Moscow, 1954, 166 p. (in Russian).

7. Bilimovich A.D. *Kooperacija Rossii do, vo vremja i posle bol'shevikov* [Cooperatives of Russia before, during and after Bolshevik]. Moscow, 2005, 192 p. (in Russian).

8. Borodin V.P. *Geografija sel'skoj promyshlennosti Kirovo-Slobodskogo rajona* [Geography of rural industry of Kirov-Slobodsk area]. Moscow, 1955, 16 p. (in Russian).
9. Bunich P.G. *Promyslovaja kooperacija SSSR i ee rol' v dal'nejšem uveličenii proizvodstva predmetov narodnogo potreblenija v pjatoj pjatiletke* [Nonagricultural producers' cooperatives of the USSR and its role in the further increase of production of fast moving consumer goods in the 5th five-year plan]. Moscow, 1955, 22 p. (in Russian).
10. Vasil'ev V.S. *Voprosy jekonomiki mestnoj i kooperativnoj promyshlennosti Juzhnogo Urala* [Problems of economy of local and cooperative industry of South Ural]. Cheljabinsk, 1958, 43 p. (in Russian).
11. Varvarov V.M., Tangiberdyev Z.I. *Hudozhestvennyje promysly RSFSR* [Artistic craftwork of the RSFSR]. Moscow, 1959, 119 p. (in Russian).
12. Vorob'eva A.Ju. *Kooperativnaja promyshlennost' poslevoennogo SSSR v otechestvennoj istoriografii* [Cooperative industry of the post-war USSR in the national historiography]. Sbornik nauchnyh rabot aspirantov i studentov istoričeskogo fakul'teta ChelGU. Vyp. 2 (Set of scientific works of postgraduates and students of the Historic Department of Chelyabinsk State University). Cheljabinsk, 2006, pp.43-49 (in Russian).
13. Voroncov S.M. *Finansovoe planirovanie v promkooperacii* [Financial planning in nonagricultural producers' cooperatives]. Moscow, 1955, 180 p. (in Russian).
14. Vydrin D.I. *Molodoj communist*, 1990, no. 3, pp. 53–58 (in Russian).
15. Golovin A.F. *Planirovanie proizvodstva v promyslovoj kooperacii* [Planning of the production in nonagricultural producers' cooperatives]. Moscow, 1951, 132 p. (in Russian).
16. Golubev V.I. *Za sniženie sebestoimosti na kazhdoj proizvodstvennoj operacii. Opyt arteli «Vpered»* [For cost reduction at every production operation. Experience of the working association "Vpered"]. Moscow, 1952, 54 p. (in Russian).
17. Danilevich E.P. *Cenoobrazovanie v promkooperacii* [Price formation in nonagricultural producers' cooperatives]. Moscow, 1954, 100 p. (in Russian).
18. Danilov A.A., Pyzhikov A.V. *Rozhdenie sverhderzhavy: SSSR v pervye poslevoennye gody* [Birth of the supercountry: the USSR in the early post-war years]. Moscow, 2001, 304 p. (in Russian).
19. *Devjataja sessija Verhovnogo Soveta SSSR: Odinnadcatyj sozyv* 24–26 maja 1988 g. Stenograficheskij otchet [The 9th session of the Supreme Soviet of the USSR. The 11th calling 24–26 May 1988. Verbatim record]. Moscow, 1999, pp.387–441 (in Russian).
20. Evenko I.A. *Kooperativnaja promyshlennost' SSSR i ee rol' v proizvodstve tovarov narodnogo potreblenija* [Cooperative industry of the USSR and its role in the production of fast moving consumer goods]. Moscow, 1954, 40 p. (in Russian).
21. Zujakov T.N., Semechkin S.E. *Peredovye metody truda v arteljah promyslovoj kooperacii* [Advanced technology in the working associations of nonagricultural producers' cooperatives]. Kiev, 1952, 55 p. (in Russian).
22. Il'in M.A. *Russkoe narodnoe iskusstvo* [Russian folk art]. Moscow, 1959, 69 p. (in Russian).
23. *Istorija rabocheho klassa SSSR. V 6 t. T.4. Rabochij klass SSSR v gody upročhenija i razvitija socialističeskogo obshhestva 1945–1960 gg.* [History of the USSR working class. In 6 volumes. Volume 4. The working class of the USSR in the years of strengthening and developing socialist society. 1945–1960]. Moscow, 1987, 519 p. (in Russian).
24. *Istorija socialističeskoj jekonomiki SSSR. V 7 t. – T. 6. Vosstanovlenie narodnogo hozjajstva SSSR. Sozdanie jekonomiki razvitogo socializma. 1946 – nachalo 1960-h gg.* [History of socialist economy of the USSR. In 7 volumes. Volume 6. Renewal of national economy of the USSR. Creating the economy of developed socialism. 1946–early 60s]. Moscow, 1980, 589 p. (in Russian).
25. Kabanov V.V. *Voprosy istorii*, 1988, no. 6, pp. 146–167 (in Russian).
26. Kameneva O. *Otechestvennyje zapiski*, 2004, no. 2, available at: <http://www.strana-oz.ru/?numid=17&article=856> (accessed 15 October 2011) (in Russian).
27. *Kooperativnaja sobstvennost' pri socializme: vozmožnosti i perspektivy* [Cooperative property in the context of socialism: possibilities and prospects]. Moscow, 1989, 181 p. (in Russian).
28. Lushina N.L. *Melkoe proizvodstvo i socializm* [Small-scale production and socialism]. Moscow, 1988, 129 p. (in Russian).
29. Mar'janovskij V.A. *Sovetskaja jekonomika i kooperacija – nesostojavshijsja al'jans* [Soviet economy and cooperation is a might-have-been alliance]. Moscow, 1993, 119 p. (in Russian).
30. *Materialy Plenuma CK KPSS. 25–28 janvarja 1987 g.* [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU. 25–28 января 1987 г.] Moscow, 1987, 94 p. (in Russian).
31. Mihajlov S. *Kooperacija invalidov RSFSR* [Cooperative of the disabled people of the RSFSR]. Moscow, 1950, 71 p. (in Russian).
32. Mohnackaja B.P. Rol' kooperativnoj promyshlennosti SSSR v osushhestvlenii krutogo pod#ema proizvodstva predmetov narodnogo potreblenija [Role of cooperative industry of the USSR in carrying out sharp rise of production of fast moving consumer goods]. Moscow, 1954, 24 p. (in Russian).
33. Nazarov P.G. *Promyslovaja kooperacija RSFSR i jekonomičeskaja politika sovetskogo gosudarstva. 1950–1960 gg.* [Nonagricultural producers' cooperatives of the RSFSR and economic policy of soviet state. 1950–1960 rr.]. Moscow, 1991, 227 p. (in Russian).
34. Nazarov P.G. *Istorija invalidnoj i hudozhestvennoj promkooperacii v Rossii* [History of handicapped and artistic nonagricultural producers' cooperatives in Russia]. Cheljabinsk, 1994, 49 p. (in Russian).
35. Nazarov P.G. *Istorija Rossijskoj promyslovoj kooperacii, 1932–1952* [History of Russian nonagricultural producers' cooperatives, 1932–1952]. Cheljabinsk, 1994, 71 p. (in Russian).
36. Nazarov P.G. *Istorija Rossijskoj promyslovoj kooperacii, 1799–1960* [History of Russian nonagricultural producers' cooperatives, 1799–1960]. Cheljabinsk, 1995, 134 p. (in Russian).
37. Nikonov Ju.T. *Istorija promyslovoj kooperacii Udmurtii, 1920–1960* [History of nonagricultural producers' cooperatives of Udmurtia, 1920–1960]. Izhevsk, 2000, 224 p. (in Russian).

38. Rasin B.I. *Opyt brigad kommunisticheskogo truda v arteljah Leningradskoj oblpromkooperacii* [Experience of the brigades of communist labor in work associations in Leningrad regional nonagricultural producers' cooperatives]. Leningrad, 1960, 93 p. (in Russian).

39. Selunskaja V.M. *Leninskoe uchenie o kooperacii i sovremennost'* [Lenin's doctrine on cooperation and modern times]. Moscow, 1989, 62 p. (in Russian).

40. Sen'ko A.N. *Mestnaja gosudarstvennaja i kooperativnaja promyshlennost' v SSSR* [Local state and cooperative industry in the USSR]. Moscow, 1952, 27 p. (in Russian).

41. Serebrjanaja N.M. *Kapital'noe stroitel'stvo v promkooperacii* [Capital construction in nonagricultural producers' cooperatives]. Moscow, 1957, 82 p. (in Russian).

42. Serova E.V. *Vestnik sel'skohozjajstvennoj nauki, 1988*, no. 12, p. 32–44 (in Russian).

43. Simonov E.D. *Ih trud sluzhit rodine. Opyt raboty molodezhnyh brigad promkooperacii RSFSR* [Their labor serves their Motherland. Experience of the activity of youth brigades of nonagricultural producers' cooperatives of the RSFSR]. Moscow, 1954, 63 p. (in Russian).

44. *Sovetskoe obshchestvo: vznikovenie, razvitie, istoricheskij final* [Soviet society: formation, development, historic ending]. Moscow, 1997, 509 p. (in Russian).

45. *Socialisticheskaja kooperacija: istorija i sovremennost'* [Socialist cooperation: history and modern times]. Moscow, 1989, 223 p. (in Russian).

46. Stavrickij A.I. *Po primeru Lidii Korabel'nikovoj. Stahanovcy promkooperacii* [Following the example of Lidiya Korabelnikova. Stakhanovites of nonagricultural producers' cooperatives]. Moscow, 1950, 78 p. (in Russian).

47. Stalin I. V. *Cochinenija. T. 16* [Writings]. Moscow, 1997, 385 p. (in Russian).

48. Tatarnikova S. *Sovetskaja potrebitel'skaja kooperacija, 1988*, no. 12, pp. 5–9 (in Russian).

49. Figurovskaja N.K. *Voprosy jekonomiki, 1988*, no. 1, pp. 9–14 (in Russian).

50. Frolov K.I. *Organizacija raboty pravlenija kooperativnoj arteli* [Organizing work of the managing board of mutual work association]. Moscow, 1954, 140 p. (in Russian).

51. Cirjanov B.D. *Istorija promyslovoj kooperacii v Burjat-Mongol'koj ASSR. 1923–1960 gg.* [History of nonagricultural producers' cooperatives in Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic. 1923–1960]. Ulan-Udje, 2000, 177 p. (in Russian).

52. Chuvaev N.Ja. *Promyslovaja kooperacija Altaja (1945–1960 gg.)* [Nonagricultural producers' cooperatives of Altai (1945–1960)]. Barnaul, 2010, 160 p. (in Russian).

53. Jakovlev P.I. *Promyslovaja kooperacija SSSR za 40 let* [Nonagricultural producers' cooperatives of the USSR for 40 years]. Moscow, 1957, 52 p. (in Russian).

54. Janguzarov A.M. *Promyslovaja kooperacija, ee znachenie i razvitie v socialisticheskom narodnom hozjajstve: na materialah BASSR* [Nonagricultural producers' cooperatives, their importance and development in socialist national economy: as exemplified by Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic]. Sverdlovsk, 1953, 239 p. (in Russian).

UDC 334.6(471) «195» (09)

SOVIET CO-OPERATIVE ENTERPRISES OF THE 1950S: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Pass Andrey Arkadyevich,

Chelyabinsk State University, Head of the Chair of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: pass_andrey@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of scientific publications, covering the activities of cooperative enterprises (commercial artels) in chronological period between the completion of the recovery of the national economy after World War II (late 1940s – early 1950s) and the complete nationalization of cooperative industry in 1960.

Key concepts:

cooperative enterprises, historiography, periodization of Soviet cooperative industry study, Soviet and post-Soviet stages of the cooperative research.

УДК 9; 93/94

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЧЕРНОСОТЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Ивакин Григорий Анатольевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, управление образовательной политики, заместитель начальника, кандидат исторических наук, доцент, Москва, Россия.
E-mail: ivakin@rane.ru

Аннотация

В статье рассматриваются дореволюционные работы, составляющие основу историографии черносотенного движения в период до 1917 года. Анализируются труды, посвящённые различным аспектам деятельности правомонархистов. Даётся общая характеристика трудам дореволюционных исследователей черносотенства. Делаются выводы о том, что данные работы не отличаются глубокой аналитической составляющей и носят скорее публицистический характер. Среди работ данного периода, безусловно, выделяются труды В. Ленина, заложившие основы советской историографической традиции в рассмотрении правомонархического движения в России в начале XX века.

Ключевые слова:

черносотенство, дореволюционная историография черносотенства, Л. Мартов, В. Ленин, В. Обнинский.

Черносотенное движение в России в начале XX века уже не первый год вызывает живой интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей. Появившийся большой массив литературы охватывает различные аспекты организации и деятельности правомонархических союзов и движений, позволяет взглянуть на них с различных точек зрения, но, тем не менее, изучение черносотенной тематики началось уже в годы существования самих черносотенных организаций, то есть в дореволюционный период. В связи с этим представляется крайне важным обращение к работам, посвящённым правомонархизму, написанным современниками, поскольку они являют собой живое свидетельство эпохи.

Актуальность статьи определяется тем, что автор использует весь спектр мнений, существовавших в дореволюционный период, демонстрируя различия во взглядах на «Черную сотню» различных политических течений. Подобный сравнительный анализ позволяет не только выявить позиции дореволюционных авторов, но и сконцентрировать внимание на восприятии современниками правомонархического движения, претендовавшего на государственно-охранительную роль в Российской империи. Таким образом, в данной статье будет осуществлён анализ дореволюционной историографии черносотенного движения с целью выявления степени объективности данных работ, адекватности отражения в них идеологии и практики правомонархизма, а также лучшего понимания восприятия правого лагеря политического спектра страны в рассматриваемый период со стороны его политических оппонентов.

Дореволюционная историография по вопросу черносотенства, как общественного движения, отразила всё разнообразие политических взглядов и направлений эпохи. Политическая полемика вокруг правомонархического движения перекочевала на страницы публицистических и научных изданий, которые являются скорее историческими источниками, нежели научными исследованиями в общепринятом смысле слова.

С одной стороны, представители правящей политической элиты и церковной иерархии того времени восхваляли и оправдывали политическую и идеологическую деятельность черносотенного движения и критически отзывались об антиправительственных силах. С другой стороны, в публикациях представителей революционно-демократического лагеря также не было глубоких исследований идейно-политической основы монархических партий, их тактики борьбы за сохранение целостности страны сквозь призму религиоз-

но-политической доктрины самодержавного строя.

Для нашей работы важными для понимания роли и места крайне правых в общественно-политической жизни России оказались исследования дореволюционных авторов В. Левицкого, В. Меча, Е. Маевского, Л. Мартова, Н. Носкова, А. Майкова, Я. Борисова, Я. Демченко, Е. Вашкова, Б. Алтайского, И. Белоконского, П. Булацель, которые заложили основы историографии крайне правых общественно – политических организаций [31, с. 347–469; 34; 37, с. 10–100; 36; 42; 45; 57; 34; 2; 57; 25 с. 142–154; 39; 59; 35; 9; 23; 16; 4; 13].

Исследования, посвящённые черносотенцам в рассматриваемый период, можно разделить на две группы. Первая из них – это работы, посвящённые непосредственно деятельности черносотенных союзов и организаций, среди них можно выделить как публицистические, так и научные работы. Вторая группа – это работы, посвящённые общему анализу политической ситуации в стране, но в которых также затрагивается деятельность черносотенных движений. Ряд работ, в частности труд В. Обнинского, посвящены погромной деятельности черносотенцев, в них приводятся статистические данные о погромах, количестве погибших и пострадавших в них людей [43]. Тогда же известным либеральным публицистом и издателем В. Водовозовым закладывается ещё одна традиция – публикация программных документов политических партий, в 1906 г. в Санкт-Петербурге опубликовано «Полное собрание платформ всех русских политических партий» [29, с. 89].

Как представляется, дореволюционная историография проблемы формировалась в условиях противостояния революционной и консервативной идеологии. Д. Карпухин отмечает, что консервативная идеология, являвшаяся господствующей в России, вплоть до 1917 г., трактовала «Чёрную сотню» как выразителя общенациональных интересов, противодействующих разрушительным революционным идеям. Революционная идеология же рассматривала политические силы, поддерживавшие самодержавие, то есть черносотенцев, как «реакционные» [28, с. 27].

Представитель последнего идеологического течения Л. Мартов в своей работе «Политические партии в России», среди других политических сил дореволюционной России уделяет значительное внимание крайне правым. Необходимо отметить, что его характеристика черносотенцев имеет отпечаток субъективного отношения к этим организациям,

политическим оппонентам. Л. Мартов писал: «консервативные (или правые) партии стоят за сохранение господствующих порядков, но так как эти порядки разрушаются каждодневно самой жизнью, то в заботах об их укреплении, о том, чтобы сделать их непоколебимыми, консерваторы сплошь и рядом добиваются восстановления уже давно исчезнувших учреждений, которые бы послужили могучим оплотом против всякой новизны» [36, с. 3–4]. Можно сказать, что для Л. Мартова черносотенцы стали олицетворением политической реакции и её охранительной политики.

Наиболее полно представлена литература, посвящённая характеристике и работе правых депутатов в первых двух Государственных думах [3; 1; 20; 22; 6; 5; 8; 10; 11; 12; 48; 49; 50; 30; 26; 38; 40; 62; 15; 19; 21; 53; 54; 55; 27; 41; 46; 47; 58]. Так, один из лидеров партии «Союз 17 октября» профессор всеобщей истории Московского университета В. Герье в своей работе «Первая Государственная дума» резко критикует политику и тактику кадетов, обвиняя их в излишнем революционизме. Он критически относится к позиции партии «трудовиков» в отношении правомонархически настроенного духовенства, которые призывали «не слушать никаких проповедей со стороны духовенства...» [20, с. 49]. Он считал, что православие – неотъемлемая часть самодержавия, а «монархия... в конституционном государстве – лучшая гарантия против захвата...» [20, с. 7].

Что же касается дореволюционной историографии по III и IV Государственным думах, то наиболее полная информация содержится в работах А. Вязигина, В. Обнинского, М. Сендерко, А. Яковлева и А. Роппа, которые отражали не только свои взгляды, но и отчасти позиции политических партий по тому или иному вопросу в Думе [7; 17; 18; 51; 61; 44; 52; 24; 63].

Полезным оказалось для понимания роли и места правых во II Государственной думе обращение к труду В. Обнинского «Новый строй». В. Обнинский, помимо общей характеристики сословного представительства в Думе, даёт объективную оценку клирикам-черносотенцам и духовенству в целом и церковно-государственным отношениям в период революции 1905 года. Критикует православное духовенство, которое: «давно выродилось в касту, со всеми её недостатками...», но и отмечает его сильные стороны: «крепкую организованность, железную дисциплину, возможность для каждого достигнуть высшей власти, быстрое накопление материальных кастовых средств», являющихся «сильной поддержкой абсолютизма, нежели

чиновничество, лишённое кастового характера» [44, с. 310]. Он также отмечает разницу взглядов между чёрным и белым духовенством в отношении аграрного вопроса, смертной казни и образования.

Важной для понимания позиций правомонархически настроенного клира служит книга правого депутата-священника Н. Сендерко «Государственная дума и жизненные вопросы православного духовенства». Как активный участник думской деятельности священник Н. Сендерко даёт основательный анализ положению духовенства в России, Америке и Европе. Ему импонирует американская модель отношений Церкви и государства. На протяжении всего рассуждения он отстаивает идею созыва Собора, для того чтобы избежать нарастания кризисных явлений в Церкви.

Значительным вкладом в изучение черносотенного движения являются дореволюционные работы В. Ленина. Так, например, В. Ленин, характеризуя правые партии в своих статьях, которые преимущественно носили публицистический характер, обращал внимание на их стремление защитить интересы правящих классов и царского самодержавия [32]. Он уделяет довольно много внимания анализу общественно-политической обстановки в стране и обстоятельно характеризует черносотенное движение. Из названия статей видно, в каком контексте упоминаются черносотенцы: «О демонстрации по поводу смерти Муромцева», «Л.Н. Толстой», «Начало демонстраций», «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», «Чёрные сотни и организация восстания», «Первые итоги политической группировки», «Политические партии в России», «Революционный подъём», «Значение выборов в Петербурге», «Итоги полугодовой работы», «Кадеты и демократия», «Накануне выборов в IV Государственную думу», «Духовенство и политика», «Ещё один поход на демократию», «К вопросу о рабочих депутатах в Думе и их декларации», «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», «Государственная дума и социал-демократическая тактика», «Ко всем рабочим и работницам города Петербурга и окрестностей», «Резолюция петербургской организации РСДРП о тактике бойкота», «Победа кадетов и задачи рабочей партии», «Опыт классификации русских политических партий», «Политические партии в России» и др.

В. Ленин в статье «Опыт классификации русских политических партий» выделяет «черносотенство» как особый тип идеологии людей, желающих «сохранения и формального восстановления самодержавия». В статье «Кого выбирать в Государственную

думу?» Ленин подчёркивает, что черносотенцы «защищают интересы помещиков-крепостников», повторяет обвинения либералов в организации погромов. Ленин не делал различия между «националистами» и правыми, хотя они сами такое различие подчёркивали. «Одни поглубже, другие потоньше делают одно и то же, — писал он. — Да и правительству выгодно, чтобы «крайние» правые, способные на всяческий скандал, погром, убийство Герценштейнов, Иоллосов, Караваевых, стояли немного в стороне, как будто бы они «критиковали» правительство справа...». Осенью 1913 г. в статье «О черносотенстве» Ленин вынужден был признать, что в «партии помещиков», как большевики традиционно называли правых, объединились не только эксплуататоры: «нет-нет, и прорвётся голос подлинной мужицкой жизни, мужицкий демократизм».

Черносотенцы присутствовали во всех звеньях общественной жизни, принимали активное участие в мероприятиях, посвящённых памятным датам истории России, в политической полемике, в особенности в Государственной думе и Государственном совете. Большое значение В. Ленин придавал механизму и тактике политической борьбы правомонархических организаций, избирательным технологиям, их законодательской деятельности в нижней палате парламента о возможных способах слияния с рабочим движением.

На страницах авторитетного периодического издания — газеты «Правда» — В. Ленин также не обходит вниманием и черносотенство. В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это тёмный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий.

Именно классовый подход в оценке исторических явлений, в том числе политических партий, по негласному правилу определил на перспективу взгляды историков в русле ленинских теоретических положений, что породило искажённую оценку социального состава движения, отрицание участия в деятельности крайне правых рабочих и крестьян, игнорирование факторов социальной психологии общественных движений при анализе черносотенства.

Значимым исследованием в области генезиса государственно-религиозной доктрины власти является труд видного дореволюционного историка, профессора В. Вальденберга «Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII

века» [14], изданный впервые в Петрограде в 1916 г. В нем автор систематизирует идеологические изыскания отечественных мыслителей, начиная с зарождения русской государственности и до начала петровской эпохи. Как представляется, работа В. Вальденберга является наиболее полным обзорно-аналитическим трудом по исследованию истории православно-государственной парадигмы власти в России. В ней исследователь показал преемственность государственной идеологии в России, её религиозный характер и связь с самодержавной властью.

Интересным с точки зрения изучения периода думской монархии и роли правых в нижней палате представляется работа А. Яковлева [63, с. 22]. Главным образом А. Яковлев рассматривает деятельность III Государственной думы в отношении Православной церкви, которая «служит не для укрепления и развития Православной церкви, а для расшатывания и понижения её авторитета в народной среде...» А. Яковлевым приводятся речи многих светских и духовных депутатов правомонархистов Государственной думы. Так, приводятся речи епископов Евлогия и Митрофана, священника, Маньковского.

Подводя итог рассмотрению работ, посвящённых правомонархизму, написанных до октября 1917 г., можно сказать следующее. Во-первых, данные работы не отличаются глубокой аналитической составляющей, и носят скорее публицистический характер. Некоторые исключения могут составить работы Л. Мартова, Н. Носкова, В. Левицкого, в которых делалась попытка систематизации правых партий, классификации их на основе программно-идеологических установок. Во-вторых, довольно большое количество работ рассматриваемого периода посвящено погромной деятельности черносотенцев, которая рассматривалась как негативная. В-третьих, черносотенство получило освещение в ряде работ исследующих деятельность Государственных дум Российской империи. В них авторами отражались взгляды депутатов-черносотенцев на различные вопросы политического и социально-экономического развития. Тем не менее, данные работы носят скорее описательный характер. В-четвёртых, черносотенство рассматривалось рядом авторов в контексте деятельности духовенства, положения Церкви в целом. Этому способствовало то, что среди черносотенцев было много лиц духовного звания. В-пятых, черносотенство получило освещение в работах политических лидеров эпохи. Среди них, безусловно, выделяются труды В. Ленина, заложившие основы

советской историографической традиции в рассмотрении правомонархического движения в России в начале XX века.

Таким образом, историографию дореволюционного периода в целом можно охарактеризовать как критическую и посвящённую, скорее не самому черносотенству, а в целом, социально-политической ситуации в стране, черносотенство же рассматривалось в контексте данной ситуации.

1. Аграрный вопрос в первой Государственной думе [Текст]. Киев, 1906. 93 с.
2. Алтайский, Б. Кое-что о чёрной сотне [Текст] / Б. Алтайский // Народный труд. Народно-социалистическое обозрение. Вып. 2. СПб., 1906. С. 36–45.
3. Альбом портретов членов Государственной думы [Текст]. Ч. 1–2. М., 1906.
4. Белокопский, И.П. Черносотенное «движение», или Тайны русской контрреволюции [Текст] / И.П. Белокопский // Образование. № 1. Ч. 1. СПб., 1906. С. 48–69.
5. Бикерман, И. Российская революция и Государственная дума [Текст] / И. Бикерман. СПб., 1906. 51 с.
6. Биографии г.г. членов Государственной думы [Текст]. СПб., 1906. 92 с.
7. Боиович, М.М. Члены Государственной думы: портреты и биография. Четвёртый созыв. 1912–1917 гг. [Текст] / М.М. Боиович. М., 1913. 456 с.
8. Бонч-Осмоловский, И. Работы первой Государственной думы (по стенографическим отчетам) [Текст] / И. Бонч-Осмоловский. СПб. 1906. 494 с.
9. Борисов, Я. Кому нужны погромы [Текст] / Я. Борисов. СПб, 1906. 19 с.
10. Брусянин, В.В. Судьба первых депутатов [Текст] / В.В. Брусянин. СПб., 1906. 92 с.
11. Брянчанинов, А.Н. Междодумье. Вып. 1. СПб., 1907. Памятная книжка первой Государственной думы [Текст] / А.Н. Брянчанинов. СПб. 1906. 358 с.
12. Брянчанинов, А.Н. Роспуск Государственной думы (причины – последствия) [Текст] / А.Н. Брянчанинов. Псков, 1906. 145 с.
13. Булацель, П.Ф. Борьба за правду [Текст] / П.Ф. Булацель. Т. 12. СПб., 1908.
14. Вальденберг, В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века [Текст] / В.Е. Вальденберг. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 368 с.
15. Васильев, Н.П. Вторая Дума [Текст] / Н.П. Васильев. СПб., 1907. 96 с.
16. Вашков, Е. Чёрные патриоты [Текст] / Е. Вашков. М, 1905. 16 с.
17. Вихров, А. Кого выбирать в 4-ю Государственную думу [Текст] / А. Вихров. М., 1912. 32 с.
18. Вязигин, А.С. Гололобовский инцидент [Текст] / А.С. Вязигин. Харьков, 1909. 94 с.
19. Герье, В. Вторая Государственная дума [Текст] / В. Герье. М., 1907. 380 с.

20. Герье, В. Первая русская Государственная дума [Текст] / В. Герье. М., 1906. 120 с.
21. Голованов, В. Земельный вопрос во второй Государственной думе [Текст] / В. Герье. СПб., 1907. 136 с.
22. Государственная дума в портретах 27/04–8/07 1906 [Текст]. М., 1906. 58 с.
23. Демченко, Я.Г. К вопросу о программе правых [Текст] / Я.Г. Демченко. Одесса, 1906. 35 с.
24. Духовенство и политическая агитация [Текст] // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 12 июля.
25. Елпатьевский, С. О черносотенцах [Текст] / С. Елпатьевский // Русское богатство. 1905. № 11–12.
26. К 10-летию первой Государственной думы [Текст]. Пг., 1916. 230 с.
27. Каминка, А. Вторая Государственная дума [Текст] / А. Каминка, В. Набоков. СПб., 1907. 308 с.
28. Карлухин, Д.В. Отечественная историография черносотенных союзов и организаций [Текст] / Д.В. Карлухин. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М. 2008. 43 с.
29. Кичеев, В.Г. Историография черносотенно-монархических организаций в России в начале XX в. [Текст] / В.Г. Кичеев // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 88–95.
30. Краткие биографии членов Государственной думы [Текст]. СПб., 1906. 52 с.
31. Левицкий, В.О. Правые партии [Текст] / В.О. Левицкий // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1914. Т. 3. Кн. 5. Партии – их состав, размещение и проявление в массовом движении и на выборах в Думу. С. 354–355.
32. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений [Текст] / В.И. Ленин. Из-е IV. Тт.16, 9, 10, 16, 18, 21. Л., 1963.
33. Лукин, Н. «Чёрная сотня» в Одессе [Текст] / Н. Лукин // Современный мир. 1906. № 11. Отд. 2. С. 55–61.
34. Маевский, Е. Общая картина движения [Текст] / Е. Маевский. СПб., 1910. Т.2 Вып. 1. С. 34–184.
35. Майков, А.А. Революционеры и черносотенцы [Текст] / А.А. Майков. СПб, 1907. 44 с.
36. Мартов, Л. Политические партии в России [Текст] / Л. Мартов. М., 1917. 36 с.
37. Меч, В. Силы реакции [Текст] / В. Меч // Борьба общественных сил в русской революции 1905–1906 гг. М., 1907. Вып. 1. С. 10–100.
38. Могиланский, М. Первая Государственная дума [Текст] / М. Могиланский. СПб., 1907. 29 с.
39. Назарьевский, Б. Бюрократия и интеллигенция [Текст] / Б. Назарьевский. М., 1906. 21 с.
40. Некрасов, С. Государственная дума и внутренний враг [Текст] / С. Некрасов. СПб., 1906. 24 с.
41. Никитин, К. Деятельность второй Государственной думы [Текст] / К. Никитин, И. Степанов. Вып. 1. М., 1907. 124 с.
42. Носков, Н.Д. Охранительные и реакционные партии в России [Текст] / Н.Д. Носков. СПб., 1906. 70 с.
43. Обнинский, В. Полгода русской революции [Текст]: Сб. матер. к истории русской революции. Вып. 1. М., 1906. 180 с.
44. Обнинский, В.П. Новый строй [Текст] / В.П. Обнинский. М., 1909. 362 с.
45. Оленев, М. Рабочий вопрос у правых [Текст] / М. Оленев // Современный мир. 1908. № 1. Отд. 2. С. 67–85.
46. Ольгович (Волькенштейн, О.А.). Кого и как выбирать во вторую Государственную Думу [Текст] / О.А. Волькенштейн. М., 1906. 14 с.
47. Памятная книжка первой Государственной думы [Текст]. СПб. 1906. 52 с.
48. Первая Государственная дума [Текст]. М., 1906. 159 с.
49. Первая Российская Государственная дума [Текст]. СПб., 1906. 126 с.
50. Представители Государственной думы [Текст]. СПб., 1906. 410 с.
51. Ропп, А.Н. Думские выступления [Текст] / А.Н. Ропп, А.С. Вязигин. Харьков, 1913. 72 с.
52. Сендерко, М. Государственная дума и жизненные вопросы православного духовенства [Текст] / М. Сендерко. СПб., 1912. 54 с.
53. Синодик членов второй Государственной думы [Текст]. СПб., 1907. 76 с.
54. Смирнов, А. Как прошли выборы во вторую Государственную Думу [Текст] / А. Смирнов. СПб., 1907. 294 с.
55. Собрание речей г.г. депутатов Государственной думы 1 и 2 созыва [Текст]. СПб., 1908. 576 с.
56. Старый Земец. К возрождению или разложению [Текст]. М., 1905. 58 с.
57. Тимофеев, П. В чайной Союза русского народа [Текст] / П. Тимофеев // Русское богатство. 1907. № 2. С. 57–81.
58. Цитрон, А. 103 дня Второй Думы [Текст] / А. Цитрон. СПб., 1907. 188 с.
59. Черняев Н.И. Из записной книжки монархиста [Текст] / Н.И. Черняев. Харьков, 1907. 248 с.
60. Члены второй Государственной думы (биографии, сравнительные характеристики членов 1 и 2 Государственной думы) [Текст]. СПб., 1907. 136 с.
61. Что сделала третья Государственная дума для народного образования [Текст]. СПб., 1912. 56 с.
62. Щегло, Л.В. Работа партий в первой Думе [Текст] / Л.В. Щегло. СПб., 1907. 29 с.
63. Яковлев, А. Церковная политика Государственной думы с иностранными парламентами [Текст] / А. Яковлев. Пг., 1915. 143 с.

References

1. *Agrarnyj vopros v pervoj Gosudarstvennoj dume* [Agrarian matter in the first State Duma]. Kiev, 1906, 93 p. (in Russian).
2. *Altajskij B. Koe-čto o černoj sotne* [Something about a Black Hundred]. Narodnyj trud. Narodno-socialisticheskoe obozrenie. Vyp. 2 (Common labour. Public and socialistic review. Issue 2). St.Petersburg, 1906, pp. 36–45 (in Russian).
3. *Al'bom portretov chlenov Gosudarstvennoj dumy* [A portrait album of the members of the State Duma]. Moscow, 1906 (in Russian).

4. Belokonskij I. P. *Образование*, 1906, no. 1, Ch. 1, pp. 48–69 (in Russian).
5. Bikerman I. *Rossijskaja revolucija i Gosudarstvennaja duma* [Russian revolution and the State Duma]. St.Petersburg, 1906, 51 p. (in Russian).
6. *Biografii g.g. chlenov Gosudarstvennoj dumy* [Biographies of the members of the State Duma]. St.Petersburg, 1906, 92 p. (in Russian).
7. Boiovich M.M. *Chleny Gosudarstvennoj dumy: portrety i biografija. Chetvertyj sozyv. 1912–1917 gg.* [Members of the State Duma: portraits and biographies. The fourth Duma. 1912–1917]. Moscow, 1913, 456 p. (in Russian).
8. Bonch-Osmolovskij I. *Raboty pervoj Gosudarstvennoj dumy (po stenograficheskim otchetam)* [Activities of the first State Duma (according to verbatim records)]. St.Petersburg, 1906, 494 p. (in Russian).
9. Borisov Ja. *Komu nuzhny pogrom* [Who needs violence]. St.Petersburg, 1906, 19 p. (in Russian).
10. Brusjanin V.V. *Sud'ba pervyh deputatov* [What become of the first deputies]. St.Petersburg, 1906, 92 p. (in Russian).
11. Brjanchaninov A.N. *Mezhdodum'e* [Inter-Duma]. St.Petersburg, 1906, 358 p. (in Russian).
12. Brjanchaninov A.N. *Rospusk Gosudarstvennoj dumy (prichiny – posledstviya)* [Dissolution of the State Duma (reasons and consequences)]. Pskov, 1906, 145 p. (in Russian).
13. Bulacel' P.F. *Bor'ba za pravdu* [Struggle for truth]. St.Petersburg, 1908 (in Russian).
14. Val'denberg V.E. *Drevnerusskie uchenija o predelah carskoj vlasti: Oчерki russkoj politicheskoj literatury ot Vladimira Svjatogo do konca XVII veka* [Old Russian doctrines about the extent of tsarist power: documentaries of Russian political literature from Vladimir the Great to the end of the XVII century]. Moscow, Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2006, 368 p. (in Russian).
15. Vasil'ev N.P. *Vtoraja Duma* [The second Duma]. St.Petersburg, 1907, 96 p. (in Russian).
16. Vashkov E. *Chernye patrioty* [Black patriots]. Moscow, 1905, 16 p. (in Russian).
17. Vihrov A. *Kogo vybirat' v 4-ju Gosudarstvennuju Dumu* [Who is to be elected to the fourth State Duma]. Moscow, 1912, 32 p. (in Russian).
18. Vjazigin A.S. *Gololobovskij incident* [Gololobov incident]. Har'kov, 1909, 94 p. (in Russian).
19. Ger'e V. *Vtoraja Gosudarstvennaja duma* [The second State Duma]. Moscow, 1907, 380 p. (in Russian).
20. Ger'e V. *Pervaja russkaja Gosudarstvennaja duma* [The first State Duma]. Moscow, 1906, 120 p. (in Russian).
21. Golovanov V. *Zemel'nyj vopros vo vtoroj Gosudarstvennoj dume* [Agrarian problem in the second State Duma]. St.Petersburg, 1907, 136 p. (in Russian).
22. *Gosudarstvennaja duma v portretah 27/04–8/07 1906* [The State Duma in the portraits 27/04–8/07 1906]. Moscow, 1906, 58 p. (in Russian).
23. Demchenko Ja.G. *K voprosu o pogrome pravyh* [On the programme of the rights]. Odessa, 1906, 35 p. (in Russian).
24. *Duhovenstvo i politicheskaja agitacija* [Religious leaders and political agitation]. Sankt-Peterburgskie vedomosti, 1912, 12 ijulja (in Russian).
25. Elpat'evskij S. *Russkoe bogatstvo*, 1905, no. 11–12 (in Russian).
26. *K 10-letiju pervoj Gosudarstvennoj dumy* [To the 10th anniversary of the first State Duma]. Pg., 1916, 230 p. (in Russian).
27. Kaminka A. *Nabokov V. Vtoraja Gosudarstvennaja duma* [The second State Duma]. St.Petersburg, 1907, 308 p. (in Russian).
28. Karpuhin D.V. *Otechestvennaja istoriografija chernosotennyh sojuzov i organizacij* [National historiography of the black-hundred units and organizations]. Moscow, 2008, 43 p. (in Russian).
29. Kicheev V.G. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 315, pp. 88–95 (in Russian).
30. *Kratkie biografii chlenov Gosudarstvennoj dumy* [Potted biography of the members of the State Duma]. St.Petersburg, 1906, 52 p. (in Russian).
31. Levickij V.O. *Pravye partii* [Right-wing parties]. *Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX v.* [Social movement in Russia at the beginning of the XX century]. St.Petersburg, 1914, T. 3, Kn. 5, pp. 354–355 (in Russian).
32. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works]. Jz-e IV. Tt. 16, 9, 10, 16, 18, 21. L., 1963 (in Russian).
33. Lukin N. *Sovremennij mir*, 1906, no. 11, Otd. 2, pp. 55–61 (in Russian).
34. Maevskij E. *Obshhaja kartina dvizhenija* [General image of movement]. St.Petersburg, 1910, t. 2, vyp.1, pp. 34–184 (in Russian).
35. Majkov A.A. *Revolucionery i chernosotency* [Revolutionaries and the Black Hundreds]. St.Petersburg, 1907, 44 p. (in Russian).
36. Martov L. *Politicheskie partii v Rossii* [Political parties in Russia]. Moscow, 1917, 36 p. (in Russian).
37. Mech V. *Sily reakcii* [Force of reaction]. *Bor'ba obshhestvennyh sil v russkoj trevoljucii 1905–1906 gg.* [Struggle of community forces in Russian revolution of 1905 – 1906]. Moscow, 1907, vyp. 1, pp. 10–100 (in Russian).
38. *Mogiljanskij M. Pervaja Gosudarstvennaja duma* [The first State Duma]. St.Petersburg, 1907, 29 p. (in Russian).
39. Nazar'evskij B. *Bjurokratija i intelligencija* [Bureaucracy and professional class]. Moscow, 1906, 21 p. (in Russian).
40. Nekrasov S. *Gosudarstvennaja duma i vnutrennij vrag* [The State Duma and enemy from within]. St.Petersburg, 1906, 24 p. (in Russian).
41. Nikitin K. *Stepanov, I. Dejatel'nost' vtoroj Gosudarstvennoj dumy* [Activity of the second State Duma]. Vyp. 1. Moscow, 1907, 124 p. (in Russian).
42. Noskov N.D. *Ohranitel'nye i reakcionnye partii v Rossii* [Protective and reactive parties in Russia]. St.Petersburg, 1906, 70 p. (in Russian).
43. Obninskij V. *Polgoda russkoj revoljucii: Sb. mater.k istorii russkoj revoljucii* [Six months of Russian revolution: Selection of works dedicated to the history of Russian revolution]. Vyp. 1. Moscow, 1906, 180 p. (in Russian).
44. Obninskij V.P. *Novyj stroj* [New regime]. Moscow, 1909, 362 p. (in Russian).
45. Olenev M. *Sovremennij mir*, 1908, no. 1, otd. 2, pp. 67–85 (in Russian).

46. Ol'govich' (Vol'kenshtejn O.A.) *Kogo i kak vybirat' vo vtoruju Gosudarstvennuju Dumu* [Who and how is to be chosen to the second State Duma]. Moscow, 1906, 14 p. (in Russian).

47. *Pamjatnaja knizhka pervoj Gosudarstvennoj dumy* [Memory tickler of the first State Duma]. St.Petersburg, 1906, 52 p. (in Russian).

48. *Pervaja Gosudarstvennaja дума* [The first State Duma]. Moscow, 1906 (in Russian).

49. *Pervaja Rossijskaja Gosudarstvennaja дума* [The first Russian State Duma]. St.Petersburg, 1906, 159 p. (in Russian).

50. *Predstaviteli Gosudarstvennoj dumy* [Representatives of the State Duma]. St.Petersburg, 1906, 126 p. (in Russian).

51. Ropp A.N. Vjazigin A.S. *Dumskie vystuplenija* [Duma speeches]. Har'kov, 1913, 72 p. (in Russian).

52. Senderko M. *Gosudarstvennaja дума i zhiznennye voprosy pravoslavnogo duhovenstva* [the State Duma and vital problems of the orthodox ministry]. St.Petersburg, 1912, 54 p. (in Russian).

53. *Sinodik chlenov vtoroj Gosudarstvennoj dumy* [Necrology of members of the second State Duma]. St.Petersburg, 1907, 76 p. (in Russian).

54. Smirnov A. *Kak proshli vybory vo vtoruju Gosudarstvennuju Dumu* [How the elections to the second State Duma were held]. St.Petersburg, 1907, 294 p. (in Russian).

55. *Sobranie rechej g.g. deputatov Gosudarstvennoj dumy 1 i 2 sozyva* [Selection of speeches of the deputies of the first and the second State Dumas]. St.Petersburg, 1908, 576 p. (in Russian).

56. Staryj Zemec. *K vozrozhdeniju ili razlozheniju* [To the revival or breakdown]. Moscow, 1905, 58 p. (in Russian).

57. Timofeev P. *Russkoe bogatstvo*, 1907, no. 2, pp. 57–81 (in Russian).

58. Citron A. *103 dnja Vtoroj Dumy* [103 days of the second Duma]. St.Petersburg, 1907, 188 p. (in Russian).

59. Chernjaev N.I. *Iz zapisnoj knizhki monarhista* [From the notebook of a monarchist]. Har'kov, 1907, 248 p. (in Russian).

60. *Chleny vtoroj Gosudarstvennoj dumy (biografii, sravnitel'nye harakteristiki chlenov 1 i 2 Gosudarstvennoj dumy)* [Members of the second State Duma (biographies, comparative characteristics of the members of the first and second State Dumas)]. St.Petersburg, 1907, 136 p. (in Russian).

61. *Chto sdelala tret'ja Gosudarstvennaja дума dlja narodnogo obrazovanija* [What the third State Duma did for public education]. St.Petersburg, 1912, 56 p. (in Russian).

62. Shheglo L.V. *Rabota partij v pervoj Dume* [Activity of the parties in the first Duma]. St.Petersburg, 1907, 29 p. (in Russian).

63. Jakovlev A. *Cerkovnaja politika Gosudarstvennoj dumy s inostrannymi parlamentami* [Church policy of the State Duma with foreign parliaments]. Pg., 1915, 143 p. (in Russian).

UDC 9; 93/94

PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF THE «BLACK HUNDRED» MOVEMENT IN RUSSIA

Ivakin Grigory Anatolyevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Department of Educational Policy, Deputy Director, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Moscow, Russia.

E-mail: ivakin@rane.ru

Annotation

The article considers the pre-revolutionary works forming the basis of historiography of the «Black Hundred» movement in the period before 1917. The author analyses the works devoted to various aspects of the right wing. It provides general characteristic of the works of pre-revolutionary researchers of the Black Hundred. Conclusions are made about the fact that these works do not have a deep analytical component, and are of a rather publicistic character. Among the works of this period, of course, the works of V.I. Lenin are highlighted, they laid the foundations of the Soviet historiographical tradition in considering the right wing movement in Russia at the beginning of XX century.

Key concepts:

Black Hundred, pre-revolutionary historiography of «Black Hundred», L. Martov, V. Lenin, V. Obninskiy.

УДК 141.12

**О «ЖИЗНИ» И
«СМЕРТИ» ИДЕЙ
(РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО
ПОВОДУ СТАТЬИ
В.О. ЛОБОВИКОВА
«ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ
МАТЕРИАЛИЗМ
В ЦИФРОВОМ
ФОРМАТЕ»)***

Борисов Сергей Валентинович,
Челябинский государственный
педагогический университет,
профессор кафедры философии
и культурологии,
доктор философских наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой дискуссию по поводу самой возможности представления диалектического материализма в «цифровом формате» (в системе логических уравнений).

Ключевые понятия:
диалектический материализм,
абстракция,
логика,
аксиология.

Внутри любого знания, до всякого его оформления в какой-нибудь «...изм» существуют уже свершившиеся в качестве его предпосылок и условий акты философствования. Как пишет М.К. Мамардашвили, «сам акт познания имплицитно включает какие-то философские акты, независимо от того, знаем мы об этом или не знаем» [4, с. 267]. Эти философские акты, уже содержащиеся в самой культуре научного мышления, представляют собой определённое мысленное, духовное поле, в котором уже после могут появляться акты научного познания. Таким образом, существуют некие фундаментальные философские абстракции, которые можно считать порождающими структурами тех или иных философских систем. Как они выявляются и как они работают? Путём трансцендирования. Человек обладает способностью «выходить из себя», за свои собственные пределы. Однако проблема в том, что нет такой точки, на которую можно было бы встать и посмотреть на себя и на мир со стороны, т.е. трансцендирование есть, а трансцендентного – нет. Нет – не в смысле, что его не существует, а в смысле, что оно никак не дано нам в какой-либо предметной, объективированной форме. Единственной «заменой» трансцендентного может служить само *сознание* на уровне рефлексии.

В философии Маркса такой базовой абстракцией можно считать «абстракцию практики». Она делает акцент на таких состояниях бытия человека – социального, экономического, идеологического, чувственно-жизненного и т.д., – которые не поддаются воспроизведению и объективной, рациональной развёртке на уровне рефлексивной конструкции, заставляя нас снять отождествление деятельности и её сознательного, идеального плана, что было характерно для классического философствования [4, с. 280]. Таким образом, выделяются два типа отношений в сознательном бытии: 1) отношения, которые складываются независимо от сознания; 2) отношения, которые складываются на основании первых и являются их идеологическим выражением («превращённые формы» сознания).

Именно над «тайной» марксовской абстракции попытался приоткрыть завесу автор статьи «Диалектический материализм в цифровом формате» – Владимир Олегович Лобовиков. Он отмечает: если допус-

*Статья подготовлена в рамках задания № 2014/396 Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

титель, что диалектический материализм есть не логическая связь фактов, а логическая связь *ценностей* (*курсив мой* – С.Б.) – система формально-аксиологических уравнений ценностных функций от некоторого конечного числа ценностных переменных, то вся логико-эмпирическая критика диамата будет уже не более чем досадное логико-лингвистическое недоразумение, порождённое многозначностью естественного языка [3, с. 130–131].

Двузначная алгебра формальной этики оценок, представленная Владимиром Олеговичем, строится на множестве любых поступков (или субъектов), являющихся либо хорошими (добром), либо плохими (злом) с точки зрения некоторого оценивающего субъекта («оценщика»), играющего роль «системы отсчёта» в *теории относительности* морально-правовых оценок. Из исходной системы определений и уравнений двузначной «алгебры философии» логически выводится система уравнений, представляющая собой дискретную математическую модель формально-аксиологического аспекта диалектического материализма.

Итак, давайте разберёмся с методологией. Выбирая оптимальный предмет и метод научного поиска в рамках той или иной научной проблемы, необходимо помнить, что важно найти и правильное *объяснение* проблемы, и добиться её глубокого *понимания*. С точки зрения объяснения модель В.О. Лобовикова работает безупречно, однако в плане понимания диамата как философии она не даёт ничего. Не вызывает сомнения, что во всех явлениях культуры (а к ним мы отнесём и акты философствования) мы всегда найдём воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или акты производятся. Однако ценности заложены только в самой культуре и достигаются, исходя из неё. Они не являются предметом оценки стороннего наблюдателя. Если же происходит «оценивание», то это значит, что наблюдатель находится в принципиально иной ценностной «системе координат». О ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только что они значат или не имеют значимости. Культурная ценность или фактически признаётся общезначимой, или же её значимость постулируется по крайней мере хотя бы одним культурным человеком. При этом, если иметь в виду культуру в высшем смысле этого слова, то речь здесь должна идти не об объектах простого желания, но о благах, к принятию которых или к работе над которыми мы чувствуем себя более или

менее нравственно обязанными в интересах того общественного целого, в котором мы живём.

Противоположность логическому понятию природы как бытию вещей, поскольку оно определяется общими законами, может быть намечена тоже только чисто логическим понятием *истории* в самом широком смысле этого слова, т.е. понятие единичного бытия во всей его особенности и индивидуальности, которое и образует противоположность понятию общего закона. Все понятия о науках суть понятия задач, и логически понять науки возможно, лишь проникнув в цель, которую они себе ставят, а отсюда – в логическую структуру их метода. Однако история не хочет генерализоваться так, как это делают естественные науки. И обстоятельство это является для логики решающим [5, с. 74–75]. Разумеется, историк тоже прибегает к всеобщим законам; но тогда он это делает и в той мере, в какой он это делает, он выступает скорее как психолог, биолог, физик, логик и т.д.; и наоборот, историком он является лишь в той мере, в какой занимается историческим всеобщим, пытаясь мыслить с позиции безусловного принятия системы ценностей исследуемой эпохи. Таким образом, историю из философии устранить невозможно. Если даже предпринять такую попытку и гнать историю в «дверь» системы ценностей прошлого, она всё равно влезет «в окно» системы ценностей настоящего.

Согласно же утверждению В.О. Лобовикова, «диалектическим материализмом» или «материалистической диалектикой» может быть названа всякая (любая) философская система, представляющая собой некий синтез материализма и диалектики. Автор отмечает, что диалектический материализм отождествляется с философией марксизма «неособственно». Владимир Олегович считает, что такая историко-философская традиция, с логической точки зрения ошибочна и, чтобы преодолеть эту ошибку, он предлагает отказаться от принципа историзма как методологического принципа философствования. Следствием принятия такой «абстракции от истории» является логическая возможность появления диалектического материализма в любую такую и только такую эпоху, когда есть все необходимые и в совокупности достаточные логические предпосылки для теоретического синтеза материализма и диалектики.

Как отмечает Владимир Олегович, если отбросить принцип историзма, то можно

прийти к выводу, что абстрактно-логическая возможность возникновения диалектического материализма существовала уже во времена Аристотеля. Более того, будучи взято как целое, философское наследие античной Греции после Платона и Аристотеля уже содержало в себе диамат имплицитно. Нужно было только сделать его бытие эксплицитным. Маркс и Энгельс сделали это, но не непосредственно из античного источника, а опосредованно, – через более близкие к ним источники – французский метафизический материализм и немецкую идеалистическую диалектику [3, с. 129].

Таким образом, В.О. Лобовиков задаётся следующим проблемным вопросом: нельзя ли сконструировать систему диалектического материализма, используя для этого значительно более ранние источники (исторические?! – С.Б.) по сравнению с теми, которые непосредственно использовались Маркс и Энгельс? Понятно, что в случае положительного ответа на этот вопрос это будет уже какая-то другая (немарксистская) версия диамата, но для автора важно, что это будет всё-таки диамат.

Однако то, что это будет диамат, не вызывает сомнения, поскольку в рамках интеллигентно разрешаемых условий и задач мы с неизбежностью получим некое понятное тождество. Данная процедура напоминает систему «доказательств» средневековой схоластики, наподобие «онтологического аргумента» существования Бога Ансельма Кентерберийского или «доказательств бытия Бога» Фомы Аквинского. Порядок творения через посредство божественной идеи (*causa exemplaris*) к воплощению её в вещи таков, что он позволяет обратный путь восхождения к идее через процессы абстрагирования. Логическое обоснование онтологического знания дается через анализ возможностей и пределов абстрагирующей деятельности ума. По сути, речь идёт о восхождении от видовых понятий и определений к родовым, ведущим к высшей достижимой человеческим умом абстракции – понятию Бога.

По поводу логики – ничего не скажешь, всё в полном порядке, но для доказательства чего-либо одной логики мало, а потому на самом деле эти «доказательства» ровным счётом ничего не доказывают, потому что они совсем не опираются на непосредственный культурно-исторический опыт «жизни» идей. По сути, в этих «доказательствах», абстрагирующихся от любого опыта (используя терминологию Канта) *ноуменальные* (метафизические)

объекты неоправданно «выдают себя» за *феноменальные*. Но существование Бога, например, столь же недоказуемо, сколь и непроверяемо. Он является безупречным *идеалом, пределом*, понятием, завершающим и венчающим собой всё человеческое познание. Видимо, таким понятием для Владимира Олеговича является диамат.

Возникает вопрос: а какие тогда значения имеют метафизические объекты в нашем знании о мире? Если они ничего не говорят о бытии, а только характеризуют наше мышление, логику, тогда, получается, нам следует вообще отказаться от метафизики? Согласно знаменитой «дилемме теоретика» К. Гемпеля, если теоретические термины выполняют свою функцию, то они не нужны. Если теоретические термины не выполняют своей функции, то они тем более не нужны. Однако теоретические термины либо выполняют свою функцию, либо не выполняют её. Следовательно, теоретические термины не нужны.

Если вторая посылка этой дилеммы сомнений не вызывает, то первая нуждается в объяснении. Рассмотрим следующий пример. Пусть нам известны два следующих закона: $\forall x(E_1(x) \rightarrow T(x))$ и $\forall x(T(x) \rightarrow E_2(x))$, т.е. если предмет обладает наблюдаемым свойством E_1 , то он обладает некоторым теоретическим свойством T , и если предмет обладает теоретическим свойством T , то он обладает и наблюдаемым свойством E_2 . Пусть нам известно также, что некий объект a обладает свойством E_1 ($E_1(a)$). Тогда на основании правил дедуктивного вывода мы можем заключить, что объект a должен обладать и свойством E_2 . Очевидно, что дедуктивная систематизация здесь имеет место. Однако те же самые правила логического вывода позволяют нам из двух посылок $\forall x(E_1(x) \rightarrow T(x))$ и $\forall x(T(x) \rightarrow E_2(x))$ получить в качестве заключения утверждение $\forall x(E1(x) \rightarrow E2(x))$, которое уже не содержит теоретического термина T , но которое выполняет функцию дедуктивной систематизации точно так же, как и два его предшественника: из $\forall x(E1(x) \rightarrow E_2(x))$ и $E1(a)$ дедуктивно выводимо $E_2(a)$. Аналогичное рассуждение будет иметь силу и для других типов возможных дедуктивных выводов. Во всех случаях, где в формулировках законов присутствуют теоретические термины, мы можем их исключить и сформулировать законы, говорящие о связи между различными наблюдаемыми свойствами без упоминания ненаблюдаемых сущностей. Тем самым действительно можно обосновать посылку, что в случае

выполнения теоретическими терминами своей функции они не нужны [2, с. 9]. Возникает вопрос: останется ли какое-либо «наблюдаемое» культурно-историческое содержание после устранения «лесов» теоретических терминов, которыми характеризуется диамат в интерпретации В.О. Лобовикова? Если да, тогда перед нами диамат, неразрывно связанный с традицией марксистской философии. Если нет, тогда перед нами система логически истинных, очень надёжных суждений, которые, тем не менее, не сообщают нам никакой информации о реальном мире.

Возьмём, например, «абстракцию рациональной структуры вещи» Платона. Деятельность трансцендирования в его философствовании схватывается актом сознания (в форме анамнезиса). Однако что человеку удастся припомнить? Сама постановка этого вопроса как бы «замораживает» акт трансцендирования, и чудесным образом процесс обращается в результат – сущность. «Сущность – это такое представление о предмете, которое возникает относительно предмета в виде рефлексивного сосредоточения на проявлении в себе трансцендирования» [4, с. 276]. Сущность – это, по сути, сознание трансцендирования. Осуществление рефлексивного акта означает переход на иной, нежели материальный (обыденный) уровень восприятия мира, следовательно, от мира вещей мы обращаемся к миру идей и основные причины, образцы, правила, гарантии ищем и устанавливаем там. Однако платоновская абстракция сущности «фактически сразу подвергается процессу мифологизации и натурализации» [4, с. 278] и в результате появляется представление о некоей сверхчувственной реальности (что было впоследствии активно подхвачено средневековой философией). Это пример феноменологического исследования абстракции Платона.

В.О. Лобовиков даёт логическую модель перехода от абстракции к абстракции в ходе *исторического развития* (курсив мой – С.Б.) от метафизики Парменида (формулы: 2; 7; 9; 60) и Гераклита (формулы: 2; 7; 9; 10) к метафизике Платона (формулы: 2; 6; 7; 9; 44) и Аристотеля (формулы: 2–4; 7; 9). В ходе этого исторического развития были введены, определены и исследованы многие новые философские понятия, в частности, понятия материи и формы, а также новые отношения. Например, равноценность материи и небытия, которую утверждали: Платон (формулы: 6;

7; 44), платоники (формулы: 1; 6; 7; 13), Аристотель (формулы: 3; 4; 7), а также представители целого ряда религиозно-философских учений [3, с. 133]. С логической точки зрения – всё верно, однако с феноменологической – возникает вопрос: а являются ли тождественными себе данные абстракции в ходе своего исторического развития? Является ли «материя» и «форма» Платона той же самой «материей» и «формой», о которой вели речь Аристотель или представители религиозно-философских учений? Например, достигли бы Платон, Аристотель или Августин понимания и единства по поводу следующего рассуждения: «если имеется человек, то верна речь о том, что он человек, и это обратимо: если верна речь о том, что есть человек, то человек есть. Но верная речь ни в коем случае не есть причина бытия вещи, однако вещь, по-видимому, есть некоторым образом причина истинности речи: ведь в зависимости от того, существует ли вещь или нет, речь о ней называется истинной или ложной» [1, с. 87]?

Общность можно найти не в содержании, а в самой процедуре философствования, например, в акте трансцендирования. Содержание же понятий было совершенно иным. Возникает вопрос: на основании чего данные понятия рассматриваются В.О. Лобовиковым как рядоположенные в единой цепочке исторической преемственности? Видимо, данное основание имплицитно содержится в самой структуре диамата, который, по мысли автора, вечен, архитипичен и внеисторичен. Получается парадоксальная ситуация, когда потомки учат предков ценностям и традициям, а не наоборот. Мы попадаем в ловушку линейного видения исторического процесса, несмотря на то, что пытаемся его отрицать. Однако идеи в нём – это уникальный феномен, их следует рассматривать во всём их многообразии. Иначе мы будем «причесывать» идеи и насильственно группировать их в соответствии с принципами преемственности, причины-следствия, целостности, движения к некоей судьбоносной цели. Жизнь идей проходит в творческой и хаотичной среде событийности, находящейся в процессе имманентной самоорганизации. Современное состояние этой жизни идей – это не её завершённое состояние, не некий итог исторического развития, а бесконечный веер возможностей.

Однако всякое соединение *предполагает* наличие некоторого *первоначального единства*. Например, высшим принципом метафи-

зики и онтологии, согласно Канту, первым началом всякого бытия и знания является «первоначальное синтетическое единство апперцепции». Всякий акт эмпирического схватывания предмета и его «понимания» по сути дела «подводит» его под единство самосознания, включает в целое опыта и жизни, поэтому без единства апперцепции были бы невозможны ни один «объект», ни «природа» как их закономерная связь, ни наука. Именно этот принцип синтетического единства апперцепции может *заменить* прежние метафизические «объекты».

Поэтому метафизика должна интересоваться не объектами разума, число и многообразие которых бесконечно, а только самим разумом. Разум может и должен дать себе полный, исчерпывающий «отчет» в своих простых, первоначальных действиях. Именно так может быть построена онтология – как полное перечисление простых актов рассудка, которыми «схватывается» и строится объект опыта и сам опыт как единое связанное целое объективных знаний.

1. Аристотель. Категории [Текст] // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1978. Т. 2. ... с.
2. Гемпель, К.Г. Логика объяснения [Текст] / К.Г. Гемпель. М., 1998. ... с.
3. Лобовиков, В.О. Диалектический материализм в «цифровом формате» (дискретная математическая модель логически непротиворечивого формально-аксиологического учения о противоречивости материи) [Текст] / В.О. Лобовиков // Социум и власть. 2014. № 1. С. 127–138.
4. Мамардашвили, М.К. Сознание как философская проблема [Текст] // Мамардашвили М.К. Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки. М., 1996. С. 263–285.
5. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре [Текст] / Г. Риккерт. М., 1998. ... с.

References

1. Aristotel'. Kategorii // *Aristotel'. Sochinenija: v 4 t. Moscow, 1978, T. 2, pp. 52–90* (in Russian).
2. Gempel' K.G. *Logika ob#jasnenija* [Logic of explanation]. Moscow, 1998, 240 p. (in Russian).
3. Lobovikov V.O. *Socium i vlast'*, 2014, no. 1, pp. 127–138 (in Russian).
4. Mamardashvili M.K. *Soznanie kak filosofskaja problema* [Consciousness as a philosophic matter]. *Neobhodimost' sebja: Lekcii. Stat'i. Filosofskie zametki* (Self-necessity: Lectures. Articles. Philosophic notes). Moscow, 1996, pp. 263–285 (in Russian).
5. Rikert G. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Sciences dealing with nature and sciences dealing with culture]. Moscow, 1998, 413 p. (in Russian).

UDC 141.12

ON "LIFE" AND "DEATH" OF IDEAS (REFLECTING UPON THE ARTICLE V.O. LOBOVIKOV "DIALECTICAL MATERIALISM IN DIGITAL FORMAT")

Borisov Sergey Valentinovich,

Chelyabinsk State Pedagogical University, Professor of the Chair of Philosophy and Cultural Studies, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Annotation

The article presents the discussion on the possibility of interpreting dialectical materialism in "digital format" (in the system of logic equation).

Key concepts:

dialectical materialism,
abstraction,
logics,
axiology.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом не более 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учёбы, учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трёх месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30.

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

* При отступлении от установленного объёма статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIMUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the “Antiplagiat” system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the “SOCIMUM AND POWER” journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.

Tel. 7 (351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.